

ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЦЕНТР СИСТЕМНЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ИППК ЮФУ и ИСПИ РАН

И.П. ДОБАЕВ

РАДИКАЛИЗАЦИЯ ИСЛАМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

МОСКВА – РОСТОВ-НА-ДОНУ
Социально-гуманитарные знания

2014

УДК 297.1
ББК 86.38(2Рос)
Д 55

Рецензенты:

Боташева А.К., доктор политических наук, профессор;

Силантьев Р.А., доктор исторических наук, профессор.

Добаев И.П.

Д 55 **Радикализация ислама в современной России.** – Москва – Ростов-на-Дону: Социально-гуманитарные знания, 2014. – 332 с.

Монография посвящена вопросам влияния внутренних и внешних факторов на политизацию и радикализацию ислама в Российской Федерации в постсоветский период, а также актуальным вопросам совершенствования противодействия религиозно-политическому экстремизму и терроризму в РФ.

Адресуется студентам и преподавателям высших учебных заведений, аспирантам, учителям средних и средних специальных учебных заведений, сотрудникам правоохранительных органов, работникам анти-террористических комиссий, а также широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-91604-003-6

© ЦСРИиП ИППК ЮФУ и ИСПИ РАН

© Добаев И.П., 2014

Содержание

Введение	5
Глава I. Теоретико-методологические подходы к осмыслению процесса радикализации ислама	12
1.1. «Радикализация ислама» как религиозно-политический процесс: концептуализация понятия.....	12
1.2. Сущность, типология и содержание современного терроризма.....	36
1.3. Причины, факторы и формы политизации и радикализации ислама, становления современного терроризма в мире и в России.....	60
Глава II. Эндогенные факторы радикализации ислама в Российской Федерации	85
2.1. Внутррелигиозные факторы политизации и радикализации ислама.....	85
2.2. Ключевые эндогенные факторы радикализации ислама в РФ (на примере республик Северного Кавказа).....	109
Глава III. Терроризм под прикрытием ислама на Северном Кавказе: влияние экзогенного фактора	133
3.1. Идеологическое обоснование терроризма в мире и на Северном Кавказе.....	133
3.2. Организационное строение северокавказского террористического кластера.....	157
3.3. Формы и методы специфической политической практики северокавказских «джихадистов».....	185
3.4. Финансово-экономическое обеспечение подрывной деятельности террористических структур на Северном Кавказе.....	207

Глава IV. Радикальный исламизм и основные направления усиления противодействия ему в современной России.....	227
4.1. Этапы радикализации ислама в Российской Федерации и их характеристика.....	227
4.2. Пути повышения эффективности противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации.....	251
Заключение.....	283
Глоссарий.....	296
Библиографический список литературы	311

Введение

Начавшиеся в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. возрожденческие процессы практически во всех религиях в России не обошли стороной и ислам. Возрожденчество объективно предопределило политизацию и, как следствие, радикализацию ислама и исламского движения, обусловило сложный процесс институционализации исламских и исламистских структур в России, в том числе неправительственных религиозно-политических организаций радикального толка.

Опасная религиозно-политическая ситуация, сложившаяся в некоторых регионах России, особенно на Северном Кавказе, определяется целым рядом внутренних конфликтогенных факторов, среди которых эксперты чаще всего выделяют политические, социально-экономические, демографо-миграционные, этнические и собственно конфессиональные. Одновременно в самой исламской системе сложились внутрирелигиозные основания исламизма, которые авторитетный отечественный исламовед А.А. Игнатенко обозначил как «эндогенный радикализм в исламе»¹. Взаимодействие этих групп эндогенных факторов запустило в действие разрушающий процесс политизации и радикализации ислама в современной России, а внешнее влияние резко его усилило.

Неизбежным следствием этого процесса стало появление групп адептов, скрепленных идеологией радикального исламизма, ставящих перед собой радикальные же цели по созданию исламского государства, живущего по божественным законам шариата. Реализация такого масштабного сепаратистского проекта, безусловно, невозможна мирным путем, без применения силы, и радикальные исламисты с готовностью ее используют в самых разнообразных формах, в том числе путем осуществления террористических акций.

¹ См. об этом: *Игнатенко А.А.* Эндогенный радикализм в исламе // Центральная Азия и Кавказ (Лулео, Швеция). – 2000. – № 2 (8).

Терроризм современной эпохи – сложное, многомерное социально-политическое явление, обусловленное процессами глобализации, результатом которых является дифференциация между богатыми и бедными странами, а также между бедными и богатыми людьми практически повсеместно. Региональные, локальные конфликты и войны, а также агрессивная вестернизация международных и внутренних регионов разных государств не могли не сопровождаться отторгающей реакцией традиционных обществ, прежде всего, относящихся к «исламскому миру».

Метаастазы террористических структур охватили весь мир, а терроризм растекся по планете, втягивая в свой водоворот многие страны и регионы. Развернув в XXI веке беспрецедентную атаку на цивилизованный мир, террористы попытались навязать государствам и обществу свои правила игры, и в определенной степени преуспели в этом. С большим трудом мировому сообществу удастся вырабатывать адекватные меры противодействия, противопоставляя террористам мощь государственной машины. Однако обуздать терроризм пока не удастся.

Терроризм стал далеко не отвлеченным явлением и на постсоветском пространстве. Особенно жесткие его всплески фиксируются в Центральной Азии и на Северном Кавказе. Безусловно, главной причиной появления и развития терроризма и террористического движения на постсоветском пространстве стал мгновенный по историческим меркам развал Советского Союза, сопровождавшийся крушением коммунистической идеологии. Новой России, не обретшей прочного идеологического фундамента, оказалось трудно противостоять натиску вновь появившихся нетрадиционных акторов глобальной и региональной геополитики, сетевым структурам современных террористов, орудующих на Северном Кавказе, в частности.

Опасная религиозно-политическая ситуация, сложившаяся в северокавказском регионе России, детерминируется, как уже отмечалось, целым рядом внутренних конфликтогенных факторов.

Не секрет, что система управления в постсоветских республиках Северного Кавказа носит отчетливо выраженный клановый характер, повсюду фиксируется безработица, бедность значительной части населения и ощутимый разрыв в уровне жизни между различными социальными группами. К укреплению базы радикального исламизма ведет и расширенная демография, сопровождающаяся массовой стихийной миграцией – из горных и предгорных районов в равнинные, из сельской местности – в города и пригороды, а оттуда – в другие субъекты России. Итог – появление значительного слоя маргинальной молодежи, наиболее подверженной восприятию идеологием радикального исламизма.

Важным остается и внешний фактор разрастания терроризма в мире и некоторых регионах России, который подогревает внутренние конфликтогенные характеристики, нередко приводя их в резонансное состояние. Очень часто кровавые акты устрашения общества инициируются силами, преследующими далеко идущие глобальные цели, при этом их непосредственными исполнителями декларируются нарочито примитивные лозунги, что характерно для реалий современного Северного Кавказа. Нельзя забывать о том, что потенциально существующие зоны конфликтов и линии разломов активируются не сами по себе, а в ходе продуманных и просчитанных операций внешних сил. Отсюда следует, что для эффективного противодействия деструктивным тенденциям на Северном Кавказе, в том числе религиозно-политическому экстремизму и терроризму, и отстаивания национальных интересов России в регионе необходимо занять более активную позицию по противодействию устремлениям ключевых геополитических оппонентов и их пособников. Только на этой основе возможно снижение уровня конфликтности региона, чему должна способствовать разработка новых, более эффективных направлений противодействия религиозно-политическому экстремизму и терроризму.

Внешнее влияние на идеологическую обработку российской молодежи, характер оформления организационных структур террористов, формы и методы осуществления ими специфической политической практики, наконец, на источники финансово-экономической подпитки боевиков, носит несомненный характер. Все это предопределяет необходимость выработки действенных мер по противодействию внешнему влиянию на этих каналах.

Однако, в отличие от широко распространенного представления об источниках опасностей и угроз, находящихся исключительно во внешней среде, подавляющее большинство специалистов-террологов исходит из того, что опасность всегда полезнее и продуктивнее трактовать как внутреннюю и связывать ее не с кознями «врагов» из-за рубежа, а с дефицитом своего интеллектуального потенциала, собственных средств и методов работы. Иначе говоря, источниками любых опасностей являемся мы сами, наше недостаточное знание о предмете опасностей и угроз.

Вместе с тем, террористическая активность растекалась по всему Северному Кавказу, а отдельные ее метастазы уже фиксируются в Поволжье и других регионах России. Силловые методы, по всей видимости, достигли своего предела, и уже не дают желаемой отдачи. Отсюда следует, что акценты в антитеррористической практике следует переносить в плоскость идеолого-пропагандистской и идеологической деятельности. Одновременно следует снижать уровень конфликтности ключевых эндогенных факторов, подпитывающих девиации на религиозной почве. Только на этой основе возможна победа над терроризмом, а шире – деполитизация ислама. Сегодня наиболее важной ареной противоборства становится духовность, а развитие и укрепление всей системы противодействия идеологии терроризма – важнейшей и неотложной задачей государства и общества. Постепенно приходит осознание того, что вне идеологической сферы победить терроризм невозможно.

Проблемам политизации и радикализации ислама, а также современному религиозно-политическому экстремизму и терроризму, подпитываемому идеологией радикального исламизма, в целом, и в Российской Федерации, в частности, посвящено немало разноплановых работ политологического, социологического, философского и др. характера, а также публицистики.

Подъем политического ислама и связанные с этим процессы исследуются в трудах зарубежных авторов – А. Беннигсена, О. Каре, Н. Кедди, Ж. Кеппеля, М. Крамера, Ш. Лемерсье-Келькеже, Е. Мортимера, М. Олкотт, М. Родинсона, Я. Роя, Ш. Хантер и др.

Непосредственно проблеме терроризма посвящены работы таких авторитетных зарубежных специалистов в этой области, как: Л. Бернард, Дж. Волл, Б. Дженкинс, Дж. Эспозито, К. Кацман, В. Лакер, Е. Лапейре, Р. Петерс, О. Рой, М. Сейджман, Э. Сиван и др.

Среди современных отечественных ученых, внесших весомый вклад в исследование различных аспектов мусульманства, исламского права (фикха), а также политических аспектов этой религии можно назвать: А.В. Васильева, Л.С. Васильева, А.А. Игнатенко, А.И. Ионову, Г.М. Керимова, Н.С. Кирабаева, С.А. Кириллину, Р.Г. Ланду, А.В. Малащенко, Д.Б. Малышеву, Л.И. Медведко, Д.В. Микульского, Г.В. Милославского, В.В. Наумкина, А.Ш. Ниязи, Л.Р. Полонскую, Е.Б. Рашковского, А.В. Сагадеева, Т.С. Саидбаева, Л.Р. Сюкияйнена, А.И. Умнова, Р.М. Шарипову и др.

В постсоветский период сообщество российских исламоведов пополнилось именами В.О. Бобровникова, И.П. Добаева, Н.М. Емельяновой, А.В. Кудрявцева, Д.В. Макарова, К.И. Полякова, С.М. Червонной, А.А. Ярлыкапова и др., основательно исследовавшими процессы политизации и радикализации ислама, а также его крайних форм (религиозно-политический экстремизм и терроризм, прикрывающийся исламским вероучением).

На Северном Кавказе серьезный вклад в осмысление фундаментальных проблем регионального ислама и форм его бытования внесли М.А. Абдуллаев, В.Х. Акаев, М.В. Вагабов, М.Б. Мужухоев, М.Н. Османов, А.Р. Шихсаидов и др.

В конце 90-х – первой декаде 2000-х г появились исследования ученых региона, напрямую касающиеся проблем в современном исламе на Северном Кавказе и воздействия их на социально-политические процессы. Среди них следует назвать С.М. Абдулагатова, З.С. Арухова, С.Е. Бережного, Э.Ф. Кисриева, Е.В. Кратова, С.А. Ляушеву, Г.А. Мурклинскую, И.М. Сампиева, К.М. Ханбабаева, О.М. Цветкова и некоторых других.

Различные вопросы современного религиозно-политического экстремизма и терроризма основательно исследованы в работах З.С. Арухова, А.К. Боташевой, И.П. Добаева, С.А. Воронцова, Д. Назирова и др., а также в трудах молодых ученых – М.А. Адамовой, А.И. Добаева, А.В. Егупова, М.Е. Косяковой, Х.Т. Курбанова, Р.Ф. Патеева, О.В. Репинской, Н.Е. Романченко, А.В. Сухова и др. Среди них особо выделим молодого, быстро прогрессирующего новосибирского ученого – С.И. Чудинова¹.

Для более глубокого осмысления феномена религиозно-политического экстремизма и современного терроризма, прикрывающегося исламом, изучены труды наиболее известных представителей радикального ислама, среди которых – Таки ад-Дин Ибн Таймийя, Ибн аль-Кайим, Ибн Кассир, Ибн аль-Джаузи, Мухаммад ибн Абд аль-Ваххаб ат-Тамими, Абу Аля аль-Маудуди, Сайид Кутб, Абд ас-Салам Фараг, Фаузан ибн Фаузан, Салих Сарийя, Шукри Мустафа, Юсуф аль-Кардави, Айман аз-Завахири, Абу Мусаба аз-Заркави и др., а также приверженцев северокавказского исламизма – А. Ахтаева, М. Кебедова, М. Тагаева, М. Удугова, З. Яндарбиева и др.

¹ См., например: *Чудинов С.И.* Терроризм смертников: проблемы научно-философского осмысления (на материале радикального ислама). – М., 2010.

Эндогенным факторам усиления радикальных тенденций в исламе, в целом, посвящены работы авторитетного ученого-арабиста, президента Института религии и политики А.А. Игнатенко, а на Северном Кавказе – группы ученых Южного научного центра РАН во главе с известным специалистом в области этнополитических конфликтов В.А. Авксентьевым¹.

Что касается внешнего влияния на радикализацию салафитских групп, действующих на Северном Кавказе, а также на развитие здесь террористического движения, то его отдельные стороны можно обнаружить в работах многих авторов.

Однако комплексно, с рассмотрением разнообразных эндогенных и экзогенных характеристик, факторный анализ политизации и радикализации ислама в Российской Федерации исследователями до сих пор не проводился. Безусловно, это обстоятельство дополнительно актуализирует предпринятое исследование.

¹ См. об этом: *Игнатенко А.А.* Эндогенный радикализм в исламе // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – № 2 (8); *Авксентьев В.А.* и др. Юг России в зеркале конфликтологической экспертизы. – Ростов н/Дону, 2011.

Глава I. Теоретико-методологические подходы к осмыслению процесса радикализации ислама

В первой главе исследования нам предстоит рассмотреть такие вопросы, как взаимосвязь ислама и политики, а также смысловое содержание следующих понятий: «политический ислам», «исламский радикализм» («исланизм», или «радикальный ислам»), религиозно-политический экстремизм и терроризм, прикрывающийся исламским вероучением, а также «политизация ислама» и, наконец, предложить рабочее определение ключевому понятию исследования – «радикализация ислама». Кроме этого, потребуется определить причины, факторы и формы политизации и радикализации ислама в современном мире, в Российской Федерации в частности, приведшие к появлению и разрастанию современного терроризма.

1.1. «Радикализация ислама» как религиозно-политический процесс: концептуализация понятия

Ислам, как крупный социальный институт и одновременно процесс, представляет собой сложное и противоречивое явление, включающее целый ряд направлений, толков, течений, а также и сект. Однако, несмотря на современную мозаичность ислама¹, среди мусульман существует глубокое убеждение об их принадлежности к единой общности людей, исповедующих общую веру, объединенных общими традициями, историческими корнями и единством интересов в современном мире, – к исламской умме мира. Ислам, в глазах его приверженцев, – не только вера, но и образ жизни, бытовые правила и обычаи, менталитет, обусловленные шариатом. Ислам в большей степени, чем другие

¹ См., например, об этом: *Grigorian Vartan*. Islam a Mosaic, not a monolith. – N-Y., 2003.

мировые религии, включен в систему социального и политического регулирования. Практически все стороны жизни мусульманина объявляются религиозно значимыми, поскольку кораническое мировоззрение не знает противопоставления сакрального и профанного, религии и политики, сексуальности и благочестия. Вся полнота жизни потенциально свята. Цель – таухид (утверждение единства), интеграция всей жизни в единой общине, которая и дает мусульманину ощущение близости к высшему единству – Богу. Ведь, как свидетельствует Коран, правильно устроенное общество должно процветать, потому что оно точно соответствует божественным установлениям¹. Таким образом, создаются предпосылки для всесторонней политизации ислама, в результате чего фиксируются призывы к политической консолидации мусульман, к превращению религиозной общности всех мусульман в политическое единство того или иного уровня институционализации.

Политизация и радикализация ислама имеет исторически обусловленный характер. После осуществления в 622 г. хиджры (переселения) мусульманской уммы во главе с пророком Мухаммадом из языческой Мекки в оазис Ясриб (нынешняя Медина) постепенно создается исламские протогосударство, жизнь в котором становится невозможной без становления соответствующих социальных и правовых норм. Так появляется Устав Уммы, ныне известный как «Мединская Конституция», ставший, по всей видимости, первым документом, регулирующим социально-политические, правовые и собственно религиозные отношения среди жителей Ясриба. В Уставе, написанном «...пророком Мухаммадом для верующих и подчинившихся из племени Курайш и долины Ясриб, для тех, кто следовал за ними, а также для тех, кто впоследствии присоединились к ним, и для тех, кто участвовал

¹ *Армстронг К.* Ислам: краткая история от начала до наших дней / Пер. с англ. М. Беловой. – М., 2011. – С. 30, 51.

с ними в Джихаде...»¹, строго оговариваются поведенческие нормативы и санкции за их нарушение, как для мусульман, так и не мусульман, что касалось, в первую очередь, представителей иудейских племен, проживавших в Ясрибе. В 42-й статье устава отмечено: «В случае возникновения какого-либо конфликта среди владельцев этого документа, если имеются опасения его разрушительного действия среди них, то он будет вынесен на суд всевышнего Аллаха и посланника Аллаха – Мухаммада. Нет сомнения в том, что Аллах доволен теми, кто выполняет данный документ...». То, что предписания Устава имеют для верующих вневременный, абсолютный характер законов Аллаха, однозначно следует из предпоследней, 46-й статьи Устава Уммы Пророка: «Аллах всегда доволен теми, кто наиболее точно и полно будет соблюдать все пункты данного документа»².

В Мединский период, характеризующийся необходимостью управления расширяющейся общиной мусульман, противостояния иудейским племенам, не пожелавшим принять ислам, а также ведения войны, прежде всего, с мекканскими язычниками, пророк получает соответствующие божественные откровения, касающиеся постоянно расширявшихся аспектов жизни мусульманской уммы. Позже, в ходе кодификации Корана во время правления третьего «праведного» халифа Османа (Усмана, 644-656 гг.), они нашли отражение в священной книге мусульман. Следует подчеркнуть, что различают аяты (стихи, откровения) Корана, полученные Пророком в мекканский период (610-622 гг.) и мединский период (622-632 гг.). Если в Мекке шло становление ислама, как религии, а коранические аяты содержали, в основном, мировоззренческие ценностные ориентиры для немногочисленной тогда когорты мусульман, то в Медине содержание коранического текста уже наполняется социально-правовой и даже политической

¹ *Цит. по: Нухаев Х.-А.* Теория и практика ханифитского традиционализма в контексте российско-чеченского конфликта. – Баку, 2003. – С. 100.

² Там же. – С. 101.

прагматикой. В этот же период появляются, теоретически и практически развиваются два основополагающих конструкта, которые в настоящее время составляют основу всех идеологических доктрин радикальных исламистов. Речь идет о «такфире» (обвинении в неверии) и «джихаде» (священной войне за веру).

Связь ислама и политики ярко прослеживается после смерти пророка Мухаммада (632 г.). Именно тогда перед сообществом правоверных встал явно политический вопрос, а именно: кто и на каком основании должен заместить пророка, то есть стать халифом, повелителем правоверных («амер аль-муминин»)? По этому поводу произошел первый раскол в мусульманской умме, в ней первоначально появилось два направления, приверженцы которых стали именоваться «суннитами» и «шиитами». Первые выступали за выборы халифа из среды самых авторитетных мусульман, представителей арабского племени курейшитов; вторые же настаивали на том, что наследником пророка может быть только его кровный родственник, выходец из рода хашим, входившего в состав того же племени курейшитов. Предпочтение получил первый подход, в результате стал неизбежным первый раскол в прежде единой при жизни пророка мусульманской умме – на суннитов (приверженцев принципа выборности) и шиитов (сторонников наследования по крови). Раскол усугубился противостоянием ведущих курейшитских родов, приведшем к появлению третьего направления в исламе – хариджизма, и гибели от руки хариджита четвертого и последнего выборного (праведного) халифа Али (годы правления 656-661 гг.), в результате чего к власти в Халифате пришли «узурпаторы» – представители рода Омейядов (661-750 гг.). В последующем в рамках каждого из направлений выделились различные группы, секты и подсекты, некоторые из них выделялись весьма радикальными политическими взглядами и действиями. Наиболее радикальным было движение хариджитов, которое по этой причине столкнулось с социальным отчуждением, и в настоящее время только в Омане и Йемене

существует небольшая община ибадитов, которую с большой долей условности можно отнести к умеренным хариджитами. В этой связи, говоря о направлениях в современном исламе, чаще всего имеют в виду суннизм, которому следует большинство (до 90 процентов) всех мусульман и шиизм, число сторонников которого приближается к 10 процентам численности мусульманской уммы мира.

Период религиозной деятельности пророка Мухаммада (610-632) и первых четырех «праведных» халифов: АбуБакра (632-634), Омара (634-644), Османа (644-656) и Али (656-661), то есть временной промежуток с 610 г. по 661 г., получил в исламоведческой литературе клише – «золотой век ислама».

Однако дробление общеисламского поля после выделения самостоятельных направлений в исламе не завершается. В VIII-IX вв. фиксируется раскол всех трех мусульманских направлений на толки, или мазхабы (мусульманские правовые школы), число которых в разное время варьировалось. Однако в настоящее время в преобладающем направлении – суннитском исламе – насчитывается четыре, считающихся равноценными, мазхаба: ханифитский, шафиитский, маликитский и ханбалитский. Первые два толка считаются «мягкими», адаптивными к изменяющимся условиям и доисламским нормам обычного права, последние два «жесткими», особенно ханбалитский мазхаб, который, в отличие от других правовых школ суннизма, выпестовался из религиозно-политического движения, возглавлявшегося известным средневековым мусульманским ученым-правоведом Ибн Ханбалом (780-855 гг.).

Значимую роль в этом эволюционном процессе развития мусульманства сыграли частные лица – богословы (улемы) и особенно правоведы (факихи), специалисты в области исламского права, которые, в ответ на объективные и субъективные потребности правителей, разработали систему мусульманского права (фикх), а также и шариата, аккумулирующего в себе религиоз-

ные, нравственно-эстетические и некоторые правовые предписания, практически охватывающие все сферы жизнедеятельности верующих. В основе правовых разработок в исламских мазхабах лежит процедура «разумного умозаключения», или выведения (истинбат) общих норм, правил, установлений и суждений по отдельным вопросам, которая получила название «иджтихад». Иначе говоря, иджтихад – это деятельность мусульманских ученых (муджтахидов) в решении вопросов религиозной и общественной жизни на основе Корана и Сунны¹. Главными методами иджтихада являются следующие: «консенсус» (иджма), «аналогия» (кияс), «экспертное заключение отдельно взятого правоведа» (рай), «общее благо» (истислах) и «относительно большее благо» (истихсан). Однако уже в XI в., после того как в суннитском исламе сложились вышеназванные школы исламского права, стало считаться, что новые мазхабы создавать нельзя. Более того, нельзя и прибавлять что-то новое к существующим толкам, «врата» самостоятельного суждения, «иджтихада», закрылись. Самым большим грехом для правоверного становится «*бидъа*» (недозволенное нововведение), которое, согласно исламской ортодоксии, может дезинтегрировать мусульманскую умму, нарушить ее спокойствие и плавное течение жизни. С возможностью такого рода дезинтеграции ислам спасается борьбой с нововведениями, которое обязано вести исламское государство и все общество (умма)². Вместе с тем, следует отметить, что в другом мощном направлении ислама – шиизме – осуществление практики иджтихада до сих пор остается доступным для верхушки шиитского духовенства (аятоллы, великие аятоллы, имеющие титул «марджа-йе таглид» – «образец для подражания»).

¹ Добаев И.П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. – Ростов н/Дону, 2003. – С. 82.

² Фурман Д. Послесловие к кн. *Ан-Наим Ахмед Абдуллахи*. На пути к исламской реформации. – М., 1999. – С. 273.

Когда мусульмане основали свою великую империю – Халифат, исламские законодатели предложили религиозное толкование осуществленных завоеваний, разделивших мир на дар аль-ислам («территория ислама») и дар аль-харб («территория войны»), что можно считать очередным шагом на пути дальнейшей политизации и радикализации ислама. К «дар аль-ислам» относятся страны, находящиеся под властью мусульман, к «дар аль-харб» – «неверных» правителей. «Область ислама» теоретически всегда должна находиться в состоянии вечной войны с «дар-ал-харб». В исключительных случаях ислам допускает временное перемирие сроком до десяти лет. Кроме этих категорий стран некоторые факихи выделяют еще одну категорию земель – «область мира» («дар аль-сульх»). Это такие земли, которые не принадлежат мусульманам и не управляются ими, но их правители считают себя вассалами мусульманских государств и платят за это определенную дань.

В начальный период становления ислама «джихад» понимался, прежде всего, как борьба в защиту и за распространение ислама, как приложение напряженных усилий на пути Аллаха, что означало повсеместное распространение веры в Аллаха, при этом участие в «джихаде» считалось прямым путем достижения рая.

Следует подчеркнуть, тем не менее, что даже взгляды самого пророка Мухаммеда на сущность джихада прошли ощутимую эволюцию во времени: в мекканский период, прошедший под лозунгом «нет принуждения в религии»¹, запрещалось входить с «многобожниками» в конфронтацию, а предлагалось склонять их к истинной вере «мудростью и хорошим увещанием». Однако уже в мединский период, когда последовали нападения на мусульман со стороны мекканских многобожников, война была санкционирована: первоначально было разрешено вести с врагами ислама оборонительную войну, затем нападать на неверных,

¹ Коран. Сура ал-Баккара (Корова), аят 56 (Пер. и коммент. И.Ю. Крачковского. – М., 1986.).

но так, чтобы военные действия не приходились на священные месяцы, а окончательно – нападать на них в любое время и повсюду¹.

Другими словами, в период мекканских откровений «джихад» рассматривался скорее как усилие по спасению души, нежели чем борьба за обращение в веру. Более того, в тот период времени не было единой точки зрения в отношении обязательности участия в «джихаде» для членов мусульманской общины. В мединских же сурах Корана война за веру вменяется в обязанность последователей ислама как священная, она возводится в ранг выполнения божественной миссии, подкреплённой авторитетом Аллаха.

В дальнейшем в ходе развития концепции джихада типология этого явления с точки зрения объекта вооружённого нападения стала включать шесть разновидностей: джихад против врагов Аллаха (т.е. тех, кто угрожает существованию исламской уммы, тех, кто преследует мусульман, а также против язычников); джихад против тех, кто покушается на неприкосновенность границ «дар-аль-ислам»; джихад против вероотступников («мунафикун»); джихад против притеснителя («аль-баги»); джихад против разбойников; джихад против монотеистов – немусульман, отказывающихся платить «джизию»².

Однако вплоть до сегодняшнего дня в силу определенной разобщённости исламского движения на различные направления, толки (мазхабы) и идейные течения общепризнанной классической доктрины «джихада» так и не создано, таковой просто не существует³, как не существует и единого для всех мусульман правового верия. Тем не менее, в широком смысле под термином «джихад» в мусульманстве чаще всего понимается борьба за веру,

¹ Ислам. Энциклопедический словарь. – М., 1991. – С. 51.

² Ислам. Энциклопедический словарь. – С. 67.

³ См., например: *Жданов Н.В.* Исламская концепция миропорядка. – М., 2003. – С. 77.

которая ведется в следующих основных формах: «джихад сердца» – борьба с собственными дурными наклонностями; «джихад языка» – «повеление достойного одобрения и запрещение достойного порицания»; «джихад руки» – принятие соответствующих мер наказания в отношении преступников и нарушителей норм нравственности; «джихад меча» – вооруженная борьба с неверными, павшему в которой уготовано вечное блаженство в раю¹. Что касается радикальных исламистов, то ими джихад понимается и принимается исключительно в его узком смысле, как «газават» – «джихад меча», причем допускается его наступательный характер, а участие в нем, в отрыве от мусульманской ортодоксии, переходит из «фард кифаи» (коллективная обязанность) в «фард айн» (индивидуальная обязанность каждого мусульманина).

Помимо многочисленных направлений, течений и сект в середине VIII – начале IX вв. в исламе (как в суннизме, так и в шиизме) возникает и формируется мистико-аскетическое направление – суфизм. Первоначально в нем доминирует аскетическая составляющая, позже – мистическая. Суть последней заключается в следующем: ученик (мюрид) при наставничестве учителя (мюршид) проходит мистический путь (ар.: тарика – путь, дорога), от первоначальной стадии (шариат) через две последующие (тарикат, маарифат) к последней – хакикат (истина), до полного слияния с божеством. Таким образом, можно считать, что верующий, избравший путь суфия, – более «продвинутый» мусульманин по сравнению с обычным верующим. Постепенно на суфий-

¹ Имеются и другие классификации *джихада*. Например: «джихад ан-нафс» (борьба за духовное самоусовершенствование), «джихад аш-шайтан» (противоборство с дьяволом), «джихад ал-куффар» (борьба с неверными) и «джихад ал-мунафикин» (борьба с лицемерами). См.: ал-Джаузи Ибн ал-Дин Мухаммад ибн Бакр. Заад ал-ми ад фи хадйа хайр ал-ибад. – Бейрут, 1412/1991; Мухаммад ибн Джамил Зину. Исламская Акида (вероучение, убеждение, воззрение) по священному Корану и достоверным изречениям пророка Мухаммада. – Баку, 1997. – С. 54.

ском пространстве сложились 12 основных, маточных суфийских структур, получивших название «тарикаты» (суфийские ордены в исламе). В последующем от них отпочковались другие ордена, и в настоящее время в мире насчитывается несколько десятков суфийских тарикатов.

Характерной для приверженцев суфизма выступает их вера в учение того или иного тариката, а также беспрекословное подчинение своему учителю-шейху. Эти моменты порой играли важную историческую роль в развертывании религиозно-политических движений, которые известный американский исламовед Б.Льюис назвал «исламскими бунтами», особенно в период колонизации Западом мусульманских государств. Так, в XIX в. практически одновременно фиксировалось вооруженное сопротивление мусульман внешней силе: в Ливии (движение синуситов), в Судане (движение под руководством «Махди») и на Северо-Восточном Кавказе (кавказский мюридизм во главе со знаменитыми аварскими имамами, среди которых самый известный – Шамиль). Имам Шамиль и его наибы на идеологической и организационной основе суфийского ордена накшбандийя создали на части территорий современного Дагестана и Чечни зародыш «исламского государства» на Северном Кавказе – Имамат Чечни и Дагестана. Это протоисламское государственное образование являлось первым симптомом проникновения на Кавказ ближневосточного исламизма, восходящего к политико-правовой доктрине известного средневекового сирийского улема Ахмеда Таки ад-Дина ибн Таймийи, его сторонников и последователей.

Рассмотрение процесса «расщепления ислама» было бы неполным без упоминания феномена, который вошел в историю этой религии как «исламский национализм». Общеизвестно, что классический ислам не признает деления «правоверных» по этническим, расовым и иным подобным отличиям. В принципе, ислам – наднациональная, мировая религия, в которой одинаково ценны представители всех народов и этнических групп,

иными словами – интернациональная (мировая) религия. Однако на практике национальное (этническое), как правило, берет вверх над религиозным исламским интернационализмом. В данном контексте с научной точки зрения интересен опыт Турции. Здесь в конце XIX – начале XX вв. жил и проповедовал Саид Нурси, автор известного многотомного произведения «Рисаля Нур» («Источник света»). После его смерти созданная им организация оказалось разобщенной на ряд структур, наиболее известную из которых «Нурджулар» («Светлый путь») возглавил один из его учеников – турецкий миллиардер Фетуллах Гюлен, который в своих многочисленных произведениях прописывал исключительную роль турок в исламе, называя их «лучшими из мусульман»¹. Такое выделение одного народа из общемусульманской среды и получило в научной литературе наименование «исламский национализм». Взаимодействие национального и конфессионального в данном случае образовал некий тюркско-исламский синтез. Для нас такой подход интересен тем, что к разновидностям «исламского национализма» можно отнести не только турецких пантюркистов, но и сторонников афганского «талибанизма», а также и «северокавказского ваххабизма», адептами и идеологами которого выступают такие кавказские националисты, как, например, М. Тагаев, М. Удугов, З. Яндарюиев² и др.

Помимо деления общеисламского поля на направления и толки (мазхабы), суфийские и исламско-националистические организации и структуры, в XX в. светскими учеными, скорее всего в аналитических целях, в исламе выделены три идейные течения: традиционализм, модернизм и фундаментализм.

¹ См, например, об этом: *Гюлен М.Ф.* Сомнения, порожденные веком. Пер. с турецкого. – Измир, 1999.

² См.: *Тагаев М.* Наша борьба, или повстанческая армия имама. – Киев, 1997. Яндарбиев З. Чечения – битва за свободу. – Львов, 1996.

Традиционализм связан с созданием единого мусульманского Халифата, распространением и укреплением ислама на его территории, а затем распадом этого государства на целый ряд халифатов, а затем и вовсе гомогенных политических единиц – национальных государств. Однако во всех этих государствах ислам продолжал развиваться, но не всегда по совпадающим траекториям. Постепенно на этих территориях утвердились различающиеся между собой формы бытования ислама. Неудивительно поэтому, что ислам, скажем, в Марокко отличается от ислама, практикуемого в Индонезии. В этой связи постепенно термин «традиционный ислам», или «исламский традиционализм», наполнился таким содержанием: это форма бытования ислама, которая воспроизводится из поколения в поколение без видимых изменений в том или ином «исламском» государстве, а также на территориях, где традиционно проживают мусульмане.

Модернизм обусловлен развитием общества, научно-технической революцией, углублением глобалистских тенденций, появлением всего того, что не нашло отражения в Коране и других сакральных источниках мусульманства. Модернизм – это реакция в исламе на вызов времени. Как четко подметил авторитетный российский исламовед З.И. Левин, лозунгом исламских модернистов выступает слоган – «Вперед с Кораном»¹. Иначе говоря, модернистская мысль и практическая деятельность ее носителей должна быть направлена на то, чтобы актуализировать ислам к реалиям современности, не отвергая при этом основополагающих догматов и ценностей религии. Одной из очевидных черт исламского модернизма, отличающей его от мусульманского традиционализма, является отстаивание, прежде всего, тезиса о

¹ См. об этом: *Левин З.И.* Ислам и национализм в странах зарубежного Востока. – М., 1988. Он же. Развитие общественной мысли на Востоке. Колониальный период. XIX-XX вв. – М., 1993. Он же. Общественная мысль на Востоке. Постколониальный период. – М., 1999. Он же. Мусульманское реформаторство и политика // Ислам и исламизм / Под общ. Ред. Е.М. Кожокина, В.И. Максименко. – М., 1999.

необходимости открытия «врат иджтихада», что категорически отвергается консерваторами.

Третье течение – фундаментализм – связано с расцветом и упадком исламской цивилизации, раздроблением единого Халифата, колонизацией большинства исламских государств европейскими державами, проигрыш Западу практически по всем направлениям общественного развития. В такой ситуации не могли не появиться люди, считающие главной причиной унижения ислама то, что эта религия в течение веков оказалась засоренной «греховными нововведениями», далеко отошла от ценностей ее «золотого века». Этот процесс начался с момента разделения Уммы на множество политических «партий», враждующих друг с другом в борьбе за власть. Очевидно, что эта борьба, начавшаяся сразу же после смерти пророка Мухаммада (632), была результатом отклонения военно-политической элиты от первичной Сунны, принципов общинности и добровольности, определенных в свое время положениями «Мединской Конституции». Это наглядно проявилось в возникновении протогосударственных институтов автократического вожизма, сначала в самой Медине, а затем и в главных городах на завоеванных территориях, которые, в свою очередь, уже в VII-VIII вв., дали начало политически обусловленной законодательной власти в Халифате, опирающейся на шариат, превращенный посредством иджтихада в публичное право, и на легитимизированный таким образом «гос-шариат», и аппарат принуждения, необходимый для удержания в рамках «исламской империи» всех завоеванных на западе и востоке земель и народов¹. Такое состояние не могло выдержать испытание временем, и арабо-мусульманский Халифат распался, а его осколки оказались колониями или полуколониями «неверного» Запада. Однако же если государственные институты не соответствуют кораническому идеалу, если политические лидеры жестоки или эксплуатируют народ или община терпит унижение

¹ Нухаев Х.-А. Указ. соч. – С. 106.

от явно безбожных врагов, мусульманин должен почувствовать, что его вера в высшую цель и ценность жизни находится в опасности. И все усилия должны быть направлены на возвращение исламской истории на путь истинный, иначе основы религиозного здания будут поколеблены и жизнь будет лишена смысла¹. Поэтому, по мнению фундаменталистов, ислам надо очистить от всего наносного, привнесенного временем, вернуть к ее истокам – фундаменту религии, ко времени жизни и деятельности пророка и «праведных» халифов. Согласно меткому утверждению З.И. Левина, лозунгом фундаменталистов является «Назад, к Корану!». Одновременно следует подчеркнуть, что термин «фундаментализм» появился в XIX в. в США, применительно к одному из протестантских ветвей христианства, и самими мусульманами не признается. Однако существует исламский аналог «фундаментализма» – «салафизм» (происходит от арабского словосочетания «ас-салаф ас-салихун» – «праведные предки»), который вполне адекватно воспринимается «салафитами», носителям фундаменталистских ценностей в исламе².

До недавнего времени многие ученые-исламоведы, а тем более публицисты, ставили знак тождества между «фундаментализмом» («салафизмом») и «радикальным исламом» («исламизмом») и даже религиозно-политическим экстремизмом и терроризмом, что не соответствует реальной действительности. На самом деле исламизм («радикальный ислам», «исламский радикализм») – это самостоятельный феномен, который не следует отождествлять с собственно исламом или исключительно с каким-либо из его направлений (суннизм, шиизм, хариджизм), толками (мазхабами, или школами мусульманского права – фикха) или течениями (традиционализм, модернизм, фундаментализм).

¹ Армстронг К. Указ. соч. – С. 11.

² См. об этом: Игнатенко А.А. Эндогенный радикализм в исламе // Центральная Азия и Кавказ (Швеция). – 2000. – № 2 (8).

По нашему мнению, исламизм более всего соотносится с хариджизмом и фундаментализмом, но в любом случае по своим параметрам не совпадает с этими явлениями. Исламизм – феномен, прежде всего, политический, однако исследователи отмечают, что «почти все религиозные движения в исламе берут начало в политических взглядах»¹. Хариджиты, особенно приверженцы его некоторых сект и подсект, например азракиты, были экстремистами, они поставили перед собой вопрос: может ли член уммы и их руководитель, совершившие самонаималейшее отступление от коранических требований, оставаться мусульманином или нет, недвусмысленно дав на это отрицательный ответ. Более того, они требовали лишения жизни «отступников». Радикальные фундаменталисты не только мечтают о возвращении в «золотой век», но и требуют от своих сторонников политической активности, борьбы за воплощение этого идеала в жизнь.

Отцом-основателем радикального салафизма не без оснований считают багдадского улема Ибн Ханбала (780-855), развернувшего в центре Халифата религиозно-политическое движение за очищение ислама от греховных нововведений, позднее трансформировавшееся в одну из четырех школ суннитского фикха – ханбалитский мазхаб. Идейными продолжателями дела Ибн Ханбала стали сирийский улем Таки ад-Дин ибн Таймийя (1263-1328), а также его ученики, среди которых особенно выделялся Ибн аль-Кайим (1292-1350), которые в условиях исламского средневековья развили основополагающие положения ханбалитской доктрины. Ибн Ханбал и его единомышленники квалифицировали все изменения в исламе, произошедшие после завершения «золотого века», в качестве бида' (греховных нововведений), и требовали очищения ислама от них. Их труды стали основанием для появления и развития радикальной доктрины ваххабизма, а также для идеологов современных доктринальных положений радикального исламизма.

¹ Армстронг К. Указ. соч. – С. 112.

Краткая история ваххабизма такова: к XVIII веку упадок Османской империи стал очевидным, особенно в периферийных областях. Там местные «выпрямители ислама» пробовали восстановить порядок посредством религиозной реформы. Так, на Аравийском полуострове вероучитель Мухаммед Ибн Абд аль-Ваххаб (1703-1792), заключив союз с эмиром из рода Саудов из Неджда, сумел порвать со Стамбулом и основать государство в центральной Аравии и Персидском заливе. Он был типичным реформатором в духе ибн Таймийи. Он полагал, что лучшее противодействие текущему кризису – фундаменталистское возвращение к Корану и сунне, а также воинственное отвержение всех более поздних добавлений, включая средневековый фикх, мистицизм и фальсафу, которые большинство мусульман тогда уже считали нормой. Поскольку османские султаны не соответствовали его видению халифов «истинного ислама», Ибн Абд аль-Ваххаб объявил, что они – отступники и достойны смерти. Он попытался создать анклав чистой веры, основанной на его понимании первоначальной уммы VII века. Ваххабизм – форма ислама, распространенная сейчас в Саудовской Аравии, – пуританская религия, базирующаяся на строгой, буквальной интерпретации Писания и раннем исламском предании. В дальнейшем его агрессивные методы были взяты на вооружение некоторыми радикальными фундаменталистами. Наиболее известными современными теоретиками этого крыла выступают Хасан аль Банна, Сайид Кутб, Абд ас-Салам Фарадж, Аббуд аз-Зумр, Тарик аз-Зумр, Айман аз-Завахири и др. Эти и другие теоретики радикального исламизма в своих работах опирались на труды авторитетных улемов мусульманского прошлого, среди них – Ибн Ханбал, Ибн Таймийя, Ибн Кассир, Аль-Куртуби, ан-Навави, М. Ибн Абд аль-Ваххаб и др., выступавших за возвращение ислама к его «золотому веку» – времени жизни и деятельности пророка Мухаммеда и четырех праведных (выборных) халифов.

Вместе с тем, доктрина радикального исламизма постоянно наполняется все новыми сюжетами, что актуализирует проблему изучения собственно исламского радикализма (исламизма). Сегодня учеными детально исследованы положения, составляющие основу исламизма. Так, шведка Л.Йонсон считает, что радикальные исламские политические движения выступают частью более широкой тенденции реисламизации общества и политизации ислама¹. Иначе говоря, «исламизм» представляет собой лишь крайнюю часть всех течений в рамках «политического ислама», то есть исламистские тенденции можно обнаружить во всех трех идейных течениях в исламе. Однако из этой посылки одновременно усматривается то, что исламизм не тождественен фундаментализму, традиционализму или модернизму, его радикальная часть в той или иной мере присутствует (или может присутствовать) во всех трех течениях².

Ученые из Российского института стратегических исследований считают, что исламский радикализм (исламизм) – это «... использование политическими группировками исламских лозунгов и элементов учения ислама как идеологической платформы, отличающих их от других общественных формирований, в ходе борьбы за власть со своими политическими противниками. Эта борьба может проходить как в пределах законных для той или иной страны методов, так и выходить за их рамки»³.

В свою очередь авторитетный отечественный арабист и исламовед, президент «Института религии и политики» А.А.Игнатенко определил исламизм как «...идеологию и прак-

¹ Йонсон Л. Политический ислам и конфликты в Евразии // Центральная Азия и Кавказ. – 1999. – № 4 (5). – С. 56.

² Добаев И.П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. – Ростов н/Дону, 2003. – С. 49.

³ Исламский экстремизм и фундаментализм как угроза национальной безопасности России. Научный отчет Российского института стратегических исследований / Под общ. Ред. Е.М. Кожокина. – М., 1995. – С. 13.

тическую деятельность, ориентированные на создание условий, при которых социальные, экономические, этнические и иные проблемы и противоречия любого общества (государства), где наличествуют мусульмане, а также между государствами будут разрешаться исключительно с использованием исламских норм, прописанных в шариате (системе нормативных положений, введенных из Корана и Сунны)»¹.

Автор фундаментального труда «Исламский радикализм», в котором наиболее полно исследован феномен исламизма, профессор Южного федерального университета И.П.Добаев предлагает, на наш взгляд, одно из наиболее точных и полных определений исламского радикализма – «...это идеологическая доктрина и основанная на ней социально-политическая практика, которые характеризуются нормативно-ценностным закреплением идеологического, политико-мировоззренческого и даже вооруженного противостояния мира «истинного ислама» по отношению к миру «неверных» вовне и миру «неистинной веры» внутри ислама и требуют абсолютного социального контроля и мобилизации (служения идее) своих сторонников»².

Вместе с тем, говоря об исламизме, исследователи выделяют, как минимум, два его крыла: умеренно-радикальное и ультрарадикальное. Цели у их сторонников одни и те же: построение исламского государства, где господствовали бы нормы шариата. Однако методы и формы осуществления заветной цели различны. Умеренные предпочитают эволюционный, бескровный путь развития, продвигая в массы т.н. «исламский призыв» (даава), и, используя демократические процедуры, продвижение своих сторонников в органы власти и управления всех уровней. При достижении определенной «критической массы» числа сво-

¹ Исламизм: глобальная угроза? // Научно-исследовательский институт социальных систем. Серия: Научные доклады. № 2. – М., 2000. – С. 5.

² Добаев И.П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. – Ростов н/Дону, 2003. – С. 53.

их сторонников, в том числе во власти, вопрос об «исламском государстве» и «шариатском правлении», по их мысли, будет решен сам собой, автоматически. Их единомышленники-экстремисты возражают: «враг ближний» (государство и его институты, прежде всего, силовые) и «враг дальний» (другие государства) не позволят исламистам взять в руки власть мирным путем. Поэтому «исламские революционеры» не собираются ждать, и готовы взять власть силовым путем, в том числе посредством осуществления диверсионно-террористических атак против «врагов ислама»: «неверных», а также и тех мусульман, кого радикальные исламисты считают «отступниками» («муртаддун» – прежде всего, сотрудники силовых структур, противостоящие радикалам) и «лицемерами» («мунафикун» – представители официального мусульманского духовенства).

На практике, при формировании исламистами своих структур, помимо умеренных и экстремистов, отличают еще т.н. «смешанные организации», где две функции исламизма – просветительская и агитационно-пропагандистская (исламский призыв) и боевая – завязаны на одну и ту же организацию. Часть ее членов осуществляет «исламский призыв», а другая, как правило, скрытая часть группировки, проводит силовые атаки на «врагов ислама». Таких организаций много, среди них ливанская «Хезболла», египетские «Братья-мусульмане», палестинская «Аль-Джихад» и др.

Дальнейшая разработка российскими учеными понятийного аппарата проводившихся исследований, напрямую связанного с «исламизмом», происходит на основе отмеченных выше конструктов, разработанных, прежде всего, А.А.Игнатенко и И.П.Добаевым. Следует подчеркнуть, что «исламский экстремизм» и «исламский терроризм» (экстремизм и терроризм под прикрытием ислама) понимаются ими как частные, крайние проявления «исламского радикализма».

Так, дагестанский ученый Курбанов Х.Т. считает, что «...религиозно-политический экстремизм под прикрытием ислама – это такфиритская идеология (обвинение в неверии всех, кто эту идеологию не разделяет) и основанная на ней специфическая диверсионно-террористическая практика, ложно определяемая джихадом (священной войной за веру)»¹.

В свою очередь, чеченский исследователь Д.В.Умаров подчеркивает, что «...современный терроризм является терроризмом исламистски мотивированным, включающим в себя конфессиональную, этническую и криминальную составляющие. Отсюда следует, что особенность современного терроризма заключается в сращивании на основе идеологии радикального исламизма религиозного, этнического и криминального терроризма, поддерживаемого экстремистскими международными структурами аналогичной направленности и стоящими за ними центрами силы»².

Вместе с тем, «исламский радикализм» (исламизм), как идеологическая доктрина и основанная на ней политическая практика, реализуется в процессе деятельности различного рода исламистских организаций, образующих в своей совокупности радикальное исламское движение³. Это движение выступает частью более широкой тенденции реисламизации общества и политизации ислама, фиксируемой в последние десятилетия во многих регионах мира, в том числе и в России, особенно на территории

¹ Курбанов Х.Т. религиозно-политический экстремизм на Северо-Восточном Кавказе: идеология и практика (на материалах Республики Дагестан) / Отв. ред. Добаев И.П. – Ростов н/Дону, 2006.

² Умаров Д.В. Терроризм на Северном Кавказе: влияние экзогенного фактора / Южнороссийское обозрение. Выпуск № 74 / Отв. ред. Панин В.Н. – Москва – Ростов н/Дону, 2013. – С. 30-31.

³ Об исламском радикализме см. подробнее: Добаев И.П. Исламский радикализм в международной политике. – Ростов н/Д: «Ростиздат», 2000; Он же. Политические институты исламского мира: идеология и практика. – Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2001; Он же. Исламский радикализм: социально-философский анализ. – Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2002.

Северо-Кавказского федерального округа (СКФО). В этой связи ростовский автор Н.Е. Романченко, осуществив основательное политологическое исследование, посвященное вопросам институционализации современных радикальных неправительственных религиозно-политических организаций (НРПО, этот термин впервые в научный оборот ввел А.А.Игнатенко) на Северном Кавказе, сделала вывод о том, что «...террористические исламистские РПО – это политические институты, использующие исламские лозунги и элементы учения как идеологическую платформу при осуществлении террористической деятельности с целью устрашения, подавления политических противников для насильственного навязывания собственной веры и изменения существующего общественно-политического строя путем построения т.н. «исламского государства» и повсеместного насаждения норм шариата вне рамок официальной политики государства»¹.

Одновременно, наряду с исследованием политических институтов исламизма («радикального ислама») шло осмысление протекающих в его рамках политических процессов, в результате чего было разработано определение «радикализация исламского движения». По мнению представителя ростовской исламоведческой школы А.В. Сухова, «...радикализация исламского движения – это процесс становления и укрепления исламизированных политических групп, использующих исламские лозунги и элементы учения ислама как идеологическую платформу, что отличает их от других общественных формирований в ходе борьбы за власть со своими политическими оппонентами, для насильственного насаждения собственной веры

¹ Романченко Н.Е. Институционализация современных радикальных неправительственных религиозно-политических организаций на Северном Кавказе / Южнороссийское обозрение. Выпуск № 68 / Отв. ред. Добаев И.П. – Москва – Ростов н/Дону, 2011. – С. 33.

и изменения, на этой основе, существующего общественно-политического строя в том или ином регионе»¹.

В настоящем исследовании базовой рабочей категорией выступает понятие «радикализация ислама». По нашему мнению, «радикализация ислама», прежде всего, представляет собой специфический религиозно-политический процесс, и по своим параметрам он отличается от другого, смежного ему понятия – «политизация ислама». Процесс «политизации ислама» состоит в том, что в определенных политических ситуациях ислам политизируется, и это касается не только фундаментализма (салафизма), но и традиционализма, а также и модернизма. Политизация традиционного ислама идет, как правило, по двум направлениям: опора политических властей на авторитет ислама и стремление служителей мусульманского культа добиться определенных преференций за счет близости к официальным властям. Однако в этом случае традиционность ислама никуда не исчезает. Когда же идет процесс «радикализации ислама», то речь идет уже и о салафизме и о традиционализме, который в определенных условиях сближается, даже сливается с фундаментализмом, приобретает его родовые черты (прежде всего, при интерпретации «врагов ислама» и концепции «джихада»), превращается в ту или иную версии исламизма (умеренный радикализм или ультра-радикализм).

Эту особенность ислама четко зафиксировал новосибирский ученый С.И.Чудинов: «Исламизм, или радикальный ислам, – движение в современном исламе, представляющее собой радикальную интерпретацию и политизацию исламской традиции (в области представлений о джихаде, борьбе с неверными, межконфессиональной терпимости, формах мученичества и др.). Последняя

¹ Добаев И.П., Мурклинская Г.А., Сухов А.В., Ханбабаев К.М. Радикализация исламских движений в Центральной Азии и на Северном Кавказе: сравнительно-политологический анализ / Южнороссийское обозрение. Выпуск № 60 / Под общ. ред. Добаева И.П. – Москва – Ростов н/Дону, 2010. – С. 31.

при этом тяготеет к характерной трансформации ее природы – от духовно-нравственного учения к политической идеологии, предоставляющей ценностную основу для религиозно-мотивированной агрессии и экстремистского действия. Обычно исламизм ассоциируется лишь с религиозным фундаментализмом, что не случайно, поскольку это течение в современном исламе более других выступает за ликвидацию разделения духовного и светского, религии и политики в общественно-государственной жизни мусульманских народов и часто становится идеологическим источником религиозно-мотивированного экстремизма. Однако процессами радикализации может быть затронут и традиционный ислам. Таким образом, идейно-культурной основой исламизма может стать практически любое течение в общественной жизни современного ислама – будь то религиозный фундаментализм, традиционализм, а в редких случаях, возможно, и модернизм (наиболее терпимо относящийся к культурному синтезу и западным либеральным ценностям)»¹.

На основании вышеприведенных положений, аргументов и трактовок можно сделать вывод о том, что ислам, являясь мировой и одновременно монотеистической религией, не представляет собой монолита. Он разобщен на три направления (суннизм, шиизм, хариджизм), многочисленные толки (религиозно-правовые школы – мазхабы), идейные течения (традиционализм, модернизм, фундаментализм – салафизм), различные секты, подсекты и т.д. В исламе не существует единого, общепризнанного правоверия, нет и единого центра принятия решений. В то же время, наличествует принцип неразделимости ислама, как веры, и политики. Все это предопределило в конкретные исторические периоды неизбежность политизации и даже радикализации ислама, появление радикальных форм его бытования.

¹ Чудинов С.И. Терроризм смертников: проблемы научно-философского осмысления (на материале радикального ислама). – М., 2010. – С. 6-7.

«Политический ислам», «исламизм» («исламский радикализм», или «радикальный ислам»), НРПО (неправительственные религиозно-политические организации), религиозно-политический экстремизм, прикрывающийся исламским учением терроризм, «политизация ислама», «радикализация ислама» – понятия, прежде всего, политические, а точнее – религиозно-политические. Ключевой рабочий термин исследования *«радикализация ислама»* определяется нами как религиозно-политический процесс, в основе которого лежит идеологическая доктрина радикального ислама (исламизма), предполагающая осуществление дифференцированной специфической политической практики – от реализации т.н. «исламского призыва» (умеренный радикализм) до тотального проведения диверсионно-террористических акций в отношении «врагов ислама», обосновывающихся «борьбой за веру» – джихадом, в целях построения исламского государства и введения норм шариата (ультра-радикализм).

1.2. Сущность, типология и содержание современного терроризма

Разработка понятия «терроризм» является одной из сложных проблем мировой науки и практики борьбы с преступностью. В настоящее время существует около 200 понятий терроризма, однако общепринятого и однозначно понимаемого термина так и не разработано. Попытки отечественных и зарубежных экспертов раскрыть содержание терминов «террор», «терроризм», «международный терроризм» и прийти к их однозначному пониманию терпят неудачу, прежде всего, по причине различий в подходах к социально-политической оценке терроризма с точки зрения его целей, объектов посягательств, субъектов преступлений, а также его субъективной и объективной сторон.

Среди введенных в научный оборот разнообразных определений понятия «терроризм» можно назвать следующие: «Терроризм – это использование или угроза использования силы, направленной на достижение политических изменений» (Б. Дженкинс)¹; «Терроризм есть мотивированное насилие с политическими целями» (Б. Крозье); «Терроризм – это систематическое запугивание правительств, кругов населения для достижения политических, идеологических или социально-революционных целей и устремлений» (Г. Дэникер); «Терроризм – это угроза использования или использование насилия для достижения политической цели посредством страха, принуждения или запугивания (из сборника под редакцией И. Александера «Терроризм: теория и практика», США)²; «Терроризм – это систематическое использование крайнего насилия и угрозы насилия для достижения публичных и

¹ *Jenkins B.* The Who, What, What, Where, How and Why of Terrorism // Paper presented at the Detroit Police Department Conference on «Urban Terrorism: Planning or Chaos?». – 1984. – November.

² Цит. по: *Мирский Г.* Дракон встает на дыбы (о международном терроризме) // Мировая экономика и международные отношения. – 2002. – № 3. – С. 37.

социальных целей» (В. Маллисон, С. Маллисон)¹; «Терроризм есть применение негосударственного насилия или угроза насилия с целью вызвать панику в обществе, ослабить и даже свергнуть должностных лиц и вызвать политические изменения» (У. Лакер)²; «Терроризм – самостоятельная военно-политическая категория, особый вид войны, компонент политической культуры и направление идейного мировоззрения, включающий силовые и иные представляющие угрозу мотивированные действия, проявления и тенденции со стороны организованных структур, действующих вне формата государства» (А. Джангир)³; «Терроризм – это акты насилия, совершаемые отдельными лицами, организациями или правительственными органами, которые направлены на устранение нежелательных государственных и политических деятелей и дестабилизацию государственного правопорядка в целях достижения определенных политических результатов» (Л. А. Моджорян)⁴; «Терроризм – это идеологически мотивированная форма политической борьбы, которая представляет собой заранее разработанные разносторонние формы насилия на уровне коллективных действий государственной власти или оппозиционных сил и направлена на запугивание и устрашение политических противников» (С. Буртный)⁵ и другие.

Приведем ставшее классическим определение, содержащееся в «Словаре русского языка» С.И.Ожегова: «Террор – физическое насилие, вплоть до физического уничтожения, по отношению к противникам – фашистский террор, индивидуальный террор (единичные акты политических убийств)»⁶.

¹ *Mallison W, Mallison S. The concept of Public Purpose Terror in International Law // Journal of Palestine Studies. – 1975. Vol.4. – P. 36.*

² *Laqacur W. The Age of Terrorism. – Boston: Little, Brown, 1967. – P. 97.*

³ *Джангир А. Четвертая мировая война. – М.: АСТ, 2003. – С. 10.*

⁴ *Моджорян Л.А. Терроризм: правда и вымысел. – М., 1986. – С. 43.*

⁵ *Буртный К.П. Современный политический терроризм. – М., 2003. – С.50-51.*

⁶ *Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1984. – С. 691.*

Изучение проблемы терроризма в отечественной юридической науке в постсоветский период развивалось достаточно динамично. Так, в 1995 г. в Уголовный Кодекс РФ была введена статья 213-3 «Терроризм – как противоправный метод политической борьбы или как форма подрывной деятельности, проявляющиеся в системе насильственных устрашающих действий, сопровождающихся насильственным использованием морально-психологического давления, различных видов устрашения – убийств, поджогов, нанесения тяжких телесных повреждений, захвата заложников, шантажа и других видов физического и психологического насилия». А уже в статье 205 Уголовного Кодекса Российской Федерации¹, принятого в 1996 г., приведено следующее определение понятия «терроризм» – «...это совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинение значительного ущерба, либо наступление иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения, либо оказания воздействия на принятие решений органами власти, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях...». Хотя это и чисто юридическое определение, его введение явилось значимым достижением в области выработки понятия «терроризм», адекватно понимаемого на международном уровне.

В принятом в 1998 г. Федеральном законе «О борьбе с терроризмом» внутригосударственный терроризм, в свою очередь, трактуется как «насилие или угроза его применения в отношении физических лиц или организаций, а также уничтожение (повреждение) или угроза уничтожения (повреждения) имущества и других материальных объектов, создающие опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба, либо наступления иных общественно опасных последствий, осуществляемых в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения или оказания воздействия на принятие органами

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации. – М.: Омега-Л, 2007.

власти решений, выгодных террористам, или удовлетворения их неправомерных имущественных и (или) иных интересов; посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенная в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности, либо из мести за такую деятельность; нападение на представителя иностранного государства или сотрудника международной организации, пользующихся международной защитой, а равно на служебные помещения, либо транспортные средства лиц, пользующихся международной защитой, если это деяние совершено в целях провокации войны или осложнения международных отношений»¹.

Согласно же вступившему в действие на восемь лет позже Федеральному закону Российской Федерации № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» данное явление определяется более кратко, но четко: «Терроризм – это идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий»².

Специфику терроризма, как социально-политического явления, помогают понять его структурные элементы³. К их числу следует отнести субъекты, объекты, цели, средства, методы, масштабы, причины и мотивацию террористов. Исследование вышеперечисленных элементов позволяет определить и описать различные формы террористической деятельности. Так, в зависимости от субъекта, терроризм можно разделить на государственный и оппозиционный; на терроризм, подготавливаемый и осуществляемый террористами-одиночками и хорошо органи-

¹ Федеральный закон № 130-ФЗ от 25 июля 1998 г. «О борьбе с терроризмом» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 31.

² Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 6.03. 2006 №35-ФЗ // Российская газета. – 2006. – 10 марта.

³ Излияева Л.О. Терроризм как социально-политическое явление: Дисс. ...канд. полит. наук. – Уфа, 2004. – С. 164.

зованными террористическими группировками. Цели позволяют квалифицировать терроризм как религиозный, националистический (расовый) и социальный (или революционный). Все вышеперечисленные виды террористической деятельности есть проявления политического терроризма, так как они касаются борьбы за власть или вопросов воздействия на нее с позиций определенных социальных интересов, опираются на четко разработанный политико-идеологический фундамент, не сводимый к корыстным интересам. Масштабы терроризма позволяют выделить внутренний и международный терроризм, вышедший на первый план на современном этапе мирового развития. С точки зрения средств и методов, используемых террористами, можно говорить о химическом, биологическом, информационном (компьютерном) и ныне доминирующем вооруженном терроризме, нашедшем отражение в виде убийств, покушений, вооруженных нападений, взрывов, захватов заложников и т.п.

Вместе с тем, чтобы лучше разобраться в сущности явления «современный терроризм», как представляется, целесообразно провести сравнительный анализ его основных черт и характеристик с более «ранним» терроризмом – начала и середины XX века. Для этого рассмотрим типологию терроризма, предложенную бывшим директором британского института изучения конфликтов Б.Крозье в середине 70-х годов XX-века¹. Основой его типологии стали 6 типов групп:

1. Националистические группы меньшинств, состоящие из этнических фракций, стремящиеся заменить существующую политическую власть их собственными представителями (группировки в Ирландии, Испании и других странах).

2. Марксистские революционные группы, имеющие сильные связи с СССР и объединенные общей марксистской идеологией. Цель этих групп – достижения контроля над экономическими мо-

¹ Crozier B. Terrorism activity: international terrorism. – Washington, 1975. – P. 198-199.

делями производства и смена экономической системы капитализма на социализм.

3. Анархические группы, состоящие из революционеров, стремящихся разрушить общественный порядок в надежде на минимизацию государственных структур, обеспечивающих социум большей личной свободой (революционные группы Западной Германии и Великобритании).

4. Патологические группы или индивиды, действующие подобно анархическим группам, но их деятельность в основном носит уголовный характер.

5. Неофашистские и правые группы.

6. «Идеологические наемники». Появившись первоначально в Западной Европе, подобный вид наемничества распространился до общемировых масштабов (японская «Красная армия»).

В западной литературе встречается другой подход, при котором терроризм как социально-политическое явление подразделяется на следующие виды: политический, религиозный, этнический, государственный¹.

Современный терроризм – явление неоднородное, как в идеологическом плане, так и в том, что касается мотивации действий, масштабов осуществления акций, средств и целей. Так, группой отечественных ученых выделяются следующие направления в современном терроризме: социальный терроризм, преследующий цель коренного или частичного изменения экономического или политического строя собственной страны; националистический терроризм, включающий в себя организации этносепаратистского толка и организации, поставившие своей целью борьбу против экономического или политического диктата инациональных государств и монополий; терроризм религиозный, связанный либо с борьбой приверженцев одной религии (или секты) в рамках общего государства с приверженцами другой, либо с попыт-

¹ См., например: Lapeure Edison Gonsales. Violencia y terrorismo. – Montevideo, 1995. – P. 110-115.

кой подорвать и низвергнуть светскую власть и утвердить власть религиозную, либо с тем и другим одновременно¹.

Не менее интересную типологию терроризма предложили российские исследователи В. Витюк и С. Эфиров²:

- 1) Государственный террор и оппозиционный терроризм.
- 2) Международный терроризм, который практикуют государства на международной арене.
- 3) Транснациональный терроризм, который представляет собой деятельность негосударственных организаций, затрагивающих интересы нескольких государств.

По социальной направленности они разделили терроризм на: социальный (правый и левый); националистический; религиозный.

В.И. Василенко представил такую классификацию терроризма³:

- 1) По целям: политический; сепаратистский; националистический; религиозный; криминальный.
- 2) По объекту: внутригосударственный; внешний.
- 3) По методам и способам осуществления террористических акций: информационный; партизанский; военный; технологический; воздушный.

Выступая в качестве сложного социально-политического феномена, терроризм, как уже отмечалось, может быть классифицирован в зависимости от методов, целей, субъектов, используемых средств, идеологической основы и по другим критериям. Например, Ю.В. Гаврилин и Л.В. Смирнов классифицируют терроризм следующим образом⁴:

¹ Белая книга российских спецслужб. – М.: ИИА «Обозреватель», 1996. – С. 130.

² Витюк В.В., Эфиров С.А. «Левый» терроризм на Западе: история и современность. – М., 1987. – С. 31-42.

³ Василенко В.И. Терроризм как социально-политический феномен. – М., 2002. – С. 16-17.

⁴ Гаврилин Ю.В., Смирнов Л.В. Современный терроризм: сущность, типология, проблемы противодействия. – М.: Книжный мир, 2003.

– В зависимости от используемых методов они выделяют «физический» и «психологический» террор. «Физический» террор связан с применением непосредственного насилия к индивидам. Оно может характеризоваться лишением лица (группы лиц) жизни, нанесением телесных повреждений, ограничением свободы и др. «Психологический» террор может выражаться в достижении устрашающего эффекта путем разрушения материальных объектов (предприятий, учреждений, коммуникаций и др.), уничтожения (повреждения) имущества государства, общественных и иных организаций, частных лиц. Кроме того, к «психологическому» террору может быть отнесено морально-психологическое насилие, осуществляемое путем шантажа, угроз и других действий с целью заставить государство, его органы и другие субъекты выполнять требования террористов.

– По преследуемым целям ими выделяется политический, неполитический (корыстно-экономический) терроризм.

– В зависимости от характеристик объекта террористического воздействия они разграничили «селективный» террор, то есть направленный на конкретных государственных, общественных деятелей, граждан, их имущество и «массовый» («слепой»). В случае «массового» террора общественно опасные посягательства осуществляются в отношении любого множества людей в общественных местах (улицы, парки, вокзалы, объекты транспорта, на производственных предприятиях и др.).

– В числе общепризнанных критериев классификаций рассматриваемого феномена, по мнению указанных экспертов, важное место занимает характер используемых средств, в зависимости от которых выделяют «традиционный» и «технологический» терроризм. К «традиционному» относят применение насилия, уничтожение или повреждение материальных объектов, основанное на использовании широко распро-

страненных, давно известных человечеству средств поражения, в том числе огнестрельного, холодного, метательного оружия, взрывчатых веществ и других. В свою очередь, «технологический» терроризм характеризуется применением новых средств поражения, созданных с использованием передовых технологий, – радиоактивных, химических веществ, ядов, биологических культур и др.

По мнению некоторых авторов¹, особой разновидностью «технологического» терроризма в последнее время выступает «информационный» терроризм. Этот вид общественно опасных посягательств характеризуется целенаправленным информационным воздействием на сознание людей, подавляющим их волю и дезорганизирующим деятельность, с применением современных телекоммуникационных и компьютерных средств, в целях причинения материального, морального ущерба и вынуждения адресатов воздействия к выполнению определенных действий в интересах террористов. К актам «информационного» терроризма можно отнести умышленные модификации и разрушения информации в компьютерных системах, осуществляемые с помощью вирусов; ложные сообщения об актах терроризме и др.

Важнейшее научное и прикладное значение имеет классификация терроризма в зависимости от его идейной основы, идеологических доктрин. По этому критерию выделяют такие виды, как «идеологический», «националистический», «религиозный» терроризм и некоторые иные².

В структуре «идеологического» терроризма большинство авторов выделяют правый и левый. «Правый» терроризм, зачастую, характеризуется тем, что он базируется обычно на

¹ Антюхов В.И., Жуков Ю.И., Кадулин В.Е., Примакин А.И. Информационный терроризм: прошлое, настоящее и будущее. – СПб.: МВД России, 2000. – С. 57-58.

² Гаврилин Ю.В., Смирнов Л.В. Указ. соч.

платформах, отрицающих демократическую систему организации политической власти, институты политического либерализма, правового государства. В частности, он нередко основывается на фашистской и неофашистской идеологии и имеет распространение в Германии, Италии, Испании, а также в ряде стран, которые не имеют фашистского прошлого. К правым террористическим организациям нередко относятся также структуры, имеющие открыто расистские или националистические установки, для них характерны лозунги типа «Германия для немцев» и др. «Левый» терроризм, как разновидность идеологического терроризма, основывается на концепциях псевдореволюционного, а также анархо-коммунистического характера и ориентируется на насильственное упразднение капиталистической системы путем осуществления широко-масштабной стратегии формирования революционной ситуации и массовых выступлений населения. Наибольшее распространение он получил в Европе и Латинской Америке, хотя и другие континенты являются полем действия отдельных левацких экстремистских организаций. Для европейских организаций левого терроризма (наиболее известными из них являются «Фракция Красной Армии» в ФРГ, «Красные бригады» в Италии, формирования «Прямое действие» во Франции, «Народная революционная борьба» в Греции и др.) характерны тенденции к объединению усилий в целях борьбы со структурами НАТО.

В современной практике террористической деятельности в последнее время получил широкое распространение «националистический» терроризм. Он характеризуется особой жестокостью, сопровождается массовыми погромами, большим числом человеческих жертв. В основе данного вида рассматриваемого явления лежит идея национальной исключительности и превосходства. Национализм обладает исключительным потенциалом разрушения, способным нагнетать

социальную напряженность в обществе, разжигать национальную вражду и даже привести к разрушению государства в крайних случаях.

Что касается религиозных видов терроризма, то они фиксировались и прежде, однако в последние десятилетия стали едва ли не определяющими в современном международном террористическом движении.

Подчеркнем также, что под терроризмом в современной практике понимается применение, как правило, негосударственного насилия, или угрозы насилия с целью вызвать панику в обществе, ослабить и даже свергнуть правительство и вызвать политические изменения в государстве. Терроризм направлен на дестабилизацию государственных режимов, инспирацию обеспокоенности населения из-за своей незащитности перед лицом насилия, смену государственной власти в стране, на осуществление иных политических, религиозных или этнических требований.

С другой стороны, А.В. Снегирев, В.Г. Ляшко, В.А. Щербаков, С.Н. Вольхин выделяют государственный терроризм в отдельный вид. Согласно подходу указанных авторов, современный терроризм можно условно разделить на три основных вида: государственный, оппозиционный (внутренний) и транснациональный (международный)¹.

Государственный терроризм проявляется в стремлении политической элиты, незаконно захватившей власть в той или иной стране, потерявшей поддержку населения, любыми путями сохранить эту власть. Для этого используют методы запугивания населения, физическое устранение неугодных лиц, массовые убийства. Характерным проявлением государственного терроризма являются действия власти вне рамок закона (режим Пол Пота в Кампучии (Камбодже)).

¹ Снегирев А.В., Ляшко В.Г., Щербаков В.А., Вольхин С.Н. Основы защиты от терроризма. – М.: Дрофа, 2007.

Оппозиционный (внутренний) терроризм может иметь различную политическую окраску (этнорелигиозный, анархистский, левацкий, правый и др.), но имеет одну общую особенность – деятельность террористических организаций направлена против политики центральной власти страны. Это характерно для террористических организаций Алжира, Судана, Шри-Ланки, Испании, Северной Ирландии и др.

Транснациональный (международный) терроризм вырос из оппозиционного. Скрываясь от преследования властей на территории сопредельных государств, террористы рано или поздно становятся на путь борьбы с их правительствами. В последующем, как правило, происходит объединение национальных террористических организаций в региональные союзы и организации. Это особенно характерно для стран Ближнего Востока.

Авторы книги «Супертерроризм: новый вызов нового века»¹ значительно расширяют понятие «государственный терроризм». Согласно их точке зрения, существует несколько взглядов на государственный терроризм, получивший развитие в различных странах. Так, согласно одной из трактовок, государственный терроризм – способ воздействия на население собственной страны. С этой точки зрения можно рассматривать как проявление государственного терроризма установление в стране жестких тоталитарных режимов, сопровождаемых подавлением гражданских прав и свобод. Второй взгляд на это явление – государственная поддержка террористических организаций, действующих против третьей страны. Такому пониманию государственного терроризма соответствует американский термин «states sponsored terrorism». К числу государств, поддерживающих терроризм, США относят Ливан, Иран, Ирак, Северную Корею и ряд других стран. И, наконец, третье толкование государственного терроризма – это неоправданные и нелегитимные силовые действия одной страны

¹ Супертерроризм: новый вызов нового века / Под ред. А.В. Федорова. – М.: «Права человека», 2002. – С. 51.

против другой, а также угроза применения силы в качестве шанса для принуждения к принятию выгодных для себя политических решений.

Колоссальный рывок научно-технического прогресса во второй половине XX века в какой-то степени обусловил появление понятия «супертерроризм». Еще в 1998 г., после газовых атак в токийском метро, директор программы изучения терроризма университета им. Дж. Вашингтона, профессор Йонах Александер подчеркивал, что это событие и взрывы в ВТЦ в Нью-Йорке в 1993 г. служат прологом гораздо более страшного явления, которое он уже тогда определял как супертерроризм. При этом он утверждал, что для роста супертерроризма в будущем имеются следующие предпосылки:

- проведение террористических актов, вызывающих значительные разрушения и сопровождаемых большим количеством жертв, является крайне эффективным средством воздействия на общественное мнение и на устойчивость работы основных политических и экономических учреждений страны;

- обеспечение устойчивой и защищенной связи, финансирование и обладание средствами проведения масштабных террористических актов в целом вполне реальны для террористических групп;

- существование разветвленных международных сетей, в которые входят как террористические группы, так и отдельные государства, существенно облегчает вопросы координирования при проведении актов супертерроризма. При прямой или косвенной поддержке со стороны, даже незначительные по численности террористические группы способны проводить широкомасштабные террористические акты¹.

¹ Proceedings of Seminar U.N.O. «Cyberterrorism and Information Warfare Threats and Responses». Report PIPS/98/2, April 16, 1998, Potomac Institute for Policy Studies, Washington, DC, USA.

Уже упоминавшиеся авторы книги «Супертерроризм: новый вызов нового века» трактуют супертерроризм¹ как «использование (угроза использования) в террористических целях наиболее передовых вооружений или технологий, вызывающее массовое поражение населения или нанесение ощутимого (на уровне государства) экономического или экологического ущерба» и классифицируют его следующим образом:

1. Ядерный терроризм, в котором можно выделить террористические действия:

- подрыв ядерного боеприпаса (изготовленного террористами либо полученного от третьих лиц);

- проведение диверсий на ядерных электростанциях или угроза их осуществления;

- использование радиоактивных расщепляющихся материалов (за счет радиационного загрязнения значительных территорий в густонаселенной зоне при использовании т.н. «грязных бомб»).

2. Химический терроризм, являющийся привлекательным для террористов в силу следующих причин:

- доступность, дешевизна и возможность вполне легального приобретения компонентов химического оружия;

- возможность доставить компоненты оружия к месту совершения теракта, не вызывая подозрений со стороны сил охраны правопорядка;

- доступность (в том числе благодаря информационным сетям) информации, позволяющей создать химическое оружие;

- высокая поражающая способность химического оружия;

- высокая «психологическая нагрузка», сопровождающая применение химического оружия и вызывающая панику и страх в широких слоях общества.

3. Биологический терроризм, представляющий собой использование биологических средств ведения во-

¹ Супертерроризм: новый вызов нового века. – С. 59.

йны (бактерии, вирусы и др.) против населения с целью уничтожения максимального количества людей. Особого внимания заслуживает подкатегория биологического терроризма – сельскохозяйственный терроризм, при котором используются смертоносные вирусы для распространения инфекционных заболеваний в сельском хозяйстве.

4. Экологический терроризм – уникальный вид терроризма, возникший в конце 70-х годов XX века, когда в западных странах появились организации и группы, которые под лозунгами сохранения окружающей среды, избрав тактику «активного действия», стали прибегать к насилию и террору для оказания давления на правительства посредством широкого общественного протеста или привлечения дополнительного внимания к проблемам «зеленых».

5. Психотерроризм, включающий в себя следующие средства: психотропное оружие и пропаганду, социальные технологии и наркотики.

Для осуществления информационно-психологических воздействий на индивидуальное, групповое и массовое сознание и психику, в целом, могут быть использованы следующие виды средств:

– *средства массовой информации*. В реальном масштабе времени они могут расширять или ограничивать область воздействия, быть адаптированными к объекту воздействия с учетом его национальности, уровня образования, религии и социального положения;

– *специализированные средства информационно-пропагандистской направленности* (мобильные радиовещательные и телевизионные центры, пропагандистские передвижные громкоговорители, плакаты, листовки и т.п.);

– *глобальные информационно-вычислительные сети, и, прежде всего, мировая сеть Интернет*.

6. Кибертерроризм, который можно трактовать как умышленные действия по дезорганизации информационных систем, создающих опасность гибели людей, значительного имущественного ущерба, либо иных общественно опасных последствий, если они совершены со специальной целью – нарушить общественную безопасность, устроить панику в населении либо оказать воздействие на принятие решений органами власти, а также угрозы совершения указанных действий в тех же целях.

Некоторыми авторами представленная типология «супер-терроризма» дополняется понятием «космический терроризм»¹, в котором, несмотря на всю техническую сложность и финансовую затратность реализации террористических актов, можно выделить следующие действия террористов:

- уничтожение спутников и других космических аппаратов или создание помех, препятствующих их нормальной работе;
- захват и использование космических аппаратов для обеспечения террористов связью или для использования их в боевых террористических операциях.

Рассмотрение различных типологий терроризма свидетельствует, что наряду с очевидными различиями в принципах классификации терроризма в большинстве подходов, тем не менее, самостоятельно выделены религиозный (конфессиональный), националистический (этнический) и уголовный (криминальный) виды терроризма, что представляется крайне важным для осмысления той ситуации, которая сегодня сложилась в северокавказском регионе России. Сразу же подчеркнем, что конкретная террористическая практика базируется на той или иной идеологии – религиозной, националистической и т.д. В то же время, следует иметь в виду, что в чистом виде различные направления терроризма практически не встречаются, а выделяются в научных исследованиях исключительно в аналитических целях. Всегда, как

¹ Добаев И.П., Немчина В.И. Новый терроризм в мире и на Юге России: сущность, эволюция, опыт противодействия. – Ростов н/Д., 2005. – С. 36-37.

правило, просматриваются их наслоения друг на друга. Поэтому мы можем с уверенностью говорить о возможности определенного синтеза религиозного, этнического, а также и криминального видов терроризма.

Масштабные террористические действия, начавшиеся в конце XX – начале XXI века и продолжающиеся и поныне в различных регионах мира, обуславливают необходимость всестороннего анализа феномена современного терроризма, превратившегося в серьезную угрозу безопасности человечества. В условиях нарастающей глобализации, стирающей границы между финансовыми, информационными, миграционными потоками, деятельность террористов приобрела транснациональный характер.

Соответственно, в современных условиях трансформировались доктринальные установки террористов, модернизировались организационные структуры террористических организаций, расширились возможности использования ими высокотехнологического оружия, передовых технологий, вызывающих массовое поражение населения, наносящих значительный ущерб любому государству. Сегодня терроризм нередко является прикрытием для работорговли, захвата заложников, торговли наркотиками и отмывания криминального капитала.

Оригинальную трактовку понятия «современный терроризм» представил в своем выступлении в Норфолке 5 мая 2004 года Генеральный секретарь НАТО Я. Схеффер: «Эта разновидность терроризма не вынашивает четких политических требований, не терпит никаких аргументов, не соблюдает каких-либо национальных границ, политических систем, идеологий или религий, – она угрожает нам всем»¹.

Формы проявления, методы, тактические приемы осуществления террористических акций объективно обусловлены различными условиями и причинами, существующими в том или ином государстве или регионе мира. Однако все эти различия

¹ Новости НАТО: Информационный бюллетень. – 2004. Вып. 2. – С. 4.

никоим образом не нивелируют определенной суммы характеристик, которые составляют внутреннее содержание термина «современный терроризм», его характерные черты, направления развития и тенденции. Как представляется, современный терроризм имеет следующие существенные отличия от терроризма «классического»:

1. Если в прошлом индивидуальный или групповой (организованный) терроризм был географически локализован, то в настоящее время это явление стало повсеместным.

2. В настоящее время в террористические группы стали объединяться люди разных рас, национальностей, этносов, эти группы действуют, как на территории государства пребывания, так и за его пределами.

3. Современный глобальный терроризм отличала высокая организованность и управляемость из единого центра (до октября – декабря 2001 г., когда США и их союзники инициировали антитеррористическую борьбу с «международным терроризмом» на территории Афганистана).

4. Современный терроризм использует все последние научные достижения – от спутниковых телефонов до систем глобальной ориентации, стремится создавать и использовать бактериологическое, химическое и ядерное оружие.

5. Современный терроризм требует значительного финансирования, и для многих его организаторов он превратился в доходный бизнес.

6. Современный терроризм в значительной степени связан с экстремистскими и сектантскими религиозными течениями.

7. Современный терроризм все больше смыкается с криминальными структурами и криминальным бизнесом.

8. Все больше людей, привлекаемых идеологами и руководителями террористических групп, готовы жертвовать жизнью при

совершении террористического акта; «моджахеды» – смертники стали практически массовым явлением¹.

Более того, для современного терроризма характерны и такие черты, как:

- количественный рост террористических актов, циничность и жестокость их исполнения;

- масштабность последствий акций, значительное количество жертв;

- усиленные попытки овладения оружием массового поражения (ОМП) для его возможного использования;

- принятие в свои арсеналы новых средств воздействия, в частности информационных (в первую очередь кибернетических), экологических и психических;

- профессионализм и подготовленность террористов вследствие их участия в различных конфликтах;

- возросшая техническая оснащенность террористических группировок;

- высокий уровень финансового обеспечения террористической деятельности;

- использование различными государствами отдельных террористических группировок для расширения сфер геополитического влияния;

- участие международных террористических организаций в распространении своего влияния на другие регионы, активные попытки установить контроль над территориями с богатейшими запасами энергоносителей, полезных ископаемых;

- интернациональный характер террористических группировок;

- размывание границ между внутригосударственным и международным терроризмом;

¹ *Залиханов М.Ч., Лосев А.М., Шелехов А.М.* Современный терроризм и государственная демографическая политика в Российской Федерации // *Право и безопасность.* – 2005. – №2 (15).

– установление устойчивых связей между террористическими организациями и транснациональной организованной преступностью, в первую очередь наркобизнесом;

– связь с наемничеством¹.

Действительно, современный терроризм по многим своим характеристикам отличается от терроризма прошлых эпох.

Во-первых, поражает его впечатляющая многоликость. Сегодня государства, социальные группы, социальные общности и отдельные личности используют террор / терроризм для достижения определенных политических целей.

Высокая организованность и структурированность представляет вторую особенность международного этапа развития террористической деятельности. Современные террористические акты в редких случаях подготавливаются и осуществляются террористами-одиночками. Как правило, за их подготовку и проведение отвечают целые «концерны», имеющие свою собственную и разветвленную структуру во многих странах. Они состоят из руководителей и исполнителей, идеологов и практиков, специалистов по совершению убийств, диверсий, изготовлению фальшивых документов и т.п.

Третья особенность современного терроризма связана с расширением географических рамок террористической деятельности до глобальных масштабов. Сегодня ни один континент планеты не чувствует себя в безопасности, любая точка земного шара может стать объектом террористических атак. Глобальность проявляется и в трансграничности террористических организаций. Многие из них осуществляют подготовку специалистов в одной стране, проводят террористические акции в другой, в третьей укрываются, четвертой финансируются.

Четвертая особенность нынешнего этапа международного терроризма состоит в его глубокой противоречивости, ибо, с одной стороны, он становится все более опасным, агрессивным, его

¹ Супертерроризм: новый вызов нового века. – С. 14.

масштабы порой удивляют и ужасают. С другой стороны, сегодня терроризм, по всей видимости, превращается во все более перспективный метод политической борьбы с точки зрения достижения поставленных целей, поскольку вызывает негативную ответную реакцию органов государственной власти и населения. Он способствует переходу от демократического общества к полицейскому или даже диктаторскому, приводит к многочисленным ограничениям прав и свобод, а, соответственно, – к резкому уменьшению вероятности достижения поставленных террористами целей.

Пятая особенность характеризуется расчетом террористов на психологическое устрашение и деморализацию простых людей. Современный терроризм не устраивает молчаливая партизанская война, ему необходим крупномасштабный публичный социально-психологический эффект. Для этого создаются грандиозные «театральные представления» и привлекаются разнообразные средства массовой информации.

Соответственно театральность и публичность определяют шестую особенность современного терроризма.

Желание привлечь внимание масс и запугать общественность заставляет терроризм постоянно изменяться и использовать новейшие технические изобретения в своей деятельности – химическое, биологическое, информационное оружие, что составляет седьмую особенность современного периода террористической деятельности.

Иначе говоря, основные черты современного терроризма, являющегося продуктом глобализационных процессов и углубившегося социально-экономического расслоения в современном мире, заключаются в следующем: структурно он не замыкается в рамках одного региона; деятельность отдельных террористических групп организационно предельно децентрализована, однако фиксируется общность идеологических доктрин и целей; террористические структуры, в принципе, в состоянии осуществить

акции с применением оружия массового уничтожения и современных технологий, что может привести к последствиям катастрофического характера не только для отдельных государств, но и всего мирового сообщества; отличительной особенностью стала высокая степень адаптации террористических организаций к реалиям современного мира, действующих как строго иерархически, так и с «размытым» управленческим механизмом, наличие структур, организованных по типу «паучьей сети», а также полностью независимых. Его отличительной чертой на данном историческом этапе является также беспрецедентное включение исламистского компонента, особенно в идеологические конструкторы многочисленных террористических структур¹.

Вышеуказанные черты и признаки «нового терроризма» тесно перекликаются с основными тенденциями современного терроризма, зафиксированными в Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации:

- увеличение количества террористических актов и пострадавших от них лиц;

- расширение географии терроризма, интернациональный характер террористических организаций, использование международными террористическими организациями этнорелигиозного фактора;

- усиление взаимного влияния различных внутренних и внешних социальных, политических, экономических и иных факторов на возникновение и распространение терроризма;

- повышение уровня организованности террористической деятельности, создание крупных террористических формирований с развитой инфраструктурой;

- усиление взаимосвязи терроризма и организованной преступности, в том числе транснациональной;

¹ Добаев И.П. Воздействие внешнего фактора на процесс институционализации террористических группировок на Северном Кавказе // Государственная служба. – 2012. – № 2. – С. 31.

- повышение уровня финансирования террористической деятельности и материально-технической оснащенности террористических организаций;

- стремление субъектов террористической деятельности завладеть оружием массового поражения;

- попытки использования терроризма как инструмента вмешательства во внутренние дела государств;

- разработка новых и совершенствование существующих форм и методов террористической деятельности, направленных на увеличение масштабов последствий террористических актов и количества пострадавших¹.

Рассмотрев различные подходы к определению понятия и природы современного терроризма, можно выделить следующее сущностное наполнение понятия «современный, или новый терроризм»: «Новый терроризм» представляет собой идеологию (идеологическую доктрину) и основанную на ней политическую практику (так же, как и в случаях с понятиями «радикализм», «экстремизм», «сепаратизм», «национализм» и т.д.). Без идеологической составляющей, без наличия определенного интереса (политического, экономического и т.д.), терроризм уже не был бы терроризмом, превратившись в заурядное уголовно-криминальное действие². Причем идеологическая составляющая терроризма носит именно террористический, а не экстремистский или радикальный характер³.

При этом в Национальном антитеррористическом комитете РФ под идеологией терроризма понимают совокупность идей, концепций, верований, которые обосновывают необходимость

¹ Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации // Российская газета. – 2009. – 20 октября.

² Добаев И.П., Немчина В.И. Новый терроризм в мире и на Юге России: сущность, эволюция, опыт противодействия. – Ростов н/Д., 2005. – С. 40.

³ Добаев И.П. Радикальные идеологии в исламе: история и современность // Ислам в России: Взгляд из регионов / Науч. ред. А.В. Малащенко. М.: Аспект Пресс, 2007. – С. 35-64.

применения террористических методов и средств для достижений главным образом политических, но в ряде случаев и иных (например, социальных и экономических) целей, а также мобилизуют людей на их применение¹.

По нашему мнению, идеологическую доктрину современного терроризма составляют преимущественно положения радикального исламизма, и именно под знаменами религиозно-политического экстремизма сегодня в мире совершается подавляющее большинство террористических атак, как в абсолютном, так и относительном исчислении. Вместе с тем, отличительной особенностью религиозного терроризма наших дней во многих регионах мира, в том числе и на Северном Кавказе, выступает то обстоятельство, что он теснейшим образом переплетается и блокируется с терроризмом национально-этнической и даже криминальной направленности, которые нередко используют «исламское» прикрытие.

Таким образом, современный терроризм является терроризмом исламистски мотивированным, включающим в себя конфессиональную, этническую и криминальную составляющие. Отсюда следует, что особенность современного терроризма заключается в сращивании на основе идеологии радикального исламизма религиозного, этнического и криминального терроризма, поддерживаемого экстремистскими международными структурами аналогичной направленности и стоящими за ними центрами силы.

¹ Ильин Е.П. Актуальные проблемы противодействия вовлечению молодежи в террористическую деятельность // Противодействие идеологии экстремизма и терроризма в рамках реализации государственной молодежной политики: Мат. науч.-практ. конф. (12-14 октября 2009 г., Ростов-на-Дону). [Электронный ресурс] // Национальный антитеррористический комитет [Официальный сайт]. URL: <http://www.nak.fsb.ru>. Рубрика «Публикации».

1.3. Причины, факторы и формы политизации и радикализации ислама, становления современного терроризма в мире и в России

В XVI веке европейцы совершили научную революцию, которая дала им больший контроль над окружающей средой, чем кому-либо прежде. Произошли новые открытия в науке, медицине, мореплавании, сельском хозяйстве и промышленности. Ни одно из них не было решающим, но их совокупный эффект был радикальным. К началу XVII в. новшества приобрели такой масштаб, что прогресс казался необратимым: открытие в одной области часто вело к новым достижениям в другой. К тому времени, как это техническое обновление общества закончилось индустриальной революцией XIX века, модернизация повлекла за собой социальные, интеллектуальные и иные перемены. Прогрессивный характер западного общества и промышленно развитой экономики подразумевал, что оно должно непрерывно расширяться. Необходимы были новые рынки, и, как только собственно западные страны насыщались, их надо было искать в других международных регионах. Как следствие, западные страны приступили к процессу колонизации. Исламский мир был так обширен и стратегически удачно расположен, что первым подвергся всеобщей, систематической колонизации Западом – на Ближнем и Среднем Востоке, в Южной и Юго-Восточной Азии, существенной части Африки.

Европейское вторжение в исламский мир началось в могольской Индии. Во второй половине XVIII века британские торговцы утвердились в Бенгалии. Экономическое разграбление Бенгалии привело к тому, что в конце XVIII в. – начале XIX в. посредством соглашений или военных захватов британское владычество было установлено по всей Индии, кроме долины Инда, которая была покорена в середине XIX века. В последующем европейские силы колонизировали одну исламскую страну за другой. Фран-

ция захватила Алжир в 1830 году, Британия – Аден девять лет спустя. Тунис был оккупирован в 1881-м, Египет – в 1882-м, Судан – в 1889-м, а Ливия и Марокко – в 1912-м годах. В 1915 году соглашение Сайкса – Пико разделило территории умирающей Османской империи (которая примкнула к Германии во время Первой мировой войны) между Великобританией и Францией. После завершения войны Великобритания и Франция установили протектораты и мандаты в Сирии, Ливане, Палестине, Ираке и Трансиордании. Арабы расценили это как произвол, поскольку европейцы прежде обещали арабским областям Османской империи независимость¹.

Именно в этот период антиколониальный протест местного населения облекается в зеленые цвета ислама, происходит зарождение и постепенная институционализация современного исламистского движения. В декабре 1928 г. в Египте студентами-исламистами создается неправительственная религиозно-политическая организация «Братья-мусульмане» (БМ), которую можно назвать первой современной структурой радикал-исламистов. Уже в 30-40-е гг. на Ближнем, а в 50-е гг. на Среднем Востоке появились зарубежные филиалы египетского «Братства». После роспуска БМ в Египте эти филиалы превратились в автономные организации, не имевшие ни достаточного опыта политической деятельности, ни подготовленных кадров, а потому неспособные поначалу развернуть широкомасштабную борьбу за практическую реализацию своих политических идей. Однако сегодня самостоятельные и набравшиеся опыта организации «Братьев-мусульман» существуют во многих мусульманских странах: в Саудовской Аравии, Сирии, Иордании, Палестинской Автономии, Кувейте, Судане, Тунисе, Марокко и т.д. «Братья» стали активными участниками политической жизни в ряде мусульманских стран – Иордании и Судане, Египте и Афганистане и т.д. В то же время, в движении выделилось экстремистское крыло, которое

¹ См. об этом подробнее: Армстронг К. Указ. соч. – С. 201-203.

ныне представлено множеством групп, развязавших террор против существующих в мусульманских странах режимов¹.

Вторая мировая война привела в действие процесс деколонизации во всем мире, в том числе и в мусульманских странах. Однако даже после того, как некоторые из стран Арабского Востока стали независимыми, Запад зачастую продолжал управлять их экономикой, нефтедобычей или такими ресурсами, как Суэцкий канал.

Вместе с тем, послевоенный передел мира официально закрепил позиции нового гегемона Запада – Соединенные Штаты, которые, развернув широкую экспансию на Ближнем и Среднем Востоке преимущественно за счет своего главного союзника Великобритании, существенно упрочили здесь свои позиции. Главной целью для США, помимо геостратегических и геополитических приоритетов, диктовавшихся реалиями сложившейся bipolarной системы разделения мира, являлись гигантские запасы нефти, прежде всего в зоне Персидского залива, исключительное стратегическое значение которой стало очевидным в ходе минувшей войны и в послевоенные годы. В этой связи американцы предпринимали усилия по укреплению своего влияния в этом регионе, для чего поддерживали монархии Аравийского полуострова, всячески пытались усилить позиции в богатых нефтью Иране и Ираке. Летом 1953 г. спецслужбы США и Великобритании организовали в Иране государственный переворот, который привел к власти в этой стране проамериканский режим шахской династии Пехлеви и открыл Соединенным Штатам доступ к иранской нефти. Серьезным влиянием американцы пользовались и в Ираке, вплоть до революции 1958 г. в этой стране, приведшей к власти антиамериканский «баасистский» режим.

¹ См. об этом: *Игнатенко А.А.* Халифы без Халифата. – М., 1988; *Добаев И.П.* Политические институты исламского мира: идеология и практика. – Ростов н/Дону, 2001.

Однако повсеместно на Ближнем и Среднем Востоке, в странах Северной Африки американцы, прежде всего военные, вели себя бесцеремонно, вызывая, не считаясь с традициями и ценностями местного мусульманского населения. В результате постепенно, но неуклонно в регионе стали нарастать устойчивые антиамериканские настроения. В том числе и по этой причине, в 1978 г. в Иране, который США считали своим союзником, «островом стабильности в беспокойном регионе» (по выражению президента Дж. Картера), начались неожиданные для многих, включая американцев, массовые политические выступления против правящей монархии. Ее свержение в феврале 1979 г., провозглашение Ирана исламской республикой, его выход из военного пакта СЕНТО, в результате чего этот блок распался, захват молодыми исламскими активистами американского посольства в Тегеране, безусловно, ослабило позиции США в регионе¹. В самом Иране к власти пришел клерикальный режим, который не только создал государство по исламской модели, но и взялся за экспорт идей и практики «исламской революции» за пределы своей страны.

Вследствие такой политики новых иранских властей на Ближнем и Среднем Востоке возникли религиозно-политические организации, на идеологию и практику которых в значительной степени повлияли события, связанные с «исламской революцией» в Иране и последовавшим ее экспортом в другие мусульманские страны. В частности, среди религиозно-политических организаций, ведущих ожесточенную борьбу с Израилем и использующих в своих идеологических установках иранскую концепцию «исламского правления», в качестве наиболее убедительного примера можно назвать палестинскую «Джихад ислами» и ливанскую «Хезболлах».

¹ Добаев И.П. Кавказский макрорегион в фокусе геополитических интересов мировых держав: история и современность. – Ростов н/Дону, 2007. – С. 31.

В апреле 1978 г. в соседнем с Ираном Афганистане в результате военного переворота к власти пришел просоветский режим Н.М. Тараки, а в декабре 1979 г. советское руководство, поддавшись на провокации американцев, давших понять о своем намерении военным путем решить «афганский вопрос», ввело «ограниченный воинский контингент» на территорию соседнего, дружественного государства. Следует подчеркнуть, что об этом к Москве неоднократно обращались с просьбами лидеры нового кабульского режима, включая Х. Амина. Растянувшееся почти на девять лет советское военное присутствие (27 декабря 1979 г. – 15 февраля 1989 г.) имело геополитические последствия глобального значения. Оно не только обострило гражданскую войну в Афганистане, мобилизовало вооруженную оппозицию правящему квазимарксистскому режиму, усилило в ней радикальные исламистские элементы, но и спровоцировало координацию антисоветских действий ряда стран и международных организаций. В этих дипломатических, финансовых, агентурных и военных операциях и информационной войне против СССР наряду с США, их западными союзниками и Китаем, принимали участие Пакистан, Саудовская Аравия, Иран и другие исламские страны, что привело к резкому возрастанию роли «исламского фактора» в региональной и глобальной политике, его политизации и радикализации. Впервые после антибасмаческих операций 1920-1930 гг. в Средней Азии боевые действия советских войск в Афганистане были представлены миру как «война безбожного коммунизма против ислама»¹.

Следует подчеркнуть, что исламистские группировки в Афганистане, находившиеся под идейным влиянием «Братьев-мусульман» возникли в молодежно-студенческой среде еще в годы правления последнего афганского короля Захир-шаха (1933-1973), развились в годы республиканского руководства Дауд-хана (1973-1978 гг.) и сыграли весомую роль в борьбе про-

¹ Там же. – С. 33.

тив местного «марксистского» режима и советского присутствия в этой стране. Наиболее известными и значимыми явились афганские группировки «братьев», позднее преобразованные в исламские партии, – «Исламская партия Афганистана» во главе с пуштуном Г. Хекматъяром и «Исламское общество Афганистана», лидером которой стал таджик Б. Раббани. Отсюда усматривается то, что радикальное движение в исламской оболочке изначально в Афганистане не было монолитным, но сепарированным по этническому принципу «пуштуны – не пуштуны», что, безусловно, ослабляло его. Для преодоления этого состояния понадобилась интегристская идеология «чистого ислама», которая на афганскую территорию была в годы «джихада» привнесена извне.

В ходе афганской войны сформировался исламский экспедиционный корпус численностью примерно в 25 тыс. человек, деятельность которого в Афганистане направляло «Бюро по обслуживанию муджахедов» (*«Мактаб хидамат аль-муджахидин»*). Его первым руководителем был палестинец Абдалла Азам, а после его гибели – небезызвестный Усама бен Ладен. Впоследствии руководимых им боевиков стали обобщенно называть «арабами-афганцами». Представляется важным подчеркнуть, что позднее на базе структуры «арабов-афганцев» возникла организации «Аль-Каида» («Основа»).

Идеологически зарубежные муджахеды обрабатывались в духе идеологом, облеченных в форму концепции «Симпатии и антипатии» (*«Аль-валя ва-ль-бараа»*), базирующейся на идеологических конструктах, разработанных в XVIII в. М. Ибн-Абд-аль Ваххабом из аравийского Неджда (Неджд – ныне одна из провинций Королевства Саудовская Аравия). Основными положениями данной концепции явились своеобразно интерпретируемые общемусульманские понятия – такфир (обвинение в куфре, т.е. неверии) и джихад (священная война за веру). В отрыве от мусульманской ортодоксии, этот «такфир» провозгласил

«врагами ислама» не только всех немусульман, но и тех мусульман, «которые подчиняются неверным, общаются с ними, не согласны с идеями ваххабитов, например, с их трактовкой джихада»¹. При этом «джихад» ими понимался исключительно в узком смысле – как вооруженная борьба с «врагами ислама». По-ваххабитски понимаемая идея такфира понадобилась для того, чтобы оправдать вооруженную борьбу моджахедов против афганцев-мусульман, которые с оружием в руках защищали режим Демократической Республики Афганистан.

После вывода советских войск из Афганистана в феврале 1989 г. Афганистан практически сразу погрузился в пучину кровавой борьбы различных группировок моджахедов за власть, к которой они пришли в 1992г. в результате падения просоветского режима Наджибуллы. В 1994 г. им на смену пришли талибы – ставшие боевиками учащиеся многочисленных пакистанских деобандийских медресе. Уже осенью 1996 г. талибы, нанеся поражение моджахедам, создали новое государство – Исламский Эмират Афганистан во главе с «амер аль-муминином» («повелителем правоверных» – титул халифа) муллою Омаром, отбросив страну в ее социально-экономическом и политическом развитии на несколько столетий назад. Они захватили большую часть Афганистана, контролируя полностью или частично большинство провинций, а в 2001 г. их власть распространялась уже на 95% территории страны. К этому времени на афганской территории обосновался и Усама бен Ладен со своими моджахедами – «арабами-афганцами». Анализ событий, происходивших в 90-е годы XX в., как верно подчеркивает А.А. Игнатенко, показывает, что правящие режимы в тех странах, выходцами которых были возвращавшиеся «афганцы», сделали все для того, чтобы те не осели на родине. В результате «афганцы» стали возвращаться в Пакистан, а также в Афгани-

¹ Игнатенко А.А. Самоопределение исламского мира // Ислам и политика. – М., 2001. – С. 14.

стан – на территории, контролируемые движением «Талибан»¹. В феврале 1998 г. в афганском Кандагаре У. бен Ладену удалось объединить вокруг «Аль-Каиды» ряд экстремистских исламистских группировок, создав «Всемирный исламский фронт борьбы с иудеями и крестоносцами», получивший известность как «Мировой фронт джихада» (МФД)², опиравшийся на поддержку «Талибана». МФД представлял собой не слишком жесткую иерархическую структуру радикальных исламистов, в состав которой входили группировки, выстроенные, в большей степени, по сетевому принципу. Таким образом, сложился мощный и опасный ваххабитско-талибский альянс.

Сегодня ни для кого не является секретом то, что движение талибов было создано Пакистаном, Саудовской Аравией и Соединенными Штатами. Американцы поначалу достаточно активно поддерживали «Талибан», однако положение радикальных исламистов на международной арене становилось все более маргинальным. Предоставление ими убежища Усаме бен Ладену, подготовившему теракты 11 сентября 2001 года, стало формальным поводом американского вторжения в Афганистан. Военная операция в Афганистане, получившая название *Enduring Freedom* («Несокрушимая свобода»), администрацией США, многими западными экспертами и СМИ была признана безусловным успехом. Однако американские вооруженные силы и войска союзников находятся на афганской земле уже 12 лет, и за этот период так и не сумели решить «афганский вопрос».

В этот период происходит сложный процесс фрагментации террористического движения в регионе и в мире. В результате сегодня «миру угрожает новый вид терроризма, движущей силой которого стали состоящие из фанатиков сетевые

¹ Там же. – С. 15.

² Добаев И.П. Политические институты исламского мира: идеология и практика. – Ростов н/Дону, 2001. – С. 64.

структуры»¹. В самом общем виде современное террористическое движение можно представить в виде совокупности целого ряда, сетевым образом организованных, кластеров радикальных исламистов. При этом каждый из этих кластеров состоит из множества сетевых террористических группировок, которые связаны общностью идеологий и целей. В этой связи, несмотря на ликвидацию Усамы бен Ладена в мае 2011 г., деятельность террористических группировок не прекращается, а порой даже усиливается. Оценивая деятельность в Исламской Республике Афганистан (ИРА) США и их союзников по НАТО, начиная с 2001 г. по настоящее время, вряд ли можно всерьез говорить об успехах в борьбе с терроризмом и наркобизнесом в этой стране. Скорее наоборот: «...количество совершенных терактов, численность экстремистских сетей, способных создавать террористические угрозы, за период пребывания иностранного контингента на территории Афганистана не только не снизилось, а наоборот возросло. Введенные в регион иностранные войска, которые отказываются бороться с проблемой выращивания и распространения опиатов, позволяют террористическим организациям по-прежнему иметь постоянный доход от реализации наркотических средств. Следовательно, в ближайшем будущем сложно говорить о каком-либо улучшении внутривнутриполитической ситуации в стране»². Более того, в настоящее время талибы вновь контролируют большую часть территории Афганистана и практически во всех провинциях страны имеют свои теневые правительства. В то же время, до сих пор не установлены истинные организаторы террористических атак на цели в Вашингтоне и Нью-Йорке в 2001 г. Отсюда следует, что главной целью вторжения войск США и их союзников в Афганистан явились геополитические императивы и намерения геополитики»³.

¹ Сейджман Марк. Сетевые структуры терроризма. – М., 2008. – С. 7.

² Дьяконова М.А. Современное положение Афганистана в XXI веке // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2012. – № 2. – С. 205.

литического переструктурирования региона в рамках озвученного несколько позднее американцами крупного геополитического проекта «The Greater Middle East». Неудивительно поэтому, что американское военное присутствие в Афганистане, как отмечают представители высших военных кругов США, останется до неопределенного времени и после намеченного на 2014 г. полного вывода оккупационных войск¹.

Геополитическими причинами можно объяснить и современные иракские войны. Развал Советского Союза в 1991 г. разрушил биполярную структуру международных отношений, предоставив своим геополитическим оппонентам свободу рук практически повсеместно, включая и мусульманские страны. С 17 января по 3 марта 1991 г., в ответ на спровоцированную американцами оккупацию Ираком Кувейта, прошла операция «Буря в пустыне», завершившаяся быстрым освобождением Кувейта и фактическим упразднением контроля Багдада над иракским Курдистаном. В августе 1998 года после того, как Багдад отказался допустить инспекторов ООН на территорию страны, США и Великобритания начали операцию «Лиса в пустыне», целью которой было уничтожение иракских военных объектов. Воздушные налеты приобрели регулярный характер. Тем не менее, первоначально Вашингтон не стремился к свержению режима, поскольку альтернативой диктатуре С.Хусейна могло быть только правление шиитов. Этот решительный шаг американцами был сделан только в марте 2003 года, когда Соединенным Штатам удалось менее чем за месяц победить в войне и свергнуть режим Саддама Хусейна. Однако в последующем американцам пришлось решать сразу две основные проблемы: бороться с терроризмом и упорядочивать политические процессы внутри Ирака.

¹ Америка не борется с угрозами терроризма и наркотиков. Она их создает! [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://army-news.ru/>.

За время, прошедшее с начала конфликта, иракские повстанцы превратились в серьезных и опытных противников, к противостоянию с которыми американские войска не были готовы. Боевики-террористы использовали все более мощные взрывные устройства, в том числе управляемые на расстоянии, сконструированные по образцу тех, которые были впервые применены «Хезболлах» на юге Ливана, что вело к увеличению человеческих и материальных потерь американской армии. Чтобы избежать этой тенденции, американцы провели перегруппировку своих войск. Они вывели военных из городов в специально созданные вне их пределов военные базы, превратившиеся в настоящие осажденные крепости. Одновременно в целях снижения потерь среди военнослужащих было ограничено передвижение войск и сокращение числа вылазок в населенные пункты. Точечные удары, в основном, были сконцентрированы по так называемому «суннитскому треугольнику» и повстанческим зонам, прежде всего вдоль границ с Сирией.

Что касается изменения политической системы Ирака, то после крушения авторитарного режима Саддама Хусейна в стране были сконструированы регионы (на севере – курдские, на юге и юго-востоке – шиитские), которые благодаря вмешательству США и союзников получили определенную автономию. Именно на их поддержку рассчитывали США, и, в целом, не ошиблись. После выборов в январе 2005 года, в результате которых большинство в Национальной ассамблее досталось шиитам и курдам, проведенный 15 октября 2005 года референдум утвердил новую Конституцию, провозгласившую Ирак федеративным децентрализованным государством, провинции которого получили значительную автономию в противовес ослабленному центру. В результате государство, основанное на этно-конфессиональных противоречиях, не может быть прочным, что в состоянии в перспективе привести к развалу Ирака. Тем не менее, американцы считают позитивным

вектор развития ситуации в Ираке, вывели свои войска из этой страны, хотя американское военное присутствие здесь и сохранилось. Несмотря на это террористические группировки в Ираке продолжают действовать, унося все новые жизни граждан страны, и конца этому пока не видно. Вместе с тем, зарубежные моджахеды, воевавшие в Ираке, стали стягиваться в новые «горячие точки», появившиеся на карте региона в связи с реформаторским зудом американского истеблишмента, нацеленного на переформатирование «Большого Ближнего Востока» путем инспирации здесь «цветных революций».

Драматические события, начавшиеся в декабре 2010 г. с массовых протестов в Тунисе и впоследствии получившие название «арабская весна», стали возможны, прежде всего, в связи с накоплением критической массы внутренних конфликтогенных факторов во многих государствах Северной Африки и Ближнего Востока¹. Вместе с тем, по нашему мнению, т.н. «арабская весна» представляет собой цепь «цветных революций» – прозападных, а чаще – проамериканских переворотов, инспирируемых в той или иной стране в интересах Запада (США) с использованием инструментария сетевых войн. Важным субъектом «цветных путчей» выступает внешний игрок, опирающийся на уже созданные внутри той или иной страны западные и прозападные неправительственные организации. «Внешний игрок» во всех известных «цветных революциях» даже в роли собственно наблюдателя оказывал воздействие на происходящие преобразования и организовывал широкую общественную и дипломатическую поддержку путчистам. Он непосредственно или косвенно участвовал как в нейтрализации власти (принуждая отказываться от активного противодействия), так и в стимуляции и организации

¹ Шлыков П. Ближневосточная политика Турции в контексте «арабской весны». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://perspektivy.info>. Дата обращения 07.12.2012 г.

действий оппозиции¹. Спектр его действий достаточно широк: от проведения информационных войн – через использование экономических рычагов и санкций – до непосредственного участия в боевых действиях. Все эти элементы «сетевых войн» были применены Западом в ходе начавшегося реструктурирования Арабского Востока.

Начиная с 1970-х гг. особенностью общественно-политических процессов на Ближнем Востоке и в Северной Африке являлся рост влияния политического ислама. Теперь, пройдя период созревания, в ответственный момент исламисты показали себя наиболее организованной силой, которая претендует на то, чтобы определять будущее региона². Ликвидация светского режима Саддама Хусейна в Ираке, создание палестинского исламистского квазигосударства в секторе Газа под властью ХАМАС, рост популярности шиитской «Хизбаллы» в Ливане, ликвидация в ходе «арабской весны» светских режимов в Тунисе, Египте, Ливии, возможное свержение или же серьезное ослабление Башара Асада в Сирии внесли серьезные деформации в региональный политический процесс. Ситуацию здесь усугубляет наличие застарелых проблем, в числе которых: конфликты между Палестиной и Израилем, Северным и Южным Суданом, курдский сепаратизм, напряженность в Афганистане (которая усилится после вывода основной массы войск США), нестабильность в Пакистане и т.д.

Следует признать, что процессы, вызванные «арабской весной», находятся в постоянной динамике. В настоящее время про-

¹ *Добаев И.П., Добаев А.И.* Терроризм и антитеррористическая деятельность в Российской Федерации. – Ростов н/Дону, 2011. – С. 115.

² *Демченко А.* «Арабская весна» и политика России в ближневосточном регионе. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://perspektivy.info>. Дата обращения 15.09.2012 г.

исходит разрушение старых властных структур и мощное выдвижение на авансцену политического ислама¹.

В колыбели современной арабской революции – Тунисе – в результате первых после свержения режима Бен Али свободных парламентских выборов, состоявшихся 23 октября 2011 г., наибольшее количество мест (90 из 217) завоевала исламистская партия «Нахда» («Возрождение»). Ее лидер Рашид Ганнуши – видный идеолог политического ислама, а генеральный секретарь – Хамади Джебали, который в результате победы «Нахды» на выборах занял пост премьер-министра Туниса. В последнее время в стране усиливают свое влияние салафиты (исламские фундаменталисты), которые претендуют на политическое лидерство, требуя построения исламского государства и введения законов шариата. Исламизация вызывает раскол в тунисском обществе, часть которого выражает недовольство исламизацией общественно-политической жизни и намечающимся отказом от результатов секуляристских реформ, осуществленных при прежних режимах.

В Египте после краха режима президента Х.Мубарака наиболее организованной и влиятельной политической силой стали «Братья-мусульмане», позиционирующие себя как умеренных исламистов, политическая программа которых провозглашает общедемократические цели. На парламентских выборах в ноябре 2011 г. наибольшее число депутатских мест (42%) получила «Партия свободы и справедливости», являющаяся политическим крылом «Братьев-мусульман», а второе место заняла партия «Свет» («Ан-Нур»), представляющая салафитское движение (позже парламент был распущен по инициативе военных и по решению Конституционного суда Египта). В результате президентских выборов, прошедших в мае-июне 2012 г. победу одержал Мухаммед Мурси, один из лидеров «Братьев-мусульман», председатель

¹ Долгов Б.В. Развитие «арабской весны»: предварительные итоги. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://perspektivy.info>. Дата обращения 02.11.2012 г.

«Партии свободы и справедливости». М.Мурси вскоре отправил в отставку руководителей Высшего совета вооруженных сил во главе с маршалом Тантави и фактически взял на себя функции как исполнительной, так и законодательной власти до избрания нового парламента. Как следствие, во внутренней политике Египта все большую роль начинают играть исламские ценности – как, в той или иной мере, во всех странах победившей «арабской весны». Иными словами, плодами египетской революции воспользовались, прежде всего, «Братья-мусульмане».

В Ливии начавшиеся в середине февраля 2011 г. протестные демонстрации против 42-летнего правления полковника Муаммара Каддафи вскоре переросли в инспирированное извне вооруженное восстание, активно поддержанное морской блокадой и авиаударами НАТО. Затем в свержении режима Каддафи принимали непосредственное участие спецподразделения НАТО, а также некоторых арабских стран. В рядах ливийских «повстанцев» находилось значительное число наемников из арабских стран, Афганистана и Пакистана, а также мусульманской диаспоры из Европы. В июле 2012 г. в Ливии состоялись парламентские выборы, в ходе которых победу одержал «Союз национальных сил» во главе с Махмудом Джабрилем, а второе место заняли исламисты из «Партии справедливости и строительства» – политического крыла местного движения «Братья-мусульмане». Следует подчеркнуть, что многие из воевавших против Каддафи «повстанцев» исповедуют радикальный исламизм, и они сегодня чувствуют себя на территории Ливии достаточно комфортно. В то же время, новый режим не в состоянии полностью контролировать ситуацию в стране, поскольку реальная власть там принадлежит руководителям кланово-племенных образований на местах и их вооруженным формированиям. Таким образом, можно утверждать, что свержение режима Каддафи обернулось дезинтеграцией Ливии, усилением радикального исламизма и его распространением на соседние регионы, в частности, на Мали.

На части территории этой страны кланово-племенными группировками туарегов, ранее поддерживавших режим Каддафи, было даже создано независимое исламское государство, где главенствовал шариат. Это образование поддерживалось радикальными исламистскими группировками, в том числе «Аль-Каидой исламского Магриба» (АКИМ), действующей в Алжире¹.

В Сирии с марта 2011 г. продолжается гражданский конфликт, в котором режиму Б.Асада противостоят вооруженные оппозиционные группировки, в основном, представленные радикальными исламистами, многие из которых являются наемниками из арабомусульманских стран и мусульманской диаспоры в Европе, в том числе боевиками «Аль-Каиды». Активную помощь в их подготовке, финансировании и вооружении оказывают монархии Персидского залива, Турция и ведущие страны НАТО. Так, в Турции находится центр по подготовке сирийских боевиков, военным обучением которых занимаются турецкие офицеры. Вооружение боевиков финансируется Катаром и Саудовской Аравией. В распределении оружия принимают участие сотрудники ЦРУ, специально направленные в Турцию². Одновременно США и ЕС в борьбе против Б.Асада пытаются использовать международную террористическую сеть «Аль-Каиду». По некоторым данным, «... в Сирии против правительственных войск сражается около 10 тысяч бойцов группировки «Джабат аль-Нусра» («Фронт Победы»), напрямую связанный с «Аль-Каидой», несмотря на то, что «Джабат аль-Нусра» была признана в Соединенных Штатах террористической организацией. Она хорошо известна администрации США как одно из подразделений «Аль-Каиды» в Ираке – организации «Исламское государство Ирак»³, проводившей на территории Ирака террористические атаки на амери-

¹ Долгов Б.В. Указ. соч.

² Там же.

³ Никитин С. «Аль-Каида» готова сменить цель с Сирии на США. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://Иран.ru>.

канские цели. Тем не менее, 11 декабря 2012 г. президент США Барак Обама признал сформированную Национальную коалицию сирийских революционных и оппозиционных сил в качестве легитимного представителя сирийского народа; а в Сирию, по решению администрации США, было направлено 200 млн. долларов¹.

Таким образом, «революционные» события на Ближнем Востоке и в Северной Африке, изменив геополитическую конфигурацию региона, резко повысили градус «исламского фактора». Свержение в результате поддержанных извне «арабских революций» светских режимов в Тунисе, Египте и Ливии, трагические события в Сирии, других регионах «исламского мира» открыли дорогу во власть не только умеренным исламистам вроде тунисской «ан-Нахды» и египетских «Братьев-мусульман», но и их более радикально настроенным единомышленникам, начиная от египетской «ан-Нур» – вплоть до различных отрядов «Аль-Каиды». Либерализация общественно-политической жизни и ослабление светских институтов власти позволили радикальным фундаменталистам заявить о себе как о политической силе, претендующей на власть. Недаром нынешний лидер «Аль-Каиды» египтянин Айман аз-Завахири призывает все арабские и исламские страны, в особенности Саудовскую Аравию и Пакистан, последовать примеру Туниса и Египта. Он также советует не останавливаться на достигнутом, и добиваться не только смены власти, но и установления шариатских порядков².

Что касается России, то первые включения территорий, населенных мусульманами, начинаются в XVI в., когда в ее состав вошли Казанское (1552), Астраханское (1556) и Сибирское (1589) ханства – осколки некогда могущественной Золотой Орды. Один из основных исламских центров – Кавказ (Северный Кавказ и Закавказье) – вошел в состав Российской империи

¹ Там же.

² Тексты заявлений Аймана аз-Завахири. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://news.siteintelgroup.com/component/customproperties/?cp_leaders=zawahiri.

сравнительно поздно – в 20-80 гг. XIX столетия, а Средняя Азия была присоединена к России в последней трети XIX в.

Присоединение Кавказа к России диктовалось религиозно-моральными соображениями (спасение от истребления и присоединение христианских народов Кавказа к России) и военно-стратегическим положением Кавказа, как барьера экспансии Великобритании и ее орудия – Турции, а также плацдарма для России в завершении ее естественного геополитического развития как европейской, так и мировой державы (Константинополь, Босфор и Дарданеллы). Экономический аспект в XVIII – I пол. XIX вв. не играл какой-либо существенной роли для России в развитии событий на Кавказе, хотя в перспективе и учитывался российскими властными субэлитами¹.

Русско-турецкие войны второй половины XVIII в. привели не только к присоединению к России Крыма, но и к переходу в сферу влияния России части Кавказа и Северного Причерноморья. В последующем две русско-персидские (1804-1813), русско-турецкая (1806-1812) и Отечественная войны предопределили за Российской империей фактически статус сверхдержавы того времени. Бухарестский (1812), Гюлистанский (1813), Туркманчайский (1828) и Андрианопольский (1829) мирные договоры закрепили в международно-правовом отношении переход Кавказа под юрисдикцию России.

Бурная реакция Великобритании на присоединение Кавказа подталкивала Россию к форсированию установления контроля над регионом и введению здесь военной и гражданской администрации империи. Это стало одной из причин затяжной и кровопролитной Кавказской войны (1817-1864 гг.), в которой России пришлось вести борьбу не только с имаматом Шамиля и адыгами Северо-Западного Кавказа, но и вмешательством Османской им-

¹ Черноус В.В., Цихоцкий С.Э. Кавказский вопрос как геополитическая проблема: история и современность // Кавказ: проблемы геополитики и национально-государственные интересы России. – Ростов н/Дону, 1998. – С. 12.

перии, Великобритании, польских, венгерских и других европейских революционеров и авантюристов¹.

Особенно ожесточенно Кавказская война протекала в восточной части северокавказского региона, где она под руководством легендарных аварских имамов (Гази Мухаммед, Гамзат-бек и Шамиль) велась под лозунгом газавата (газават – это джихад «в форме меча», или боевой джихад). Безусловно, в тот период роль ислама в общественно-политической жизни северокавказских горцев резко усиливается, а на Северо-Восточном Кавказе возникает мощное движение, получившее известность как «кавказский мюридизм», которое достигает своего апогея при имаме Шамиле. «Кавказский мюридизм», как религиозно-политический феномен, возникает на основе получившего развитие в регионе суфийского ордена накшбандийа, однако по своим параметрам не совпадает с ним, используя лишь идеологическую и организационную оболочку этого тариката. В годы Кавказской войны Шамиль на части территорий современного Дагестана и Чечни даже создал теократическое государство – Имамат, которое прекратило свое существование в 1859 г. вместе с пленением имама Шамиля.

Вместе с тем, следует отметить, что до и после завершения Кавказской войны на Северном Кавказе фиксировались определенные формы «возбуждения» ислама, этнорелигиозного экстремизма и даже терроризма: наездничество (набеговая система); похищения людей с целью продажи или получения выкупа; абречество; вооруженный сепаратизм и призывы к джихаду (после завершения Кавказской войны); политический бандитизм (20-30-е гг. XX в.); этнический коллаборационизм, создание и участие на стороне фашистской Германии горских воинских формирований².

¹ Там же. – С. 13.

² Новиков Д.В. Этнорелигиозный экстремизм на Северном Кавказе: методы противодействия (политико-правовой аспект): Автореф. дис. ...канд. полит. наук. – Ростов н/Дону, 2002. – С. 16-19.

Особенно остро активизация «исламского фактора» происходила накануне и в результате революций 1917 г. (февральской и октябрьской) и последовавшей гражданской войны. В тот период на Северном Кавказе активизировались т.н. «шариатисты», лидеры которых выступали за создание исламского государства по типу шамилевского имамата. Особую активность в вопросе реализации идеи об имамате проявили шейх Н.Гоцинский и шейх Узун-Хаджи. В результате в августе 1917 г. на втором съезде горских народов, состоявшемся в ауле Анди (Дагестан), имамом Дагестана и Чечни был избран шейх Н.Гоцинский, который в союзе с шейхом Узун-Хаджи приступил к созданию религиозной монархии в составе Чечни и Дагестана. Осенью 1919 г. шейх провозгласил Чечню и северо-западную часть Дагестана «Северо-Кавказским Эмиратом»¹. Однако этот проект оказался нежизнеспособным и вскоре рухнул под напором большевиков, а на Северном Кавказе была установлена советская власть.

Не менее драматично развивались события в ходе гражданской войны и в Средней Азии. Советская власть здесь была установлена после революционных событий 1917 г., а уже в январе 1918 г. было подавлено контрреволюционное сепаратистское выступление местной мусульманской знати, пытавшейся создать «Кокандскую автономию» на территории Ферганской долины. Однако полностью локализовать это движение не удалось, в результате большевики вскоре столкнулись с широким движением мятежников – басмачеством, идеологической основой которого выступали панисламизм и пантюркизм (казахи, киргизы, узбеки и туркмены – тюркские народы; таджики относятся к иранской ветви индоев-

¹ Тишков В., Беляева Е., Марченко Г. Чеченский кризис // Генеральный проект «Россия в третьем тысячелетии». – М., 1995. – С. 7.

ропейцев; все они исповедуют ислам, преимущественно суннитского направления)¹.

Если в 1918 г. основным центром сопротивления была Ферганская долина, то в 1919-1920 гг. оно распространилось практически по всей Средней Азии. Возбуждая религиозный фанатизм и выступая под лозунгом «священной войны против неверных», лидеры бандформирований преследовали цель отрыва Туркестана от советской России и реставрации здесь средневековых феодальных порядков. Главари басмачества располагали относительно широкой пособнической базой, включавшей байство, большую часть торгово-промышленной буржуазии и мусульманского духовенства, имевших значительное влияние на умонастроения основной массы местного населения. Это позволяло сколачивать многочисленные банды, свободно ориентироваться в складывающейся обстановке, а также снабжаться оружием, боеприпасами, продовольствием и лошадьми.

Главные силы басмачей были разбиты Красной Армией еще в начале 20-х, но бандиты и их западные покровители сумели уйти от окончательного разгрома. В 1924-1925 гг. басмачи при активном содействии Великобритании реорганизовались, получили централизованное управление под руководством агента английских спецслужб, узбека Ибрагим-бека, нукера бывшего бухарского эмира. Его активно поддерживали, обучали, снабжали оружием, боеприпасами и снаряжением ряд иностранных разведок, прежде всего Великобритании. После тяжелейших потерь в ходе боестолкновений с красноармейцами басмачи, как правило, уходили на территорию Афганистана, где в северных провинциях проживали родственные им этнические группы – таджики, узбеки, туркмены и др. Там они восстанавливали силы, пополняли свои отряды людьми и оружием, получая

¹ См. об этом подробнее: Зевелев А.И., Поляков Ю.А., Чугунов А.И. Басмачество: возникновение, сущность, крах. – М., 1981; Шумов С.А., Андреев А.Р. Басмачество. – М., 2005.

всестороннюю помощь, прежде всего, от англичан (в значительно меньшей степени в этих же целях использовалась территория Ирана). Как следствие, во второй половине 20-х гг. советское правительство предприняло жесткое политическое давление на Афганистан. В результате афганский эмир Аманулла-хан резко ограничил помощь бандитам, вынудив часть из них покинуть страну.

Однако в конце 1928 г. в Афганистане при поддержке англичан вспыхнул мятеж, в результате которого власть захватил тесно связанный с английскими спецслужбами авантюрист Бача-и Сакао («сын водоноса»), этнический таджик, с которым работал лично «лучший разведчик всех времен и народов» полковник английской разведки Лоуренс Аравийский. В результате положение басмачей в Афганистане резко улучшилось. В этой связи дважды (в апреле 1929 г. и в июне 1930 г.) отряды Красной Армии переходили афганскую границу, громя басмаческие банды и инфраструктуру их поддержки по всему северу Афганистана, вплоть до отрогов Гиндукуша. Бача-и Сакао был свергнут и убит. Пришедший к власти в Афганистане король Надир-шах после жесткого советского ультиматума разоружил часть басмаческих отрядов, а по базам непримиримого Ибрагим-бека весной 1931 г. нанесла внезапный удар кавалерия туркмен-кочевников, которым хорошо заплатило афганское правительство¹, по всей видимости, советскими деньгами. К этому времени изменилось и настроение среднеазиатского населения, представители которого стали активно вступать в добровольческие отряды по борьбе с басмачеством, а в массовом сознании бандиты воспринимались уже не как «басмачи» (налетчики), а как «душманы» (враги) и «шайтаны» (бесы). Только после этого басмаческое движение стало сходить на нет. Однако их отдельные вылазки фиксировались вплоть до 1939-

¹ *Бойко В.С.* Среднеазиатская эмиграция на заключительном этапе гражданской войны в Афганистане (1930-1931 гг.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://new.hist.asu.ru/biblio/V3/226-235.pdf>.

1940 гг. Последние басмаческие группы исчезли после того, как в 1942 г. Советский Союз и Великобритания договорились о прекращении подрывной деятельности с территории Ирана и особенно Афганистана¹, что лишний раз подчеркивает геополитическую обусловленность басмачества на территории советской Средней Азии.

«Исламский фактор» активно использовался в различных сепаратистских проектах, направленных на раскол России, ее расчленение, ослабление, лишение способности сколько-нибудь существенно влиять на мировые процессы в период между Первой и Второй мировыми войнами, а также в ходе последней мировой войны. При этом следует подчеркнуть, что сепаратизм на геополитическом пространстве государства Российского всегда имел заинтересованных внешних спонсоров. В тяжелые для нашей Родины времена Гражданской, а затем Великой Отечественной войн неизменно находились силы, которые поднимали знамя сепаратизма. Заметную роль при этом играла определенная часть послереволюционной, в том числе мусульманской эмиграции из СССР, от соблазна использовать которую не удержались в некоторых европейских и азиатских странах².

Очередной всплеск сепаратизма под исламскими знаменами фиксируется после развала Советского Союза в 1991 г. Пришедшие к власти в Чечне сепаратистски ориентированные элиты во главе с бывшим советским генералом Джохаром Дудаевым взяли курс на силовой выход из состава России и образование собственного независимого государства. События в Чечне 1994-96 гг. под лозунгом «наведения конституционного порядка» открыли двери для ускоренной интернационализации радикального салафитско-

¹ См. об этом: *Зевелев А.И. и др.* Указ. соч.: Дамье В. Басмаческое движение. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.krugosvet.ru/articles/120/1012074/1012074a1.htm>.

² См., например, об этом: *Соцков Л.Ф.* Неизвестный сепаратизм: на службе СД и Абвера. – М., 2003.

го движения в регионе. Этот период времени был отмечен массовым участием в военных действиях в Чечне на стороне сепаратистов их единомышленников из Пакистана, Афганистана, Турции и различных мусульманских стран.

Чеченское «межсезонье» (1996-99 гг.), ознаменовавшееся превращением ЧР в полигон терроризма, пристанище убийц, торговцев «живым товаром», наркотиками и оружием, позволило развиваться здесь экстремистскому движению, прикрывающемуся исламом. В свою очередь, это обстоятельство предопределило вторжение банд местных и зарубежных террористов в августе 1999 г. на территорию Республики Дагестан. Общими усилиями федеральных вооруженных сил совместно с дагестанским населением экстремистам был дан отпор. Осенью 1999 г. на территории Чечни началась «антитеррористическая кампания», которая эволюционно прошла ряд важных этапов: от фронтальных сражений, апогеем чего стал штурм Грозного, до процесса «чеченизации» конфликта, т.е. его решение преимущественно силами самих чеченцев. Это, безусловно, привело к позитивным результатам собственно в Чечне, в результате контртеррористическая операция на территории этой республики была официально завершена в апреле 2009 г.

Между тем, несмотря на реальные успехи в деле восстановления Чечни, ситуация, как представляется, еще далека от идеала. Поражение сепаратистов в Чечне, распыление салафитского движения в других республиках Северного Кавказа трансформировало «сопротивление» частично в «партизанщину», частично в мобильные, слабо связанные между собой сетевые террористические группировки, базирующиеся на идеологической доктрине радикального исламизма¹.

Таким образом, в постсоветский период, под сильным внешним воздействием, в России наблюдался неуклонный процесс политизации и радикализации ислама и исламских группировок.

¹ Добаев И.П., Добаев А.И. Указ. соч. – С. 20-21.

Этот процесс усугублялся слабостью и разобщенностью традиционного и официального российского ислама, реализацией сепаратистских проектов в некоторых регионах страны. Одновременно под воздействием доктрин радикальных исламистов, боевых операций на Северном Кавказе здесь возникли и окрепли устойчивые группировки радикальных салафитов, прошедших институционализацию первоначально в некоторых северокавказских республиках. Впоследствии произошел процесс «растекания джихада» практически по всему Северному Кавказу, а в последнее десятилетие складываются предпосылки для создания радикальных салафитских группировок в Поволжье, на Урале и в Западной Сибири, а также появления их в «мусульманских анклавах» российских мегаполисов.

Глава II. Эндогенные факторы радикализации ислама в Российской Федерации

В данной главе предстоит рассмотреть два главных массива внутренних факторов, радикализующих ислам. Первый связан с внутрирелигиозными основаниями исламизма, теми, которые авторитетный отечественный исламовед А.А. Игнатенко обозначил как «эндогенный радикализм в исламе»¹. Второй обусловлен наличием блока внутренних, присущих России, и особенно Северному Кавказу, факторов, оказывающих негативное воздействие на ход и динамику внутриполитических процессов.

2.1. Внутрирелигиозные факторы политизации и радикализации ислама

Характерной особенностью исламизма и особенно его крайних форм (религиозно-политический экстремизм и терроризм), прикрывающихся исламским вероучением, является произвольное толкование его адептами ряда мусульманских понятий, среди которых важнейшее место занимает «джихад», однобоко трактуемый радикалами как вооруженная борьба против «врагов ислама». При этом под «врагами» зачастую понимаются не только все немусульмане, но и те мусульмане, которые не стоят на идеологических позициях исламизма. Такой подход позволяет применять весь набор насильственных мер к этой категории лиц, в том числе акции терроризма².

Действительно, экстремистско-террористические организации, как правило, опираются на искаженное толкование религиозных законов, норм и правил, используют в привлечении на

¹ См. об этом: *Игнатенко А.А.* Эндогенный радикализм в исламе // Центральная Азия и Кавказ (Лулес, Швеция). – 2000. – № 2 (8).

² *Добаев И.А., Добаев А.И.* Терроризм и антитеррористическая деятельность в Российской Федерации. – Ростов н/Дону, 2011. – С. 15.

свою сторону молодежи идеологию, основанную на собственных богословско-правовых доктринах, противоречащих традиционным религиозным исламским нормам и мусульманским законам. Отсутствие должного уровня разъяснительно-просветительской деятельности по правильному толкованию религиозных догматов и теорий, вскрытию и публичной критике ошибочных взглядов идеологов от экстремизма, нечистоплотности и подтасовки ими аргументов, как и упущения, допускаемые противниками этих взглядов в нападках на проповедников исламского экстремизма, создают благоприятную почву для деятельности такого рода организаций и группировок¹.

«Но есть ли какие-то эндогенные, внутренние факторы, которые радикализируют ислам? Или же эти движения, которые и сами себя провозглашают исламскими, и признаются в качестве таковых международным исламским сообществом или какой-то его частью, не имеют к исламу никакого отношения?», – задается вопросом А.А. Игнатенко². Попробуем прояснить ситуацию в этом непростом вопросе.

У ислама есть традиционный закон – собрание священных текстов, которые, по общему согласию, являются авторитетными, ясными, и фиксируют принципы веры, повседневной жизни, законодательства, теологии и доктрины на протяжении веков. Эти священные тексты имеют четкую иерархию: главенствует Коран; затем последовательно идут шесть традиционных сборников хадисов – высказываний и описаний поступков пророка Мухаммеда (составленных ал-Бухари, Муслимом, ат-Тирмизи, Абу Давудом, Ибн Ханбалом и Ибн Маджа³); тафсиры – главные традиционные комментарии Корана (например, написанные ат-Табари, ар-Рази, аз-Замахшари, ал-Байдави, ал-Куртуби, ал-

¹ Там же. – С. 135.

² Игнатенко А.А. Указ. соч.

³ Гюлен Мухаммед Фетуллах. Сомнения, порожденные веком: Пер. с турецкого. – Измир, 1991. Том 1. – С. 222.

Джалалайн, Ибн Кассиром, аш-Шаукани и ал-Вахиди); традиционные биографические и исторические труды жанра Сиры, или жизнеописаний Пророка (Ибн Исхак, Ибн Са'д, ал-Вахиди, ал-Азраки, ат-Табари, ас-Сухайли)¹.

Важно также подчеркнуть, что пророк получал божественные откровения, которые затем нашли свое отражение в Коране, в течение длительного времени с 610 г. по 632 г., в период жизни и деятельности самого пророка и его уммы в Мекке и Медине. При этом специалисты отмечают, что откровения Корана в течение этих двух периодов имели неповторимые черты, отличавшие их друг от друга². Кроме того, следует отметить, что все коранические аяты делятся на открытые (захир) и закрытые (батин), нуждающиеся в разъяснении их смысла богословами.

Мекканский период (610-622 гг.) открывается с началом пророчества Мухаммада в Мекке и заканчивается хиджрой (переселением) пророка и его общины в Медину. Откровения этого периода главным образом касались закладки идеологических основ ислама – имана (веры). Поэтому основные темы мекканских откровений отражают те или иные принципы, направленные на обретение и укрепление веры в Аллаха. Среди них – таухид (единство и единственность Бога), доводы о существовании Бога, размышления о грядущей жизни и ее описания в раю или аду, размышления о пророках и посланниках, саяят (обязательная пятикратная ежедневная молитва) и др.

Мединский период (622-632 гг.) берет свое начало с переселения пророка из Мекки в Медину в 622 г. и завершается в 632 г. его смертью. В Медине возникает мусульманское протогосударство, которое возглавил Мухаммад, перед которым возникли многие вопросы, в том числе политические, касающиеся

¹ Мухаммад Хасан. Источник террора: идеология ваххабизма-салафизма. – М., 2005. – С. 12-14.

² См. об этом: Абу Амина Биляль Филипс. Законы жизни мусульман. Эволюция фикха. – М., 2002. – С. 33-35.

управления разрастающейся общиной, государством, а также борьбой с язычниками (многобожниками). В этой связи откровения этого периода, в первую очередь, касались организации мусульманского государства. Именно в этот период было получено немалое число общественных и экономических положений. Большинство из основных тем мединского периода касалось законов, необходимых для формирования и развития исламского государства. В частности, была разработана рамочная конструкция концепции джихада, очерчены принципы взаимоотношения с «людьми Писания» (иудеи и христиане), предприняты шаги к определению понятий «вероотступничество» и «лицемерие», а также зафиксированы последние три столпа ислама (обязательный налог – закят, пост в священный месяц рамазан и паломничество – хадж).

Рассмотрение этапов получения пророком божественных откровений крайне важно, как в теоретическом, так и в практическом аспектах. Так, в исламе «существует принцип, согласно которому, если в Коране или Сунне содержатся противоречащие друг другу указания, то более позднее указание отменяет более раннее. При этом более поздние указания – это как раз те указания, которые давались пророком (или через пророка Богом) в ходе построения мединского государства и борьбы за объединение арабских племен...»¹. Они лежат в основе современной исламской системы. Так, именно в мединский период начали формироваться концепции такфира (обвинения в куфре, т.е. неверии) и джихада, которые к настоящему времени усилиями идеологов радикального исламизма оказались наполненными весьма жестким содержанием по отношению к т.н. «врагам ислама». Под этими «врагами» некоторые радикалы сегодня стали без разбора понимать всех немусульман, а также и некоторые категории собственно мусульман, не разделяющих их идеологических воззре-

¹ *Ан-Наим Абдуллахи Ахмед*. На пути к исламской реформации. – М., 1999. – С. 281.

ний, квалифицируя их либо «отступниками» (муртаддун), либо «лицемерами» (мунафиккун).

Общеизвестно, что ислам как система норм, регулирует все области жизни. Эти нормы и правила называются шариатскими, производными от слова шариат, божественное законоустановление. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что шариат (букв.: правильный путь) – комплекс сакральных предписаний, моральных и правовых норм, запретов и ритуалов, соблюдение которых означает ведение правильной, угодной Аллаху жизни – основывается на каноническом тексте Корана и многочисленных хадисах Сунны, с течением времени также канонизированных. Однако Коран и Сунна не являются кодифицированными сборниками норм, правил и предписаний на все случаи жизни. В этой связи авторитетный отечественный специалист в области мусульманского права Л.Р. Сюкияйнен подчеркивает, что шариат «в точном, собственном понимании» представляет собой совокупность предписаний Корана и Сунны. Но эти источники не предусматривают всех проблем, возникающих перед человеком (мусульманином) и обществом (исламской умой – сообществом правоверных). Готовые правила поведения можно обнаружить не более чем в 300 стихах (аятах) Корана и 500 хадисах. И уж совсем немного в Коране и Сунне положений чисто правового характера (в основном, по вопросам брачно-семейных отношений и наследования)»¹.

Как следствие, встал вопрос о необходимости формирования, наряду с шариатом, мусульманского права – фикха. Вместе с тем, иногда даже специалисты с трудом различают два термина – «фикх» и «шариат», поскольку оба они переводятся как «исламский закон», или «исламское право». Некоторые исследователи полагают, что фикх выступает частью шариата, и, наоборот, другие считают шариат составной частью фикха, что не соответству-

¹ Сюкияйнен Л.Р. Шариат и мусульманско-правовая культура. – М., 1997. – С. 12-13, 18.

ет действительности. Эти термины не являются синонимами в арабском языке, ни, тем более, в понимании исламских ученых-правоведов (факихов). Фикх буквально означает верное понимание того, в чем состоит намерение (верное понимание сути намерения). В практическом же контексте фикх означает науку выведения исламских норм, фатв¹, из тех основ, которые находятся в главных источниках исламского права – Коране и Сунне, а также, в меньшей степени, в других мусульманских источниках -тафсирах и жизнеописаниях Пророка. Что касается понятия «шариат», то в буквальном смысле оно означает водопой, источник, куда животное ежедневно приходит пить воду, или же прямой путь. В исламском же контексте это слово означает всю совокупность исламских законов и предписаний, нашедших отражение в Коране и Сунне².

Таким образом, из двух предыдущих определений упомянутых терминов вытекают три основных различия между ними. Во-первых, шариат – это единая совокупность предписаний, содержащихся в Коране и Сунне, а фикх – это совокупность норм, выведенных на основе шариата применительно к конкретным ситуациям, непосредственная трактовка которых в шариате отсутствует. Во-вторых, шариат является раз и навсегда установленным и неизменным, а фикх изменяется сообразно обстоятельствам, к которым он применяется. И, наконец, в-третьих, предписания шариата большей частью имеют общий характер: они закладывают основополагающие принципы. Нормы же фикха имеют конкретную направленность: они показывают, как при-

¹ Фатвы – букв. разъяснения; этим термином охватываются пояснения, комментарии, мнения, взгляды, правовые заключения, рекомендации, суждения и т.п. сподвижников Пророка Мухаммада, а также выдающихся исламских ученых – специалистов по фикху (факихов).

² *Абу Амина Биляль Филипс. Законы жизни мусульман. Эволюция фикха.* – М., 2002. – С. 21-23.

меняются основополагающие принципы шариата в конкретных обстоятельствах¹.

Подчеркнем также, что в понятие «шариат» включаются четыре положения: догматика (акида), вопросы исламской этики (ал-ахлак), нормы исполнения религиозных обрядов (‘ибадат) и конкретные правила поведения между людьми (му’амалат). Одновременно шариат базируется на достаточно строгой дифференциации восьми категорий действий в исламе: обязательные, строго предписанные обязанности (фарз); обязанности, очень близкие к строго предписанным (ваджиб); желательные действия (суннат); желательные действия, которые совершаются лишь изредка (мустахаб); нейтральные действия (мухаб); нежелательные действия, «уменьшающие благость Аллаха» (макрух); строго нежелательные действия (мустакрух); строго запрещенные действия (харам).

В свою очередь, фикх включает только две составляющие шариата – ‘ибадат и му’амалат, и использует в этих сферах не только положения Корана и Сунны, но и нормы, выведенные мусульманскими правоведами путем толкования текстов Корана, хадисов, а также, в случае необходимости, других вышеотмеченных источников мусульманства. Для составления положений мусульманского права (фикха) компетентными исламскими богословами (улемами) и правоведами (факихи) была разработана процедура выведения (истинбат) общих норм, правил, установлений и суждений по отдельным вопросам, которая получила название иджтихад. Иджтихад – это деятельность авторитетнейших мусульманских ученых (муджтахидов) в решении вопросов религиозной и общественной жизни на основе, прежде всего, Корана и Сунны. Самыми авторитетными муджтахидами в суннитском направлении ислама небезосновательно считаются основатели четырех школ исламского права – мазхабов (Абу-Ханифа, Малик

¹ Там же. – С. 23.

ибн Анас, аш-Шафия, ибн Ханбал); ниже их по уровню стоят другие знатоки шариата – факихи и муфтии¹.

Муджтахиды разных правовых школ в той или иной мере использовали следующие методы выведения: иджма – согласованное мнение многих, а то и всех авторитетов данного времени; кыяс – заключение по аналогии; рай – индивидуальное толкование какого-либо муджтахиды; истислах – признание возможности изменения некоторых хадисов Сунны, если их содержание оказалось в противоречии с тем, что признано благом; истихсан (близкое по смыслу к истислах) – предпочтение в правовом отношении.

По способам толкования источников и различных событий общественной жизни различают четыре школы (мазхаба) суннитского богословия, получившие свои названия от имен их отцов-основателей, которые в разной степени используют вышеназванные методы иджтихада:

- ханифитский мазхаб, основанный Абу-Ханифом (699-767 гг.) – наиболее гибкий и распространенный в исламском мире. Последнее объясняется тем, что этот мазхаб наиболее лоялен по отношению к адату (обычное право), учитывает местные условия. Наибольшее внимание уделяет методам рая и кыяса, в меньшей степени – иджмы. Однако на первый план ханифизм в качестве метода выдвигает истислах, т.е. критики отдельных положений некоторых хадисов;

- маликитский мазхаб, основанный Маликом ибн Анасом (713-795 гг.), из всех методов предпочитает иджму, опирается на методику истислаха и рая, а методом кыяса почти не пользуется;

- шафиитский мазхаб, основатель аш-Шафия (767-820 гг.), отдает предпочтение иджме, допускает кыяс, однако выступает против рая и истислаха;

¹ Добаев И.П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. – Ростов н/Дону, 2003. – С. 82.

– ханбалитский мазхаб, основанный ибн Ханбалом (780-855 гг.), опирается в основном на хадисы и таклид (строгое следование традициям), лишь ограничено использует методы рая, иджмы и кыяса. Именно в рамках этого мазхаба в середине XVIII в. на Аравийском полуострове возникло мощное религиозно-политическое движение, ставшее известным как ваххабизм¹.

Поскольку нормы шариата и фикха формировались различными богословами, приверженцами различных мазхабов, то не удивительно, что толкование мусульманскими учеными (улемами) текстов основных источников ислама приводит к разным результатам и выводам. Л.Р.Сюкияйнен по этому поводу точно подметил, что «...согласно преобладающему среди мусульманских ученых мнению, по одному и тому же вопросу разные муджтахиды (авторитетнейшие богословы) могут придерживаться несопадающих взглядов, которые в равной степени имеют право на существование. Именно это лежит в основе разнообразия мусульманско-правовых школ – мазхабов»².

Тем не менее, несмотря на наличие целого ряда мазхабов, сложившихся в исламе, все они равнозначны, равноправны и основываются на главных, священных источниках ислама – Коране и Сунне, достаточно мирно сосуществуют между собой. Мусульманин может придерживаться в своей жизнедеятельности любого мазхаба.

Однако уже в XI в., после того как в суннитском исламе сложились вышеназванные школы исламского права, стало считаться, что новые мазхабы создавать нельзя, более того, нельзя и прибавлять что-то новое к существующим мазхабам, «врата» самостоятельного суждения, «иджтихада», закрылись. Самым большим грехом для правоверного становится «бида» (недозволенное нововведение), которое, согласно исламской ортодоксии,

¹ Там же. – С. 83.

² Сюкияйнен Л.Р. Указ. соч. – С. 9.

может дезинтегрировать мусульманскую умму, нарушить ее спокойствие и плавное течение жизни. С возможностью такого рода дезинтеграции ислам спасается борьбой с нововведениями, которую обязано вести исламское государство и все общество (умма)¹.

Таким образом, в течение трех-четырех веков после своего зарождения ислам усилиями конкретных людей трансформировался: появились направления (суннизм, шиизм, хариджизм), мазхабы с их книгами фикха, суфийские ордены, многочисленные секты и подсекты. Всего этого не было в «золотом веке ислама» (период жизни и деятельности пророка Мухаммеда и первых четырех «праведных» халифов – Абу-Бакра, Омара, Османа и Али). Одновременно уже при первых халифах из рода Аббасидов (750-1517 гг.) огромное мусульманское государство – халифат – стало испытывать различные трудности развития, а затем и вообще распалось на ряд халифатов, которые с течением времени раскололись на еще более строго очерченные гомогенные сообщества – национальные государства. Последний аббасидский халиф в 1517 г. после взятия турками Каира и вообще был вынужден отказаться от своего титула «повелителя правоверных» («амер аль-муминин»), передав его турецкому султану, который исполнял роль халифа всех суннитов в течение почти четырех столетий, вплоть до развала Османской империи и последовавших реформ Кемаля-паши Ататюрка. Следует также подчеркнуть, что часть исламских стран, в том числе родина ислама – Аравия – вошли на правах провинций в состав Османской империи, и управлялись из Стамбула. Ряд других мусульманских стран подверглись колонизации со стороны европейцев. После развала турецкой империи некоторые ее бывшие арабские территории стали управляться Великобританией и Францией согласно мандату Лиги Наций.

Вместе с тем, как отмечают ученые-исламоведы и востоковеды, «уровень культуры мусульманского мира до Нового времени

¹ Фурман Д. Послесловие к кн. *Ан-Наим Ахмед Абдуллахи*. На пути к исламской реформации. – М., 1999. – С. 273.

был выше европейского. В средние века не Европа несла просвещение и интеллектуальную свободу в исламский мир, а, напротив, знания шли в Европу с мусульманского Востока и отношение европейцев (крестоносцев и христиан в Испании и Португалии) к мусульманам в какой-то мере походило на теперешнее отношение многих мусульман к Европе и США. Это была, естественно, ненависть к чужакам и иноверцам, но ненависть, сильно окрашенная завистью и тайным признанием их превосходства. Это соотношение, однако, меняется с эпохи Ренессанса и Реформации»¹.

Разумеется, такой ход событий, связанный с распадом халифата и последовавшим унижением адептов «последней», «самой верной» религии, не мог не развить то интеллектуальное и политическое движение, которому внешние наблюдатели дали не совсем точное название – фундаментализм, имея в виду возвращение к фундаменту, первоосновам религии – «золотому веку» в исламе. Эти процессы резко усилились после крушения турецкой империи, однако зародились и появились задолго, скажем, до создания в монархическом Египте первой современной радикальной мусульманской группировки «Братья-мусульмане» (декабрь 1928 г. – январь 1929 г.).

Исламские фундаменталисты (самоназвание «салафиты») появились уже в первые века ислама. Средневековые салафитские авторы – Ибн Ханбал (780-855 гг.), Ибн Таймийя (1263-1328 гг.), их единомышленники, ученики и последователи резко выступали против введения в ислам каких-либо новшеств, требовали очищений этой религии от наслоений, следовавших за завершением «золотого века». Ратуя за восстановление норм раннего ислама, они отстаивали его «чистоту», в том числе от влияния суфизма и, в целом, человеческого фактора. В последующие века ведущими

¹ Фурман Д. Реформа ислама по Мохаммеду Тахе и Ахмеду Ан-Наиму. Послесловие к книге Абдуллахи Ахмеда Ан-Наима. На пути к исламской реформации. – М., 1999. – С. 274.

идеологами «очищения» ислама стали такие яркие фигуры в стане салафитов, как Мухаммад Ибн абд ал-Ваххаб (1703-1792 гг.), вплоть до идеологов современного фундаментализма Аль-Маудуди (Пакистан), Сайида Кутба (Египет), нынешнего лидера «Аль-Каиды» Аймана аз-Завахири (Египет) и др.

Как уже отмечалось нами выше, в Коране есть два вида аятов: понимаемые буквально («понятные» – это те, на которых основывается шариат) и аллегорические (похожие на притчи Иисуса) и сами по себе открытые для разумной интерпретации (это те, из которых проистекает исламская мудрость и культура). По поводу последних в Коране неоднократно указывается: «И приводит Аллах притчи для людей...» (24:35); «И приводит Аллах притчи людям, – может быть, они опомнятся» (14:30). Несмотря на это, салафиты отрицают наличие в Коране аллегорий (маджаз), настаивая, что каждое слово в Коране должно восприниматься буквально. Однако вопрос о буквальном понимании коранических текстов и существовании в нем аллегорий – не просто академический, он оказывает непосредственное воздействие на поведение мусульманина и таким образом на человеческую жизнь¹.

Такой позиции, и мы с ним солидарны, придерживается авторитетный отечественный исламовед и арабист А.А. Игнатенко, который считает, что «салафизм недаром называют чистым исламом. Это название отражает интенцию очищения ислама от исторически наложившихся на него наслоений. Салафиты провозглашают отказ от накопившихся интерпретаций этих текстов (Корана и Сунны) как результата человеческой интеллектуальной, рациональной деятельности и просто рассматривают эти тексты как сумму норм, рекомендаций и правил, которые вообще не нуждаются в интерпретации, а понимаются как таковые. Подобную позицию салафиты обосновывали всегда тем, что Коран, ниспос-

¹ Мухаммад Хасан. Источник террора: идеология ваххабизма-салафизма. – М., 2005. – С. 45.

ланный людям Богом, понятен им без всяких интерпретационных ухищрений, ибо абсурдом и богохульством было бы предположение о том, что Бог ниспослал людям непонятное, требующее каких-то сложных истолкований Писание. И не говорится ли в самом Коране о том, что он ниспослан на ясном арабском языке? Например, сказано в Коране: «Не повинуйся неверным...». Понятно. Кто такие неверные (кафирун, куффар, ед. ч. кафир)? В Коране тоже есть ответ: «А кто судит не по тому, что низвел Аллах, то это – неверные»¹.

Однако этот же автор (Игнатенко А.А.) подчеркивает, что, выступая за очищение ислама от человеческого фактора, «салафиты не могут не вступать на путь иджтихада, т.е. человеческой адаптации богооткровенной речи к условиям современности»². Речь, помимо разнообразных теологических тонкостей, идет, в том числе, и о том, что салафиты в своих умозаключениях не ограничиваются только текстами Корана и «неповрежденной» Сунны, но обращаются к салафитскому наследию прошлого (например, используют произведения уже упоминавшегося выше А. Ибн-Таймийи и других салафитских авторов), то есть в полной мере используют человеческий фактор. Именно в обращении к салафитскому наследию наиболее полно и очевидно проявляется непоследовательность и даже ущербность современного радикального исламистского движения, поскольку салафиты зачастую свои выводы основывают не только на буквально воспринимаемых ими коранических аятах и тех или иных хадисах, но в реальности заимствуют выводы, сделанные их единомышленниками, порой в очень далеком прошлом.

Таким образом, говоря о буквалистском подходе салафитов к пониманию сакральных текстов Корана и Сунны, с их упором на идеологическое доминирование мединского периода над мек-

¹ Игнатенко А.А. Эндогенный радикализм в исламе // Исламский фактор на Юге России / Южнороссийское обозрение. Выпуск № 72. – С. 181-182.

² Там же. – С. 182.

канским, и требованием очищения ислама от наслоений, появившихся после завершения «золотого века» в результате человеческой рациональной деятельности, А.А. Игнатенко доказывает, что исламские фундаменталисты сами привносят в конструируемые ими идеологические концепции плоды своих, человеческих интерпретаций. И в этом он далеко не одинок. Например, зарубежный автор Мухаммад Хасан поддерживает основные выводы, сделанные А.А. Игнатенко. Так, определив сущность, проанализировав тенденции развития и выявив современное состояние салафитской идеологии, М. Хасан выделил шесть ее основных черт: 1. буквализм; 2. противоречие здравому смыслу и философии; 3. направленность против культуры, по крайней мере, высокой культуры; 4. отказ признавать традиционные уставки; 5. внутреннюю нестабильность (не имеет внутренних механизмов безопасности, или системы «сдерживания и баланса»); 6. невежественность и нетерпимость. В результате этот ученый приходит к выводу о том, что салафизм – «полностью и радикально иная культура, иной менталитет и, в конечном счете, иная религия, нежели традиционный ислам». Одновременно он считает, что «внутри широкого салафитского движения есть незначительное меньшинство – так называемые салафиты-такфириты, которые одни верят в насилие и на практике прибегают к нему»¹. Иными словами, он не ставит знака равенства между салафизмом (фундаментализмом в исламе) и экстремизмом, тем более терроризмом.

Радикальный салафизм существует не только как идеологическая доктрина, но и как социально-политическая практика, реализуясь в деятельности целого ряда исламистских организаций и структур. В учении исламистов, которое они расценивают как единственно правильную трактовку ислама, присутствуют, как это уже отмечалось выше, два главных, системообразующих положения – о такфире (обвинение в неверии тех, кто не согла-

¹ Мухаммад Хасан. Указ. соч. – С. 60-61.

сен с салафитами) и джихаде. Для того чтобы выявить концептуальные расхождения по этим вопросам между представителями традиционного (ортодоксального) ислама и исламистами, рассмотрим подходы сторон к определению этих понятий, используя в этих целях доктрины исламских ортодоксов и идеологов радикального исламизма, в первую очередь С. Кутба и А. аз-Завахири.

Коранические аяты, сложившиеся в раннюю эпоху ислама (в мединский период), отражали период борьбы, прежде всего, против язычников (многобожников). Вместе с тем, в Коране имеются аяты, свидетельствующие, что в эпоху его создания отличали «людей Писания» («ахль аль-Китаб»), под которыми преимущественно имелись в виду христиане и иудеи, от идолопоклонников, язычников. Если к последним Коран неукоснительно и непримиримо относится враждебно, то за «людьми Писания» он признавал определенные права¹. В этот же период появились термины «отступники» от ислама и «лицемеры», под которыми понимались мусульмане, отступившие от ислама, или верящие неправильно, неискренне.

Итак, в сакральных источниках мусульманства имеется понятие «люди Писания», это – христиане и иудеи. Коран сообщает мусульманам, что последователи этих религий исповедуют Божественные Писания, ниспосланные им Богом. По мнению исламских традиционалистов, уважительные и добрые отношения мусульман и людей Писания зародились еще в мекканский период. В Мекке мусульмане были меньшинством среди язычников, они пытались сохранить свою веру в условиях преследований и нападок многобожников. Когда угрозы стали представлять опасность жизни общины первых мусульман, они приняли решение покинуть Мекку и нашли убежище и теплый прием в Эфиопии у христианского царя Неджаши. Эфиопский царь отклонил все требования и угрозы мекканских язычников, настаивавших на выдаче и расправе над мусульманами, заявив, что мусульмане

¹ Авксентьев А.В. Ислам на Северном Кавказе. – Ставрополь, 1973. – С 34.

могут жить в мире и покое на землях, находящихся в его правлении. Милосердие, справедливость и уважительность христиан по отношению к первым мусульманам подчеркивается в некоторых аятах Корана, например: «...и, несомненно, ты найдешь, что ближе всех к любви к уверовавшим те, кто говорит: «Мы – христиане». И это потому, что среди них есть иереи и монахи, которые гордыни лишены (и не возносятся в высокомерии перед другими). (Сура «Трапеза», 5:82)¹. Однако в Коране можно обнаружить и другие аяты, которые резко отличаются в смысловом отношении от процитированного, о них речь пойдет при описании идеологических постулатов радикальных исламистов.

Что касается собственно мусульман, то согласно традиционалистскому подходу, обвинение в неверии (такфир) представляет собой шариатское решение, которое следует принимать на основании Корана и сунны, как и решения о дозволенности, запретности или обязательности тех или иных дел. Человека можно считать неверным лишь в том случае, если на то имеются ясные указания вышеназванных сакральных источников. В сомнительных случаях установленные шариатом наказания не применяются, хотя их применение повлекло бы менее серьезные последствия, чем обвинение в неверии, а это значит, что, если дело внушает сомнения, от обвинений в неверии тем более следует воздержаться².

Пророк предупреждал: «Когда человек называет своего брата (в исламе) неверующим, это возвращается (по меньшей мере) к одному из них»³. Из этого следует, что по традиции ни один мусульманин не может назвать другого неверующим (независимо от его недостатков или совершенных греховных дел) до того момента, пока тот сам публично признается в этом. Это положение

¹ Мухаммад Хасан. Указ. соч. – С.65-66.

² Ислам против терроризма. Фетвы имамов по вопросам, касающимся тяжких бедствий / Сост. Мухаммад бин Хусейн бин Саид аль-Суфран аль-Кахтани / Пер. с араб. В.А. Нирша. – М., 2003. – С. 114.

³ Сахих Муслим. Китаб ал-Иман, 116. Цит. по: Мухаммад Хасан. Указ. соч. – С. 62.

специально оговаривалось и считалось очень важным, так как вероотступничество почиталось одним из самых тяжких грехов и каралось смертью (хотя в этом случае людям предоставлялись три возможности отречься от неверия).

Для вынесения шариатского решения о неверии, как настаивают традиционалисты, необходимо наличие известных причин и условий и отсутствия соответствующих препятствий. Так, например, можно обнаружить такие аяты Корана и хадисы, из содержания которых можно понять, что то или иное слово, действие или убеждение является проявлением неверия. Тем не менее, «того, кто произносит такие слова, совершает такие действия или придерживается таких убеждений, нельзя обвинять в неверии в силу наличия определенных препятствий»¹.

Совсем по-другому подходят к вопросу «такфира» радикальные исламисты. Например, главный идеолог египетских «Братьев-мусульман» в 50-60-е гг. XX в. Сайид Кутб прямо говорит о том, что «...на Земле существуют лишь две партии: партия Аллаха и партия шайтана. Партия Аллаха состоит из тех, кто стоит под знаменем Аллаха, а к партии шайтана относится каждая секта, группа, народ или отдельный человек из числа тех, кто под этим знаменем не находится»². Любое неисламское общество С.Кутб называет «джахилистским» (доисламское общество в Аравии – многобожники, язычники).

К «джахилистским» Кутб, в отрыве от исламской ортодоксии, относит не только языческие, но и «христианские, и иудейские общества... прежде всего потому, что они исповедуют извращенное вероисповедальное мировоззрение, в соответствии с которым Аллах ...не наделяется таким атрибутом, как божественность. Можно сказать больше, они придают ему сотоварищей в

¹ Ислам против терроризма. Фетвы имамов по вопросам, касающимся тяжких бедствий. – С. 115.

² Кутб С. Будущее принадлежит исламу. Эта религия. Вехи на пути Аллаха. – Махачкала, 1997. – С. 174-175.

одной из форм многобожия, как называя сына Божия, так и причисляя Троицу». Свои тезисы при этом он аргументирует многочисленными кораническими аятами: «И сказали иудеи: Узайр – сын Аллаха. И сказали христиане: Мессия – сын Аллаха. Эти слова похожи на слова тех, которые не веровали раньше. Пусть поразит их Аллах! До чего они отвращены!» (Покаяние, аят 30); «Не веровали те, которые говорили: «Ведь Аллах – третий из трех», – тогда как нет никакого божества, кроме единого Аллаха, а если они не удержатся от того, что говорят, то коснется тех из них, которые не уверовали, мучительное наказание» (Трапеза, аят 77); «И сказали иудеи: «Рука Аллаха привязана!» У них руки связаны, и прокляты они за то, что говорили. Нет! Руки у Него распростерты: расходует Он, как желает...» (Трапеза, аят 69); «И сказали иудеи и христиане: «Мы – сыны Аллаха и возлюбленные Его». Скажи: «Тогда почему Он вас наказывает за ваши грехи? Нет, вы только люди из тех, кого Он создал» (Трапеза, аят 21)¹.

Таким образом, христианские и иудейские общества С.Кутб прямо относит к языческим: «... все их системы и законоположения не основываются на поклонении Аллаху... ...с древних времен Аллах заклеил их позором причастности к многобожию, потому что они передавали это право своим священнослужителям и монахам, правили и издавали законы для них по собственному усмотрению и сами принимали как должное, что те в свою очередь узаконивали: «Они взяли своих священнослужителей и монахов за господ себе, помимо Аллаха, и Мессию, сына Марьям. А им было повелено поклоняться только единому Богу, помимо которого нет божества. Хвала Ему, превыше Он того, что они придают Ему в соучастники!» (Покаяние, аят 31)².

Исходя из таких посылов, Кутб относит «людей Писания» к «врагам ислама», застолбив этот тезис очередными, вырван-

¹ Там же. – С. 269-270.

² Там же. – С. 270.

ными из контекста, кораническим аятами: «И никогда не будут довольны тобой ни иудеи, ни христиане, пока ты не последуешь за их учением. Скажи: «Поистине, путь Аллаха есть настоящий путь!», – а если ты последуешь за их страстями после пришедшего к тебе истинного знания, то не будет тебе от Аллаха ни близко-го, ни помощника» (Корова, аят 120); «О вы, которые уверовали! Если вы будете повиноваться какой-либо группе из тех, кому даровано Писание, они обратят вас, после того, как вы уверовали, опять в неверных» (Семейство Имрана, аят 100) и т.д.¹

Нынешний лидер «Аль-Каиды» Айман аз-Завахири в разработанной им в 90-х гг. XX в. идеологической концепции «Симпатии и антипатии» (Аль-валяя ва-ль-бараа) развивает человеконенавистническое учение С. Кутба. Однако все человечество он делит не на «партию аллаха» и «партию шайтана», а на три группы: 1. тех, кого следует только любить, не испытывая к ним никакой враждебности; 2. тех, кого следует только ненавидеть, и только враждовать с ними, не испытывая к ним ни любви, ни дружеских чувств; 3. тех, кто с одной стороны заслуживает любви, а с другой стороны – ненависти². Ко второй группе автор концепции причисляет всех немусульман, включая христиан и иудеев, и именно их он призывает не только ненавидеть, но и враждовать с ними. Действительно, такфириты считают всех христиан и иудеев неверующими (между тем, как уже отмечалось выше, ортодоксальный ислам называет их «людьми Писания», такими же верующими, но исповедующими более ранние священные писания). На этом основании такфириты считают себя вправе убивать их³. Впрочем, как и всех немусульман, а также и тех мусульман, кого радикалы относят к «врагам ислама» («отступники» и «лицемеры»), которых аз-Завахири причислил к третьей группе.

¹ Там же. – С.308-309.

² См. об этом подробнее: Салех бин Фаузан аль-Фаузан. Дружба и непричастность в исламе. – Баку, 1997.

³ Мухаммад Хасан. Указ. соч. – С. 63.

Радикальный исламизм – это не только человеконенавистническая идеологическая доктрина, но базирующаяся на ней политическая практика неадекватного насилия, которая радикалами прикрывается общемусульманским понятием «джихад».

Однако «джихад» совершенно по-разному осмысливается традиционалистами и радикальными салафитами. Что касается традиционалистского исламского взгляда на джихад, то он делится на «большой» (борьба за самоусовершенствование мусульманина) и «малый» («джихад в форме меча», или газават – ведение военных действий). «Священная война» в «форме меча», или газават, может быть объявлена только тогда, если жизнь мусульман и их земли подверглись угрозе или нападению. Джихад в таком ракурсе рассмотрения – это священная война ради законной самозащиты. Джихад может быть объявлен только законным правителем, если и когда он считает это необходимым, для того, чтобы защитить жизнь мусульман, их потомков и их земли. В этом смысле священным долгом каждого здорового мужчины-мусульманина является участие в джихаде.

При этом даже если джихад объявлен, есть правила поведения и военных действий, которые не могут быть нарушены, независимо от того, как поступает враг. В частности, первый праведный халиф Абу Бакр в своем первом акте в качестве халифа изложил законы самого Пророка о джихаде (священной исламской войне для законной самозащиты) для мусульманской армии буквально в следующих словах: «Не предавай, не завидуй, не обманывай, не калечь, не убивай детей, не убивай пожилых, не убивай женщин. Не уничтожай и не сжигай ульи пчел, не руби деревья, приносящие плоды, не забивай овец, скот или верблюдов, кроме как для пропитания. Когда придешь к людям, проживающим в монастырях (то есть к христианским монахам), оставь их делать то, чему они посвятили свою жизнь. Иди вперед во имя Всевышнего»¹.

¹ Хайралла Тулфан. Абу Бакр. Т. 12. – С. 36. Цит. по: Мухаммад Хасан. Указ. соч. – С. 7.

Эти правила считаются авторитетными для суннитов-традиционалистов, они подкреплены высказываниями Пророка: «Нападайте во имя Аллаха, но не преступайте, не убивайте ни ребенка, ни женщину...»¹. Более того, верующие должны искать мирного решения и соглашения с конфликтующей стороной, предпочесть мир войне, и могут вступать в войну только лишь для обороны в случае агрессии с противоположной стороны, при отсутствии альтернативы военному решению конфликта. Это положение объясняется в Коране так: «Если же они остановят [войну], то и вы [остановите] ...ведь Аллах – Прощающий, Милосердный!» (Сура «Корова», 2:192)².

Однако такфириты-джихадисты не признают ни правила объявления джихада, ни нормы его ведения, основываясь на идеологических посылах своих агитаторов, нередко ссылающихся на труды салафитов далекого прошлого. Так, Сайид Кутб в своей нашумевшей книге «Вехи на пути», ссылаясь на труд самого известного ученика и последователя средневекового идеолога салафизма А. Ибн-Таймийи – имама Ибн аль-Кайима «Заадд аль-Маад» так резюмирует концепцию джихада в исламе: «Сражение было сначала запрещено, потом – дозволено, затем было повелено сражаться против тех, кто выступает против мусульман с оружием в руках, а потом уже было повелено сражаться против всех многобожников»³.

В этой же работе Кутб утверждает, что в течение мекканского периода своего проповедничества Мухаммед «увещевал людей исламским призывом, не прибегая ни к каким военным действиям и не налагая никакого налога. Аллах повелел ему быть воздержанным, проявлять терпение и прощать». После же переселения из Мекки в Медину «всевышний наказал ему вести военные дей-

¹ *Ал-Вакиди*. Книга ал-Магази. Т. 3. – С. 1117-1118. Цит. по: Мухаммад Хасан. Указ. соч. – С. 65.

² *Харун Яхья*. Ислам проклинает террор. – Астана, 2002. – С. 32.

³ *Кутб С.* Указ. соч. – С. 248.

ствия против того, кто выступает против него с мечом, и оставить в покое того, кто поддерживает Пророка ... и не ведет против него военных действий. ...Далее Он наказал Мухаммеду ... вести военные действия против всех многобожников, с тем чтобы вся религия принадлежала Аллаху»¹. Он же заявлял, что джихад «... нельзя назвать оборонительным движением в том узком смысле, в котором понимают сегодня термин «оборонительная война»... ...Если мы неизбежно должны назвать движение Джихада в Исламе оборонительным движением, то мы непременно должны изменить смысл слова «оборона» и понимать под ним «защита человека» от угрозы всех тех факторов, которые ограничивают его свободу и препятствуют его освобождению. Эти факторы олицетворяются в убеждениях и представлениях так же, как они воплощаются в политических системах, основывающихся на расистских, классовых и экономических препонах. Эти системы господствовали на всей земле к моменту прихода Ислама. Некоторые из форм этой системы продолжают господствовать и в наше время в условиях современного языческого невежества. ...Ислам, устремляясь к миру, не имеет в виду тот дешевый мир, суть которого сводится лишь к тому, чтобы обезопасить территорию, на которой проживает население, воспринявшее исламское вероучение. Ислам желает такого мира, под сенью которого вся религия полностью бы принадлежала Аллаху, то есть, чтобы люди, все люди под сенью этого мира поклонялись только Аллаху...»².

Свои интерпретации С. Кутб подкрепляет аятами, буквально вырванными из коранического текста, но призванными подтвердить правоту автора: «Пусть же сражаются на пути Аллаха те, которые покупают за ближайшую жизнь будущую! И если кто сражается на пути Аллаха и будет убит или победит, Мы дадим ему великую награду. И почему вы не сражаетесь на пути Аллаха за слабых из мужчин и женщин, и детей, которые говорят:

¹ Там же. – С. 235.

² Там же. – С. 245-246.

«Господи наш! Выведи нас из этого селения, жители которого тираны, и дай нам от Тебя покровителя и дай нам от Тебя помощника». «Те, которые уверовали, – сражаются на пути Аллаха, а те, которые не веруют, – сражаются на пути тагута. Сражайтесь же с друзьями сатаны; ведь козни сатаны слабы!» (Женщины, аяты 76-78); «Скажи тем, которые не веровали: «И сражайтесь с ними, пока не будет многобожия, и религия вся будет принадлежать Аллаху» (Добыча, аят 39); «Сражайтесь с теми, кто не верует в Аллаха и в последний день, не запрещает того, что запретил Аллах и Его посланник и не подчиняется религии истины – из тех, которым ниспослано Писание, пока они не дадут откупа своей рукой, будучи униженными» (Покаяние, аяты 29-32).

Аналогичные расхождения можно обнаружить в подходах традиционалистов и радикальных исламистов и по другим важным вопросам. В частности, по их отношению к политической власти и законным правителям, терроризму смертников и т.д. Одновременно радикальный салафизм существует не только как некая система идеологических представлений. Он требует от своих адептов активной жизненной позиции, включающей их личное участие в достижении поставленных целей, осуществления ими специфической политической практики.

Представители традиционного ислама в этой связи подчеркивают, что такфириты-джихадисты сами «себе предоставили право объявлять людей вероотступниками (шире – «врагами ислама»), отвергать традиционную политическую власть, поскольку они не только санкционировали самоубийство, но и подстрекают к нему, а также игнорируют все правила джихада, им очень легко совершать убийства и террористические акции»¹. При этом они нередко обращаются к Корану, а там, в частности, можно обнаружить такие аяты: «И когда закончатся запретные месяцы, то убивайте многобожников, где их найдете, захватывайте их, осаждайте и ведите против них разведывательные маневры...» («Покаяние», аят

¹ Мухаммад Хасан. Указ. соч. – С. 63.

5); «Вот внушил Господь твой ангелам: «Я – с вами, укрепите тех, которые уверовали! Я брошу в сердца тех, которые не веровали, страх: бейте же их по шеям, бейте их по всем пальцам» («Добыча», аят 12); «А когда вы встретите тех, которые не уверовали, то – удар мечом по шее, а когда произведете великое избиение их, то укрепляйте узы» (Сура «Мухаммад», аят 4) и др.

Таким образом, методика аргументации радикальных салафитов основана, как правило, на подтверждении ими тех или иных выдвигаемых положений, идей, а порой и просто домыслов, той или иной цитатой, буквально вырванной, выхваченной из Корана или Сунны. Нередко они подкрепляют свои идеи трудами салафитов прошлого. Безусловно, такой подход способствует радикализации ислама в определенные, переломные этапы истории, в русле этого процесса фиксируется развитие религиозно-политического экстремизма и даже терроризма, мотивированного идеологами радикального исламизма. В результате многочисленных террористических акций, осуществляемые такфиритами-джихадистами, зачастую безадресные, в отношении совершенно невинных людей, но интерпретируемые ими в качестве «священной войны за веру», создали качественно новую, нетерпимую для мирового сообщества, ситуацию.

2.2. Ключевые эндогенные факторы радикализации ислама в РФ (на примере республик Северного Кавказа)

Политизация и радикализация ислама в России исторически всегда была связана с масштабными геополитическими трансформациями. Особенно ярко этот процесс происходил на Кавказе и в Средней Азии. Подтверждением этому могут служить неоднократно фиксировавшиеся, например, на Северном Кавказе разнообразные формы этнорелигиозного экстремизма и терроризма: наездничество (набеговая система); похищения людей с целью продажи или получения выкупа, особенно в годы Кавказской войны (1817-1864), абречество, вооруженный сепаратизм и призывы к вооруженному джихаду (после завершения Кавказской войны), попытки воссоздания на части территории Северного Кавказа теократического государства – Имамата (после революций 1917 г. и в годы гражданской войны), политический бандитизм (20-30-е гг. XX в.), этнический коллаборационизм, создание и участие на стороне фашистской Германии горских воинских формирований¹. Аналогичные явления вновь фиксируются здесь с начала 90-х гг. XX в., вплоть до настоящего времени.

Эти события, безусловно, связаны с величайшей геополитической катастрофой – мгновенным по историческим меркам крушением Советского Союза, социалистической системы, биполярной системы международных отношений. С распадом СССР ушла в прошлое советская идеология, а новая так и не появилась. Более того, в российской Конституции заложен принцип идеологического плюрализма.

В современной России, до сих пор переживающей системный кризис, разъедаемый тотальной коррупцией, продолжается

¹ Новиков Д.В. Этнорелигиозный экстремизм на Северном Кавказе: методы противодействия (политико-правовой аспект): Автореф. дис. ...канд. полит. наук. – Ростов н/дону, 2002. – С. 16-19.

процесс имущественного расслоения, появления немыслимого в советское время слоя «рантье», идеологического размежевания, организационного оформления все новых политических движений, партий, различного рода политических союзов и организаций, исповедующих различные политические взгляды и ведущих борьбу за власть. Как следствие, фиксируется политическая поляризация населения и его сегментация по идеологическим, политическим и другим предпочтениям¹.

Начавшийся на постсоветском пространстве процесс религиозного, в том числе и исламского, возрождения сопровождался усилением влияния идей исламизма, их внедрением в местные мусульманские общины. Этому предшествовало банкротство ценностных ориентиров социализма во многих государствах «исламского мира». Неудивительно поэтому, что идеологический вакуум там, а затем и в некоторых постсоветских государствах, а также в мусульманских регионах России стал быстро заполняться исламом, зачастую радикальным.

Все это обусловило сложное и неоднозначное протекание в нашей стране процесса исламизации, начавшегося в конце 80-х на гребне горбачевской «перестройки» и набравшего силу в смутное постперестроечное время. Особенно масштабно на территории России процесс политизации и радикализации ислама происходил на Северном Кавказе, где уже в начале 90-х гг. XX в. активно стала распространяться идеология неоваххабизма. Рост экстремистских и террористических тенденций стал здесь в наибольшей степени ощущаться первоначально в ходе «самоопределения» «суверенной» Чечни, а затем в результате последовавших военных операций на территории этой республики².

¹ См. об этом, в частности: Белая книга российских спецслужб. – М., 1996. – С. 125.

² Добаев И.П., Немчина В.И. Новый терроризм в мире и на Юге России. – Ростов н/Дону, 2005. – С. 58.

Еще раз акцентируем внимание на том, что так называемый «ваххабизм» исторически возник в первой половине XVIII века как идеология, оправдывающая борьбу арабов против Османской империи, за свое национальное государство, в котором предусматривалось разделение полномочий между религиозной властью (ибн Абд аль-Ваххаб) и политической властью (ибн Сауд). Через столетие имам Шамиль и его наибы создали (середина XIX в.) прообраз «исламского» государства на Северном Кавказе, что явилось следствием проникновения на Кавказ ближневосточного исламизма, восходящего к политико-правовой доктрине средневекового сирийского факиха Ахмеда Таки ад-Дина ибн Таймийи. Два с половиной века спустя (конец XX в.) в его современной экстремистской версии «ваххабизм» основательно проник в Чечню вместе с арабскими «моджахедами», которые приняли участие в чеченском «джихаде» против российских «кафиров». Заполнив идеологический вакуум, возникший в Чечне после развала Советского Союза и провала националистического проекта ЧРИ (Чеченская республика Ичкерия), светской республики псевдозападного толка, арабский «ваххабизм» показался чеченским «моджахедам» логичной, последовательной, эффективной идеологией, способной ускорить процесс воссоздания на Кавказе исламского государства, некой реплики Имамата Чечни и Дагестана времен имама Шамиля, структурированной как мини-халифат или эмират, то есть – религиозное, авторитарное государство восточного типа¹.

Реализовать этот масштабный геополитический проект северокавказские исламисты и стоящие за ними внешние центры силы не смогли, он выродился в заурядное диверсионно-террористическое движение, действующее под исламистскими лозунгами. Тем не менее, к настоящему времени специалистами зафиксирован процесс «растекания» идеологии и практики радикального

¹ Нухаев Х.-А. Теория и практика ханифитского традиционализма в контексте российско-чеченского конфликта. – Баку, 2003. – С. 131, 137-138.

исламизма, в большей или меньшей степени, на территории всего Северного Кавказа. Более того, в последнее время аналогичные тенденции стали отмечаться в некоторых республиках Поволжья, более всего в Татарстане¹, а также появление «ваххабитских джамаатов» в других субъектах Российской Федерации.

Какие же внутренние факторы способствуют политизации и радикализации ислама в северокавказском регионе России? И какие из них следует считать ключевыми? Попытаемся ответить на эти вопросы. Если рассматривать исламизм как сложное и многомерное социально-политическое явление (исламизм – это соответствующая идеологическая доктрина и основанная на ней специфическая социально-политическая практика) на национальном уровне, то экспертное сообщество чаще всего выделяет четыре крупных блока внутренних факторов, подпитывающих исламистские тенденции². Среди них – политические, социально-экономические, этно-конфессиональные и демографо-миграционные. Еще несколько лет назад первые две группы факторов считались ключевыми, остальные – второстепенными. Однако за последние годы ситуация настолько изменилась, что, по нашему мнению, ключевыми следует считать все четыре группы вышеназванных конфликтогенных факторов. Рассмотрим их подробнее.

Политические факторы. Указанная группа факторов в привязке к Северному Кавказу включает в себя асимметричность федерализации субъектов РФ, разнообразные этнополитические конфликты, сложившуюся региональную политическую систему,

¹ См., например, об этом: Юхновская О. Радикалы и фанатики рвутся в Поволжье // Особый менталитет. – 2012. – № 5.

² См. подробнее об этом: Факторы конфликтогенности на Северном Кавказе / Южнороссийское обозрение. Выпуск № 26 / Отв. ред. Черноус В.В. – Ростов н/Дону, 2005; Факторы стабилизации ситуации на Северном Кавказе / Южнороссийское обозрение. Выпуск № 35 / Отв. ред. Черноус В.В. – Ростов н/Дону, 2006; Юг России в первом десятилетии XXI века: итоги, проблемы и перспективы. Части I-II / Южнороссийское обозрение. Выпуски №№ 63-64 / Отв. ред. Черноус В.В. – Ростов н/Дону, 2010 и др.

основанную на этноклановости и этноэтатизме, вопросы российской идентичности и др.

Разнокалиберность субъектов Российской Федерации определяется ее крайними полюсами – на одном губернии (области и края, возглавляемые губернаторами), на другом – национальные президентские республики (исключение составляет Чечня, где высшим должностным лицом является глава республики). Республики располагают парламентами, конституциями, в то время как в губерниях – законодательные собрания и уставы. Ситуация усугубляется тем, что вошедшие в состав Северо-Кавказского федерального округа шесть национальных республик (Дагестан, Чечня, Ингушетия, Северная Осетия-Алания, Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия) в большей или меньшей степени являются дотационными, практически полностью зависимыми в финансово-материальной сфере от федерального центра. По нашему мнению, завышенный политический статус этих субъектов и одновременно финансово-экономическая несамостоятельность, зависимость от Москвы, нередко вызывает соответствующую реакцию в краях и областях, а также усугубляют обстановку собственно в северокавказском макрорегионе.

Ситуация на Северном Кавказе определяется многочисленными «открытыми», «замороженными», латентными и др. конфликтами, среди которых выделяются конфликты этнополитические. По мнению специалистов-конфликтологов, «два основных региональных конфликта, определивших контуры этноконфликтного процесса на Северном Кавказе в постсоветский период, – чеченский кризис и осетино-ингушский конфликт – находятся не столько в стадии урегулирования и тем более разрешения, сколько претерпевают такие изменения, которые могут привести к новым всплескам конфликтности в регионе»¹.

¹ Региональные конфликты и проблемы безопасности Северного Кавказа / Отв. ред. акад. Г.Г. Матишов, В.А. Авксентьев. – Ростов н/Дону, 2008. – С. 9.

Если чеченский кризис более или менее притушен суровыми «кадыровскими методами», заключающимися в абсолютной поддержке традиционного для своего региона ислама, недопустимости каких-либо переговоров с «ваххабитами», подкрепленных мощным силовым воздействием на них и их пособников (включая родственников), то одновременно зафиксировано формирование новых очагов открытого этнополитического противостояния, наиболее острый из которых – в Дагестане. Кроме того, значимый потенциал межэтнического и межконфессионального напряжения имеется в Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, а в последние годы зафиксирован даже в Северной Осетии-Алании.

Более того, как считают авторитетные конфликтологи, на Северном Кавказе возник новый региональный феномен – блоковые конфликты¹. Согласно экспертным оценкам, это обусловлено тем, что «происходящие на Юге России локальные столкновения, такие как в мае-июне 2007 г. в Ставрополе, получают не только более широкое освещение в СМИ, но и провоцируют политическую активность вокруг них. Именно последнее обстоятельство позволило говорить о блоковом конфликте как конфликте, возникающем при формировании единого конфликтного процесса из разнородных, нередко не связанных между собой частных конфликтов. В таких конфликтах нет выраженной доминанты, позволяющей классифицировать их в привычных схемах, но прослеживается основная линия противостояния, вокруг которой блокируются (агрегируются) конфликты. Для Юга России такой линией блокирования яв-

¹ Авксентьев В.А., Грищенко Г.Д., Дмитриев А.В. Региональная конфликтология: концепты и российская практика. – М., 2008; Авксентьев В.А., Зинев С.Н., Майборода Э.Т. Этнический фактор в «блоковых конфликтах»: ставропольский феномен // Конфликтология. – 2008. – № 3. – С. 145-163.

ляется этнополитическая напряженность, свидетельствующая о наличии затяжного этнополитического кризиса»¹.

Как известно, сложившаяся в основных чертах в середине 1990-х годов система управления в северокавказских республиках имеет отчетливо выраженный клановый характер, что не могло не вызвать массу публикаций на эту тему. Действительно, проблема этноэтатизма и неотделимых от него этнократий на Северном Кавказе с рубежа 80 – 90-х гг. прошлого века привлекает пристальное внимание ученых, хотя и в меньшей степени, чем заслуживают эти социально-политические феномены². Вместе с тем, этноэтатизм, как идеология конструирования этнических государств и этнизации властных структур, в конце 80-х гг. XX в. фактически возобладал на всем постсоветском пространстве, и особенно на Северном Кавказе. В «условиях тотального и системного кризиса советской политической, экономической и социокультурной систем идеология этноэтатизма получила социальную базу на основе развернувшейся этнической мобилизации. После выжидательной паузы этноэтатизм был взят на вооружение не только оппозиционными этнонациональными движениями, но и прежней партийно-номенклатурной элитой бывших автохтонных, а теперь суверенных республик в составе

¹ Авксентьев В.А., Зинев С.Н. Блоковые конфликты: к проблеме методологии // Этнические проблемы современности. – Ставрополь, 2009. – Вып. 14. – С. 107-122; Авксентьев В.А., Зинев С.Н., Лавриненко Д.А., Лепилкина О.И., Майборода Э.Т. Этнополитические процессы на Юге России: от локальных к блоковым конфликтам. – Ростов н/Дону, 2011. Цит. по: Авксентьев В.А. Юг России в современной российской политике: взгляд конфликтологов // Юг России в зеркале конфликтологической экспертизы. – Ростов н/Дону, 2011. – С.8.

² См. об этом: Гаркуша Е.В. Этнократические региональные элиты // Элитологические исследования. Ежегодник-2005. – Ростов н/Дону, 2006; Лубский А.В. Национальный менталитет и легитимация этнократии (к методологии исследования) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 1998. – № 2; Тоценко Ж.Т. Этнократия. – М., 2003; Тхагапсоев Х.Г. Этноэтатизм как инобытие российского федерализма // Научная мысль Кавказа. – 2002. – № 2 и др.

Российской Федерации. Региональные партийно-номенклатурные элиты, получив поддержку федерального центра в ответ на внешнюю лояльность, трансформировались в этнократии, точнее этноклановые клики»¹.

К середине 90-х гг. XX в. они взяли под контроль ситуацию в северокавказских республиках, маргинализировав радикальные формы этноэтатизма и сепаратизма, остановили этническую мобилизацию, установив тем самым относительную функциональную стабильность. Ситуация начала меняться в 2000 г., когда в России были организованы федеральные округа, в их числе Южный федеральный округ, куда вошли все семь северокавказских республик, а также Нижнее Поволжье (Республика Калмыкия, Астраханская и Волгоградская области), а также Краснодарский и Ставропольский края и Ростовская область. В результате было восстановлено единое правовое пространство России, ограничена атрибутика суверенности. Однако этничность осталась значимым фактором региональных политических процессов, в то время как этнократии оказались в экономическом плане неэффективными, а созданные ими политические системы коррумпированными.

Как полагают некоторые эксперты, этнократическую «систему нельзя одномоментно сломать... этнократии и этнокланы можно трансформировать постепенно, регулируя процесс как тактически, так и стратегически... механизмы воспроизводства этноэлит должны быть наполнены модернизационным содержанием... решить проблему невозможно без изменений социально-экономической реальности, выработки идеологической определенности и формирования новой политической культуры»².

¹ Черноус В.В. Этноэтатизм и этнократии: на пути к региональной идеологии и региональным элитам Юга России // Этноэтатизм и этнократии на Юге России / Южнороссийское обозрение. Выпуск № 37. – Ростов н/Дону, 2006. – С. 5.

² Там же. – С. 7.

Как следствие, на местах не работают социальные лифты, большинство населения, особенно из числа молодежи, не имеет значимых жизненных перспектив, что позволяет радикальным исламистам достаточно успешно распространять в этой среде чуждые российской государственности идеи, замешанные на религиозной почве.

Положение осложняется тем, что в ходе проводимой муниципальной реформы обострился аграрный вопрос – старая проблема Северного Кавказа. Земля в этническом сознании рассматривается как этническая собственность, и любая хозяйственная деятельность на ней иноэтничных субъектов (например, кабардинцев на балкарских землях, даргинцев и аварцев на кумыкской равнине и т.д.) воспринимается как экспансия. Поэтому модернизационные проекты на муниципальном уровне и далее будут содержать в себе немалый конфликтный потенциал, требовать серьезного коммуникативного обеспечения¹.

Что касается проблемы российской идентичности на Северном Кавказе, то она, безусловно, выступает важнейшим условием целостности государства². Показательны в этом отношении те трансформации, которые произошли в последние годы в определении указанного региона. Начиная с создания в 2000 г. в России системы федеральных округов, в том числе Южного федерального округа, постепенно, но неуклонно в северокавказском регионе складывается южнороссийская идентичность. Понятие «Северный Кавказ» стало вытесняться в политическом лексиконе новым понятием «Юг России», однако после трагических событий в Беслане в сентябре 2004 г. оно вновь вернулось в политический актив. Такие изменения, по мнению ведущего южнороссийского этноконфликтолога В.А. Авксентьева, «не являются чисто терми-

¹ См. об этом: *Адиев А.З.* Земельный вопрос и этнополитические конфликты в Дагестане. – Ростов н/Дону, 2011.

² См.: *Жаде З., Куква Е., Ляушева С., Шадже А.* Российская идентичность на Северном Кавказе. – Москва – Майкоп, 2010.

нологическими, они свидетельствуют о новой расстановке акцентов власти в регионе и о выделении доминирующего фактора в региональном конфликтном процессе, который не распространяется на весь Юг России»¹. Вместе с тем, «активное внедрение в общественное сознание с 2000 г. новой категории «Юг России» не просто сопровождало учреждение федеральных округов, но и свидетельствовало о том, что системный региональный кризис, связанный с этнополитическими конфликтами на Северном Кавказе и во многом определявший его политическую конфигурацию, уже не рассматривался властью к началу этого периода как основная проблема региона. Включение в состав Юга России субъектов Федерации, вовлеченных в северокавказские региональные кризисные процессы 1990-х гг., говорило о новой расстановке приоритетов в региональной политике в России, связанных с развитием экономики, социальной сферы, культуры»².

По мнению некоторых экспертов, создание Северо-Кавказского федерального округа (СКФО) объективно создает вызов российской идентичности в макрорегионе. Само название округа на символическом уровне как бы отрывает от Юга России особую конфликтогенную и ненадежную периферию, а потому «с созданием СКФО будет формироваться окружная идентичность, но по своим характеристикам она будет колебаться между кавказской и российской в пользу первой, так как СКФО – не только самый маленький по территории и населению, но единственный в России, где русские не имеют абсолютного большинства»³.

¹ *Авксентьев В.А.* Регион как объект конфликтологического анализа // Региональные конфликты и проблемы безопасности Северного Кавказа. – Ростов н/Дону, 2008. – С. 8-9.

² *Авксентьев В.А.* Северный Кавказ: реполитизация этничности и конфликтологические сценарии развития // *Обозреватель*. – 2006. – № 7. – С. 19-20.

³ *Черноус В.В.* Административно-территориальный фактор трансформации региональной идентичности на Юге России // Южно-Российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. – 2010. – № 1. – С. 83-84.

Социально-экономические факторы. В советский период времени модернизационные процессы на Северном Кавказе, особенно в области индустриализации, завершены не были, что объясняется региональной спецификой (архаичные хозяйственные уклады, социальные институты и структуры и т.д.). Введение в регионе в 90-х гг. рыночных правил игры, открытие его хозяйства для глобальных рынков сырья, продукции, рабочей силы фактически разрушили многие достижения советской эпохи. Последствия произошедшего оказались катастрофическими. Достаточно сказать, что при общероссийском сокращении промышленного производства во второй половине 90-х гг. XX в. до 48-49% (от уровня 1990 г.), данный показатель в большинстве северокавказских республик оказался только на отметке 17-24%¹. В этой связи специалисты говорят о «системной деиндустриализации» большинства северокавказских республик. При этом обращается внимание, что на динамику республиканских экономик сильнейшее воздействие оказал «этнополитический кризис во всех его проявлениях, от нарастающего этнорадикализма до тотальной внутренней «сепаратизации» региона», в то время как «общественно-политический кризис региона, в свою очередь, усиливали стремительно «падающие» экономика и социальная сфера». Отмечается также, что самое существенное влияние на масштабы деиндустриализации Северного Кавказа оказал процесс их комплексной этнизации. Сменившая советский директорский корпус, состоявший преимущественно из опытных хозяйственников – преимущественно из числа русских, «титовская» генерация хозяйственников, в своей массе «не имела ни профильного образования, ни опыта управления промышленными предприятиями, ни желания (умения) вернуть взятые под контроль производства к жизни в новых экономических условиях»².

¹ Суцгий С.Я. Северный Кавказ: реалии, проблемы, перспективы первой трети XXI века. – М., 2013. – С. 127.

² Там же. – С. 128.

В том числе и по этой причине, резко упал уровень образования, здравоохранения, культуры, других социальных сфер жизнедеятельности населения. Ситуация усугубляется усиленной криминализацией республик вследствие их тотальной дотационности и поступления крупных средств из федерального центра. По мнению некоторых экспертов, «убийство крупных чиновников, представляющих влиятельные кланы и связанные с ними криминальные группировки, – это кровавый распил бюджетных денег»¹, нередко списываемый правоохранителями на террористические акции радикальных исламистов. Однако специалисты подчеркивают, что «...корень терроризма в Дагестане (как практически и в других северокавказских республиках) – борьба этнокриминальных группировок за возможности воровать бюджетные деньги. Республика производит впечатление разоренной, хотя там полно миллионеров. Поступает информация, что «лесные братья» зачастую играют роль неформальных силовых структур, связанных с этногруппировками, и они выполняют заказные операции. Без покровительства бандподполье не могло бы существовать. Парадокс Кавказа в том, что там невозможно жить нормально, не являясь частью клана. И пока жива такая система, уничтожение боевиков ничего не дает»².

Таким образом, расширению базы радикального ислама в этом регионе способствуют социально-экономические неурядицы – безработица, бедность значительной части населения, ощутимый разрыв в уровне жизни между различными социальными группами. Все это усугубляется межэтническими противоречиями при решении вопросов о разделе сфер экономического влияния, доступе к ресурсам, финансовым потокам.

По всей видимости, в целях улучшения ситуации на Северном Кавказе, в том числе и в социально-экономической сфере, в январе 2010 г. произошло выделение из состава ЮФО (Южный

¹ Российская газета. – 2010. – 3 сент.

² Известия. – 2010. – 27 сент.

федеральный округ) Северо-Кавказского федерального округа во главе с полномочным представителем Президента РФ в ранге заместителя премьер-министра России – А.Г. Хлопонина. Уже в сентябре 2010 г. правительство РФ утвердило «Стратегию социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа на период до 2025 года», призванную коренным образом изменить векторы происходящего в регионе. Однако, по мнению ряда экспертов-экономистов, разработка указанной стратегии, выполненная «под копирку» других аналогичных «стратегий», в принципе, «не создаст необходимых организационных импульсов и условий для концентрации федеральных, инорегиональных и местных ресурсов на решение ключевой задачи – задачи модернизации хозяйственных укладов и социальной организации повседневной жизни северокавказского социума, которая непосредственно связана со снижением его конфликтогенности и противодействием терроризму, и будет обрекать регион на «замораживание» застарелых проблем и противоречий»¹.

Действительно, хотя в СКФО были созданы масштабные институты развития – «Корпорация развития Северного Кавказа» и компания «Курорты Северного Кавказа», тем не менее, кардинально улучшить социально-экономическое положение на территории округа не удастся. Так, «по итогам 2011 г. суммарный валовый продукт шести северокавказских республик составлял всего 1,3 процента от ВВП России, совокупный объем промышленной продукции – менее 0,4 процента общероссийского..., в то время как «...там проживает 4,7 процента населения Российской Федерации и фиксируется наиболее высокая рождаемость»². В 2012 г. «...уровень дотаций из Центра в среднем по шести республикам

¹ См., например, об этом: *Колесников Ю.С.* Какая «Стратегия» нужна Северному Кавказу (взгляд из провинции) // Южно-Российский Форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. – 2010. – № 1. – С.19.

² *Черковец О.* Деньги решают не все // Парламентская Газета. – 2013. – 15-21 февр. – С. 16.

составлял 75 процентов их бюджетов (для Ингушетии, например, этот показатель равнялся 89 процентам). Уровень безработицы практически вчетверо превышал среднероссийский, официально достигая почти 20 процентов»¹. Социально-экономическая ситуация усугубляется традиционной для Северного Кавказа клановостью и масштабной коррупцией. Понятно, что все это создает питательную среду для криминала и экстремистских группировок.

Демографо-миграционные факторы. В постсоветскую эпоху Россия вступила в период устойчивой и продолжительной депопуляции, что было в значительной степени связано с изменением основных характеристик воспроизводства населения. Такая трансформация проявляется в снижении рождаемости, распространении одно- и двухдетной семьи, росте заболеваемости и смертности в трудоспособном возрасте, сокращении ожидаемой продолжительности жизни, изменении миграционной подвижности населения, кризисе современной семьи и т.д.²

Однако Северный Кавказ в меньшей степени, нежели другие регионы России, ощутил процесс депопуляции, хотя в этот период существенно упала рождаемость и у местных народов. По оценкам специалистов, «к 2000 г. началась естественная убыль населения в Адыгее, Карачаево-Черкесии и Северной Осетии-Алании. К нулевой отметке (простое воспроизводство) спустились демографические показатели Кабардино-Балкарии. Повышенный коэффициент естественного воспроизводства сохранялся только на востоке региона. Но и здесь он существенно уступал уровню 70-80-х гг. XX века. Только Чеченская республика (представленная уже почти исключительно титульным этно-

¹ Там же.

² Белозеров В.С. Демографическая и миграционная безопасность России на Северном Кавказе // Региональные конфликты и проблемы безопасности Северного Кавказа. – Ростов н/Дону, 2008. – С. 99, 104.

сом) удержала свою позицию – показатели естественного движения населения остались практически на уровне 1990 года»¹.

Депопуляция населения была знаковой чертой российской действительности в 90-х гг. XX в., однако уже в новом тысячелетии принятые руководством страны действенные меры привели к позитивному результату – росту рождаемости, сокращению смертности, некоторому повышению средней продолжительности жизни. Они подстегнули репродуктивную активность, прежде всего, у населения северокавказских республик, «традиционно рассматривающих демографическую динамику в качестве одного из центральных приоритетов своего развития. За период 2006-2011 гг. ежегодные показатели рождаемости выросли у них на 3-7 промилле (более всего у ингушей – 7,5 промилле прироста)»². Однако относительно благоприятная демографическая ситуация в северокавказских республиках, по сравнению с другими субъектами России, не приводит к существенному росту численности населения, вследствие усилившихся в постсоветский период миграционных потоков. Более того, расширенная демография и массовая стихийная миграция – из горных районов в равнинные, из сельской местности – в города и пригороды, а из республик – в другие субъекты Российской Федерации, на фоне обвального оттока с северокавказских территорий русского населения, ведет к усилению позиций радикальных исламистов в среде мигрантов.

Как подчеркивают специалисты, миграционным процессам способствует аграрно-полунатуральный тип хозяйства в качестве господствующего, скрепленный традиционными семейно-родовыми, кланово-корпоративными, этноориентированными отношениями, который воспроизвел и характерный для него тип занятости – аграрное перенаселение, характерное для эпохи ран-

¹ Суцгий С.Я. Северный Кавказ: реалии, проблемы, перспективы первой трети XXI века. – М., 2013. – С. 16.

² Там же. – С. 17.

него капитализма, эпохи первоначального накопления капитала, первого этапа индустриализации с сопутствующей ему застойной безработицей, отходничеством, низким уровнем жизни, замкнутостью хозяйств, неразвитостью коммуникаций. «Не признав это, – пишет авторитетный южнороссийский экономист Ю.С. Колесников, – невозможно объяснить общую трудоизбыточность населения региона, 40% безработных в Дагестане, 30% занятых сезонным «отходничеством» в Карачаево-Черкесии, общий низкий уровень производительности труда и доминирование ручного труда в экономике, «несовременную» структуру экономики в целом, концентрацию 50% имеющихся ресурсов в «теневой» экономике, доминирование неформальных институтов в распределении ресурсов и управлении экономикой»¹. Этот же ученый отмечает, что «вследствие аграрного перенаселения из республик вымывается» наиболее образованная и квалифицированная часть населения (отрицательное сальдо миграции характерно для Дагестана, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии), лишая регион главного ресурса модернизации – молодых инноваторов»². Развитие рекреационного комплекса, туризма, этноэкономики и энергетики, нашедшее отражение в «Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа на период до 2025 года», не способно радикально изменить проблему занятости в северокавказских республиках. Тем более оно не решает одну из важнейших проблем региона – восстановление полнокровной полиэтничности республик, в частности реэмиграцию русского населения, без чего переход к инновационному развитию является проблематичным.

Как известно, в постсоветский период в связи с тотальной демодернизацией, военными и террористическими действиями, самыми разнообразными конфликтами, в том числе и бытовыми, фиксируется массовый исход из региона значительной части

¹ Колесников Ю.С. Указ. соч. – С. 24.

² Там же.

русского населения¹. В целом, согласно экспертным оценкам, изучение «динамики численности русских на Северном Кавказе в последние 40-50 лет приводит к выводу, что почти двухвековой процесс этнокультурной интеграции данного региона в состав России через укоренение в нем русского (и шире – русскоязычного) населения, в целом потерпел неудачу»². Тенденция сокращения численности русского населения в регионе в позднесоветский период была уже достаточно устойчивой, однако после крушения советского государства она увеличилась в разы. Практически полностью русских лишились Чечня и Ингушетия, превратившиеся практически в моноэтнические субъекты. Однако и в других республиках численность русских существенно снизилась.

Несмотря на определенные усилия федеральных и местных властей по возвращению русского населения на Северный Кавказ, в обозримой перспективе представляется маловероятным повторить опыт советской модернизации, в ходе которой в этот регион на строящиеся и введенные в строй промышленные объекты приезжали специалисты, рабочие из других регионов России, преимущественно русские. Эксперты полагают, что «федеральный центр не в состоянии предпринять целенаправленных и масштабных (т.е. эффективных) усилий по решению «русского вопроса», и шире – системной модернизации Северного Кавказа. А значит, процесс оттока русских из регионов будет и дальше идти в режиме саморегуляции (итоги ее известны – около 90 тыс. мигрантов за 2003-2010 годы)»³. Без комплексной целенаправленной программы по решению «русского вопроса» на Северном Кавказе сценарий продолжения полного исхода

¹ См., например, об этом: Русские на Северном Кавказе: вызовы XXI века. Издание 2-е дополненное / Южнороссийское обозрение. Выпуск № 10 / Отв. ред. Черноус В.В. – Ростов н/Дону, 2002.

² Суцый С.Я. Указ. соч. – С. 32.

³ Там же. – С. 53.

русских из региона к середине XXI века представляется практически неизбежным.

Этноконфессиональные факторы. При всем различии северокавказских республик их социально-политическая система базируется на традиционности местных обществ. В качестве же важнейшего элемента функционирования регионального традиционного общества лежит коллективная солидарность людей, основанная на системе социальных институтов общественного регулирования (семья, род, община, традиции, мораль, обычное право, общественное мнение), и социальных практиках, включающих, в том числе, и кровную месть. Северокавказские общности представляют собой фратриальные объединения (у дагестанцев – джамааты, у чеченцев – тукхумы и тейпы, у карачаевцев и балкарцев – «большие фамилии», у адыгов – «братства»), все они восходят к адатной культуре, и до сих пор оказывают определенное влияние на региональные политические процессы. В частности, В.А. Авксентьев справедливо отмечает, что «такие структуры, как советы родов (тейпов, тукхумов и т.д.), старейшин, религиозные братства (тарикаты) действуют на основании норм права эпохи «военной демократии», то есть более чем тысячелетней давности. Можно уверенно говорить, что нарушения прав человека в регионе, совершаемые традиционными социальными институтами, сопоставимы по своим масштабам с нарушениями, ответственность за которые ложится на государство. Подобная система права исходит из неполноправности всех «чужаков», то есть представителей других народов...»¹.

Хотя исторически и фиксируется постепенное разложение традиционных северокавказских общественных институтов, но этот процесс происходит неравномерно в разных республиках

¹ Авксентьев В.А. Затяжной этнополитический кризис на Юге России как системная угроза региональной безопасности // Региональные конфликты и проблемы безопасности Северного Кавказа. – Ростов н/Дону, 2008. – С. 63.

и, безусловно, до конца не завершен¹. Как следствие, этнический фактор занимает на Северном Кавказе важное место. В переломные моменты истории он нередко политизируется, как это случилось в конце 80-х – первой половине 90-х гг. XX в. Одной из значимых тенденций в начале нового тысячелетия на Северном Кавказе является то, что произошла определенная деполитизация этничности. Тем не менее, политизированный этнический фактор все еще используется некоторыми субъектами мировой и региональной политики в своих интересах.

Например, в преддверии Зимних Олимпийских игр 2014 г. в Сочи усилиями, прежде всего, американских, грузинских «бойцов идеологического фронта», а также адыгских националистов, в том числе из диаспор, резко актуализировался т.н. «черкесский вопрос», основной политической целью которого является компрометация и срыв Олимпиады в Сочи². Эксперты отмечают, что «черкесский вопрос» – это условное обозначение для обширного круга проблем, актуальных для адыгских (адыгейских, кабардинских и черкесских) этнических активистов, более или менее широких слоев этнических сообществ³. В свою очередь, О.М. Цветков определяет основное содержание этого «вопроса»:

– требования к РФ официально признать геноцид адыгов, который, с точки зрения части адыгов, был осуществлен Росси-

¹ См., например, об этом: *Мамакаев М.А.* Чеченский тайп в период его разложения. – Грозный, 1973.

² См. об этом: Зимние Олимпийские игры 2014 в Сочи в фокусе информационных атак / Южнороссийское обозрение. Выпуск № 69. – Ростов н/Дону, 2011; Олимпийские игры и информационные войны / Отв. ред. Э.А. Попов. – Ростов н/Дону, 2012; Западный Кавказ между прошлым и будущим: Мат. международного научного семинара (28-29 ноября 2012 г., Сухум, Абхазия). – Сухум – Москва, 2013 и др.

³ *Суцций С.Я.* Черкесский вопрос – основные проблемные зоны и их конфликтный потенциал // Зимние Олимпийские игры 2014 в Сочи в фокусе информационных атак / Южнороссийское обозрение. Выпуск №69. – Ростов н/Дону, 2011. – С. 60.

ей в годы Кавказской войны (1817-1864 гг.). Инициативы этнических активистов по признанию геноцида зарубежными странами и организациями;

- требования о переселении в РФ зарубежных адыгов (потомков покинувших пределы своей исторической родины вследствие Кавказской войны), облегчения для них процедуры получения вида на жительство в РФ и вступления в российское гражданство, создания благоприятных условий для адаптации переселившихся в РФ;

- требования части черкесов (КЧР) по проведению «справедливой кадровой политики», обуздании «карачаевской этнократии», образованию Черкесской автономной области и ее выделение из состава КЧР;

- вопрос об образовании укрупненного «адыгского» субъекта РФ, который бы объединил Адыгею, КЧР, КБР и, возможно, части территорий Краснодарского и Ставропольского краев;

- требования части кабардинцев (КБР) по сохранению контроля над «кабардинскими землями», недопущению их передачи в состав муниципальных поселений с преимущественно балкарским населением¹.

Вместе с тем, деполитизация этничности, в целом, сохраняет свой вектор развития в политических процессах на Северном Кавказе. Однако он, как отмечают исследователи, сопровождается политизацией конфессионального фактора². Одновременно фиксируются усилия некоторых акторов региональной политики по формированию этнорелигиозного сплава, синтеза радикальной этничности и исламизма. На этом фоне фиксируется процесс социальной отчужденности и политической пассивности «офи-

¹ Цветков О.М. «Черкесский вопрос»: этноидеологические вызовы гражданскому единству // Зимние Олимпийские игры 2014 в Сочи в фокусе информационных атак / Южнороссийское обозрение. Выпуск №69. – Ростов н/Дону, 2011. – С. 72-73.

² Региональные конфликты и проблемы безопасности Северного Кавказа / Отв. ред. акад. Г.Г. Матишов, В.А. Авксентьев. – Ростов н/Дону, 2008. – С. 5.

циального ислама», с его теоретической слабостью, дефицитом образованных знатоков ислама и мусульманских традиций, что дополнительно повышает шансы исламистов в идейной схватке за мусульманское население, прежде всего за молодежь¹.

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что процессу политизации этнических и внутриконфессиональных процессов, как это нередко бывает, способствует позиция некоторых региональных ученых и публицистов. Так, начиная с конца 80-х гг. XX в., на Северном Кавказе фиксируется вал публикаций псевдонаучных «исследований», выдвигающих идеи «возрожденчества», обретения «корней», возрождения к истокам. Их инициаторами выступали и продолжают выступать идеологи и практики различных этнонациональных и исламистских движений, что особенно характерно для республик Северного Кавказа. Этнонационализм для региона был особенно актуален в период активизации процесса этнополитической мобилизации, пришедшийся на конец 80-х – середину 90-х гг. (Конфедерация народов Кавказа, Международная черкесская ассоциация, Общенациональный конгресс чеченского народа и т.д.), а исламизм – с середины 90-х гг., вплоть до наших дней. Творцы «исламского возрождения» делают упор на исключительность мусульман, единой мусульманской уммы, необходимость воссоздания «исламского государства» (халифата), основанного на шариате. Этнонационалисты, противопоставляя свои этносы другим, говорят об исключительности своих народов, предками которых, якобы, были создавшие древние цивилизации шумеры, хеты, этруски и т.д. Кроме того, они явочным порядком вводили права этнической собственности на «свою территорию». В результате мы стали свидетелями вовсе не мифического, но реального возрождения абречества на Северном Кавказе, а также непотистских (родственно-кумовских) связей и отношений, различного рода ограничений для «не своего» по крови бизнеса, требований депортации со «своей земли» чужаков, некоренных.

¹ Российская газета. – 2012. – 4 апр.

В конце 80-х – начале 90-х гг. националистические идеи усилиями, прежде всего, «коренных» ученых национальных республик Северного Кавказа были закреплены в материалах научных конференций, семинаров, круглых столов по различным региональным проблемам. Именно тогда зародились различные северокавказские мифы, сформировались антироссийские, антинативные термины «русско-кавказская война», «геноцид северокавказских народов» и т.п. Одновременно эти темы были актуализированы средствами массовой информации.

К середине 90-х гг. научная общественность России, ее южнороссийского региона, сумела, в основном (но далеко не полностью), восстановить утраченный престиж в области кавказоведения. Прогосударственные позиции российских исследователей сегодня практически стали нормой, соответственно, позиции националистов и русофобов в науке оказались подорванными.

Начиная с 2000 г. в связи с образованием Южного федерального округа, регулирования деятельности СМИ, количество материалов, разжигающих межэтническую и межконфессиональную рознь, по крайней мере, в русскоязычных СМИ стало сокращаться (проблемой остаются СМИ на национальных языках, которые практически не контролируются органами власти).

Тем не менее, в этот же период националистические идеи из научных изданий и СМИ плавно перекочевали в школьные учебники по истории практически всех республик. Так, например, в изданных в конце 90-х гг. в Республике Адыгея учебниках истории для 5-9 классов просматривается яркий «адыгоцентризм», нежелание считаться с традиционной полиэтничностью истории региона. Название серии учебников, по нашему мнению, маскирует очевидную подмену «истории Адыгеи» историей адыгейцев.

Заслуживает также внимание издательская деятельность и еще недавнее наличие в розничной торговле книг и брошюр, по сути, подрывного содержания. Зачастую, как это случилось с мусульманской литературой, появление на полках магазинов, в

мечетях и исламских учебных заведениях изданий, содержащих в себе экстремистские идеи, связано с дефицитом собственной богословской и правоведческой литературой. Этот недостаток до сих пор компенсируется произведениями зарубежных авторов, идеологов радикального ислама, в том числе экстремистскими (аль-Ваххаб, аль-Маудуди, С.Кутб, аль-Умар, аль-Фаузан, Башамил, аль-Шакк и многие другие идеологи радикального ислама). Необходимо подчеркнуть, что подрывная исламистская литература попадает в страну не только из-за рубежа, но значительная ее часть до недавнего времени публиковалась непосредственно на территории России (например, издательство «Бадр» тиражировало издаваемую литературу, в основном, в Москве и Московской области). Особого внимания заслуживает киберпространство, деятельность различных телекоммуникационных сетей типа Интернет, где нетрудно обнаружить аналогичную литературу.

Таким образом, рассмотренные выше группы факторов действительно в той или иной мере способствуют дестабилизации ситуации в регионе, в том числе политизации и радикализации здесь ислама и современного исламского движения. Вместе с тем, «порознь они выделяются в аналитических целях, тогда как в реальной действительности имеет место своеобразный синтез всех четырех вышеотмеченных видов, в которых каждый фактор усиливает действие других»¹. Аналогичную точку зрения высказал авторитетный на Юге России экономист Ю.С. Колесников, отметивший, что региональная нестабильность «обусловлена наличием бесконечного множества («спящих» до поры – до времени) разнообразных факторов, ни один из которых не может быть признан универсальным (или доминирующим), пока они находятся в латентном состоянии, но комбинация которых, как всегда, создает «критическую массу» для выхода конфликтогенного их потенциала на поверхность социальных процессов в сферу соци-

¹ Добаев И.П. Исламский радикализм. – Ростов н/Дону, 2003. – С. 353.

альных практик»¹. Отсюда следует, что социально-политическую напряженность в регионе невозможно снизить лишь набором мер антиисламистской направленности. Стабилизировать ситуацию можно лишь системой долгосрочных многопрофильных мер, нейтрализацией всех групп «ключевых» факторов.

¹ Колесников Ю.С. Какая «стратегия» нужна Северному Кавказу (взгляд из провинции) // Южно-Российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. – 2010. – №1. – С. 21.

Глава III. Терроризм под прикрытием ислама на Северном Кавказе: влияние экзогенного фактора

Отличием современного терроризма от терроризма прошлых эпох является, наряду с изложенным в первой главе материалом, и то, что традиционный терроризм не угрожал обществу как таковому, не затрагивал основ его жизнедеятельности. Современный же высокотехнологичный терроризм способен продуцировать системный кризис в любом государстве с высокоразвитой информационной инфраструктурой.

Как следствие, в последнее десятилетие фиксируется усиление внимания ученых к этому социально-политическому явлению. Исследователей современного терроризма и связанных с ним проблем, прежде всего, интересует динамика изменений, обусловленных формированием идеологических доктрин радикальных исламистов, их организационных структур, форм и методов осуществления ими специфической политической практики, а также вопросы финансовой подпитки терроризма. В этой связи проведем анализ указанных четырех сфер, поддерживающих современный терроризм в мире, в том числе на Северном Кавказе.

3.1. Идеологическое обоснование терроризма в мире и на Северном Кавказе

Важнейшей составляющей современного терроризма выступают идеологические доктрины радикальных исламистов, в соответствии с которыми выстраивается специфическая практика, включающая в себя и террористические акции смертников¹. Терроретически обосновано, что исламизм состоит, как минимум, из

¹ См. об этом подробнее: *Чудинов С.И.* Терроризм смертников. – М.: Изд-во «Наука», 2010. – 312 с.

двух звеньев – умеренного и экстремистского¹. Оба крыла в качестве конечной цели определили построение т.н. «исламского государства», функционирующего на шариате. Однако между ними имеются и существенные отличия: умеренные идут к намеченной цели эволюционным, преимущественно мирным путем, делая ставку на осуществление т.н. «исламского призыва» (*даават*, в данном случае – информационно-пропагандистская работа среди населения), а их экстремистски настроенные единомышленники в своем псевдореволюционном порыве готовы к силовому захвату власти, для чего не исключают всех форм вооруженного насилия, включая применение террористических атак.

К экстремистскому крылу исламских радикалов относятся организации, группы, отдельные лидеры, которые в качестве основного метода достижения своих целей используют вооруженную борьбу, в том числе и террористическую деятельность. Ведение пропаганды для них является вспомогательным средством, в основном, для привлечения в свои ряды новых сторонников. Наиболее известными теоретиками этого крыла исламистов выступают Сайид Кутб, Абд ас-Салям Фарадж, Аббуд аз-Зумр, Тарик аз-Зумр, Айман аз-Завахири и др. Эти и другие теоретики радикального исламизма в своих работах опираются на труды авторитетных улемов мусульманского прошлого, среди них Ибн Ханбала, Ибн Таймийя, Ибн Кассир, Аль-Куртуби, ан-Навави, М. Ибн Абд аль-Ваххаб и др.

Ибн Ханбал и его последователи – Ибн Таймийя, Ибн Кассир, Аль-Куртуби, ан-Навави и др. – выступали за возвращение ислама к «золотому веку» – времени жизни и деятельности пророка Мухаммеда и четырех праведных (выборных) халифов (610-661 гг.), что совпадает с периодом жизни первых трех поколений мусульман. В тот период («золотой век») ислам был единым, не испытывав последовавших позже расколов на направления,

¹ См.: *Добаев И.П.* Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. – Ростов н/Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003. – 416 с.

толки, идейные течения, появления суфийских братств и т.д. В этой связи Ибн Ханбал, его единомышленники и последователи квалифицировали все изменения в исламе, произошедшие после завершения «золотого века», в качестве беда' (греховных нововведений), и требовали очищения ислама от них. Иными словами, их идеалом был «чистый» ислам, поэтому они наставляли на необходимости возвращения именно к этому фундаментальному идеалу мусульманства. В этой связи, правда, значительно позже, западные оппоненты стали именовать их «фундаменталистами». Сами же они мыслили себя в качестве «салафитов». Этот термин произошел от арабского словосочетания «ас-салаф ас-салихун» («праведные предки»), что по временным характеристикам совпадает с жизнью и деятельностью первых трех поколений мусульман, или жизнью и деятельностью пророка и «рашидун» (праведные халифы), или с «золотым веком» ислама. Сегодня термин «салафиты», равно как и «салафизм», прочно вошли в научный оборот не только на мусульманском Востоке, но и на Западе, а также и в России.

Следует отметить, что, появившись в VII веке, после нескольких столетий значительных успехов исламский мир замедлил движение и вступил в период продолжительного политического и культурного упадка, фиксируемого по настоящее время. Салафитская концепция основана на следующей оценке такого положения: ислам пришел к упадку, отклонившись от праведного пути. Сила же прежней и праведной уммы происходила от ее веры и соблюдения обрядов, ибо так было угодно Богу. Чтобы вернуть славу и величие «золотого века» следует возвратиться к истинной вере и традициям предшественников, особенно пророка Мухаммеда и его соратников. В этой связи салафиты отрицают традиции и практику современного мусульманского мира, которые привели исламскую умму к упадку.

Мощное воздействие на радикализацию современного исламского движения в различных уголках мусульманского мира ока-

зало создание в XX веке в духе салафитского обновленчества исламистских политических партий. Хасан аль-Банна (1906-1949 гг.) в 1928 г. основал в Египте организацию «Аль-ихван аль-муслимун» («Братья мусульмане»), а Маулана Абу аль-Аля Маудуди (1903-1979 гг.) в 1941 г. в Индии – «Джамаат-и ислами» («Исламское общество»). Оба имели сходные убеждения, особенно в отношении объединения ислама как всеобъемлющего учения в жизни мусульманской уммы. Они отстаивали необходимость создания подлинно исламского государства посредством введения шариата, который они рассматривали не только в качестве закона, основанного на Коране, но и как образ жизни салафитов.

Деколонизация в середине XX в. дала надежду салафитам на создание истинно исламских государств. Однако новые мусульманские лидеры избрали путь имитационных реформ. Их идеи о секуляризме, общественном суверенитете, национализме, правах женщин и конституционализме привели к прямому конфликту с салафитами, поднявшими вопрос об их легитимности как мусульманских лидеров, что создало взрывоопасную ситуацию. Ответом многих режимов стала непоследовательная политика, которая колебалась от компромиссов до репрессий¹.

В такой ситуации не могла не появиться новая плеяда теоретиков салафизма, занявшаяся разработкой современных идеологических доктрин радикальных исламистов. Среди них особенно выделяются египтяне – С.Кутб, М.Шукри, М.Фарадж, А. аз-Завахири и др. При этом, как верно отметил авторитетный отечественный исламовед А.А. Игнатенко, в идеологических доктринах исламистов основообразующими категориями выступают два особым образом интерпретируемые понятия – такфир (обвинение в «куфре», т.е. неверии) и джихад (священная война за

¹ Сейджман М. Сетевые структуры терроризма. – М.: Идея-Пресс, 2008. – С. 16.

веру)¹. В этой связи радикальных исламистов нередко называют такфиритами-джихадистами.

Понятие «такфир» базируется на выделении т.н. «врагов ислама», куда по мысли современных теоретиков-исламистов, входят, во-первых, все немусульмане («кафиры» – неверные), а, во-вторых, мусульмане, не разделяющие идеологических взглядов исламистов («муртаддун» – отступники от ислама, а также «мунафикун» – лицемеры – т.е. те, кто верит неправильно или неискренне). Что касается концепции джихада, то она, в противовес мусульманской ортодоксии, стала квалифицироваться исключительно как война с «врагами ислама», причем радикальные исламисты допускают наступательный, инициативный характер этой борьбы.

Согласно мусульманской ортодоксии, джихад подразделяется на «большой» и «малый». Большой джихад – это ненасильственное стремление личности жить так, как подобает праведному мусульманину, следуя воле Бога. Он достигается приверженностью пяти столпам исламского вероучения: выражением ислама как веры (шахада), регулярными молитвами, постом во время месяца Рамадан, благотворительностью и совершением хаджа, паломничества в Мекку. Это требует дисциплины и усердия на протяжении всей жизни, постоянной напряженной работы по самоусовершенствованию. В противовес «большому», малый джихад – вооруженная борьба за ислам. Традиционная исламская юриспруденция определяла джихад в качестве обязанности мусульманина в мире, разделенном на «земли ислама» (дар аль-ислам) и «земли войны» (дар аль-харб). Мусульманское сообщество, умма, было обязано участвовать в джихаде, чтобы расширить «дар аль-ислам» по всему миру, дабы все человечество могло благополучно жить в пределах справедливого политического и общественного порядка. В интерпретации одной из школ му-

¹ См. подробнее об этом: Игнатенко А.А. Эндогенный радикализм в исламе // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – № 2 (8).

сульманского права подобная воинственность смягчалась введением понятия «земля мира» (дар ас-сульх), – это территории, где проживают немусульмане, которые заключили перемирие с «дар аль-ислам», а потому не являются объектом джихада.

В рамках «малого» джихада существовало также более глубокое различие между оборонительным и наступательным джихадом. Если неверные вторгаются в «дар аль-ислам» и угрожают существованию в нем ислама и его исповедованию, богословское заключение на основе мусульманского права (фетва) может объявить состояние джихада против неверных. Это означает личную обязанность для каждого мусульманина (фард аль-айн) участвовать в оборонительном джихаде либо за счет непосредственного участия в борьбе, либо посредством финансовой поддержки, благотворительности и молитвы. Напротив, наступательный джихад для нападения на земли неверных (дар аль-куфр), чтобы подчинить их шариату, строгим нормам на основе Корана, подразумевает коллективную обязанность (фард аль-кифайя), которая может быть исполнена и, обычно, исполняется правительствами мусульманских государств без личного участия в ней отдельно взятых мусульман¹.

Что касается теоретиков современного радикального исламизма, то они не только отрицают деление джихада на «большой» и «малый», но говорят только об одном джихаде – боевом, зачастую делая акцент исключительно на наступательной версии джихада.

С.Кутб – теоретик и идеолог египетской ассоциации «Братья-мусульмане» в 50-60-е гг. XX в. – написал целую серию работ, в которых им развивались различные аспекты идеологии «исламского возрождения». Концепция С.Кутба делила общество на два типа: исламское общество, в котором признается власть одного Аллаха и действует шариат, и общество джахилии (доисламского язычества), в котором люди сами творят законы и нарушают

¹ Сейджман М. Указ. соч. – С. 10-11.

главный принцип единобожия – единовластие Аллаха (хакиймий). Согласно такому выводу, языческими является большинство современных обществ, в том числе те, которые считают себя исламскими, но не живут по шариату. Отрицание хакиймийи, по сути, означает вероотступничество, ввергающее в неверие. Ислам и джахилийя – это абсолютно несовместимые системы, между которыми невозможно какое-либо мирное сосуществование или постепенная трансформация джахилийи в ислам. Восстановить власть Аллаха на земле можно лишь после того, как силой будет уничтожена джахилийя, и участие в этой борьбе есть обязанность каждого мусульманина.

Однако еще в XVIII веке, за два столетия до С. Кутба, концепцию джахилийи актуализировал Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб (1703 – 1791), проповедник из Аравии, который осудил за развращенность распространенные народные верования и обычаи племен полуострова, утверждая, что они вернулись в состояние джахилийи, стали идолопоклонниками, а потому заслуживают смертную казнь за отступничество от ислама. Он проповедовал жесткую форму ислама, основанную на строгом толковании Корана, очищение ислама от позднейших наслоений. Основой его доктрины стал «таухид» (с арабского – «единство Бога»), осуждающий как идолопоклонничество любую возможность посредничества в общении с Богом. Заключение аль-Ваххабом союза с главой одного из аравийских племен Мухаммедом ибн Саудом стало прологом образования на территории Аравии нового государства, которое с 1932 г. именуется как Королевство Саудовская Аравия (КСА).

Ибн Абд аль-Ваххаб многие из своих толкований Корана обосновывал фетвами сирийского теолога Таки ад-Дина Ахмада ибн Таймийя (1263-1328 гг.), который жил в один из самых разрушительных периодов мусульманской истории, когда произошло завоевание исламских стран монголами, обращенными тогда же в ислам, но продолжавшими жить по «ясам» -монгольской право-

вой системе. В этой связи перед Ибн Таймийя был поставлен вопрос: законно ли мусульманам объявить джихад против других мусульман (монголов). Таймийя в своих знаменитых «Фетвах о татарах» отвечал, поскольку монголы продолжали придерживаться Ясы – норм права, установленных Чингисханом, а не шариата, то они не настоящие мусульмане, а вероотступники, которых, исходя из шариата, следует покарать смертной казнью. Вести джихад против них было правом, даже долгом мусульман¹.

В своих работах умеренный исламист, пакистанец Маудуди воскресил концепцию джахилии как абстрактного понятия для описания системы верований и идей в Индии. Однако в его трудах нет ни единого намека на то, что он намеревался использовать ее для оправдания вооруженного восстания. Что касается жесткого радикала С.Кутба, то он взял и положение ибн Таймийя о долге джихада против вероотступников и, вырвав из контекста, концепцию Маудуди о джахилии, по-новому соединил их, еще шире трактуя идеи М. Абд аль-Ваххаба. Объявляя существующие мусульманские общества джахилистскими, Сейид Кутб дает обоснование для отвержения и вооруженного выступления (джихад бис сайф) против номинально мусульманских режимов, избегая проблемы смуты (фитна). В его версии правоверные мусульмане воюют не против других мусульман, а против идолопоклонников. Вскоре после публикации самого яркого труда «Вехи на пути» египетское правительство Насера в очередной раз арестовало Кутба за подстрекательство к восстанию, и он был казнен в каирской тюрьме 29 августа 1966 г. Мученичество Кутба моментально придало его идеям достоверность².

Большое влияние идеи Кутба оказали на Шукри Мустафу, который довел до логического максимума положения доктрины джахилии, основав в Египте секту «Джамаат аль-Муслимин»

¹ *Sivan E. Radical Islam: Medieval Theology and Modern Politics.* – New Haven, Conn.: Yale University Press, 1985. – P. 90-101.

² *Сейджман М.* Указ. соч. – С. 18, 22.

(«Общество мусульман»), основным принципом которой стал инициативный изоляционизм его членов от порочного общества джахилии. Однако его группа стала объектом насмешек в прессе, которая изображала их сборищем фанатиков или преступников, помешанных на двуединой концепции отлучения и изгнания (ат-Такфир ва-ль Хиджра), именно под этим названием община М.Шукри и вошла в историю исламистского движения¹. В 1977 г. после преследований со стороны правящего режима Египта эта секта исчезла, но ее идеи не были забыты последующими поколениями радикальных исламистов.

Наиболее известным последователем С.Кутба был Мухаммед абд аль-Салам Фарадж (1954-1981 гг.), являвшийся главой каирского отделения «Танзим аль-джихад» («Организация джихада»), осуществившего в 1981 г. убийство президента Египта – Анвара Садата. Свои идеи Фарадж сформулировал в своей брошюре «Забытый долг» («Аль-фарида аль-гайба»). В ней он, в частности, пишет: «Установление исламского государства – это обязанность мусульман: то, без чего что-то необходимое не может быть выполнено, (само) становится необходимым. Если, кроме того, (подобное) государство не может быть основано без войны, тогда и война точно таким же образом оказывается необходимой... Законы, которыми управляют мусульмане сегодня, это законы Безверия, на самом деле они являются сводами законов, созданными неверными, которые затем подчинили им (законам) мусульман... После исчезновения халифата, очевидно, в 1924 г. и (потом) отказа от законов ислама в их целостности, и (затем) их подмены законами, введенными неверными, положение (мусульман) стало подобным тому, которое было у монголов»².

¹ Там же. – С. 36.

² Faraj M. Al-Faridah al Ghaibah, in Johannes Jansen, *The Neglected Duty: The Creed of Sadat's Assassins and Islamic Resurgence in the Middle East*. – New York: Macmillan, 1986. – P. 165-167.

Фарадж подчеркивал, что ислам распространился мечом, доказывая, что джихад в исламе не был оборонительным. Для обоснования своей позиции он процитировал из Корана «стихи меча»: «А когда закончатся запретные месяцы, то избивайте многобожников, где их найдете, захватывайте их, устраивайте засаду против них во всяком скрытом месте» (Коран 9:5).

Фарадж также отрицал как опасное современное нововведение различие большого джихада (усилия по самоусовершенствованию мусульманина, борьба с собственными дурными наклонностями) и малого джихада (война против врага), потому что оно умаляет ценность борьбы посредством меча. Точно также, по его мнению, и отсутствие халифа не является оправданием для переноса джихада. Все это делало тем более необходимым организацию джихада ради возвращения мусульманским народам ислама. Цена отказа от джихада – это «низость, унижение, разделение и раздробленность, в которых мусульмане живут сегодня»¹.

Общая стратегия джихада у А.Фараджа определяется представлениями о «враге ближнем» (мусульмане, которые не разделяют идеологических воззрений и практику радикалов), «враге дальнем» (немусульманские противники радикалов, прежде всего, представители западно-христианской цивилизации) и о джихаде как об индивидуальной обязанности для каждого мусульманина (фард айн). По мнению А.Фараджа, джихад становится обязательным, в том числе, и в том случае, если правитель мусульманского государства отвергает руководство по шариату. Тогда такого правителя нужно свергнуть, и джихад становится индивидуальной обязанностью каждого мусульманина. На его ведение не нужно даже специального разрешения улемов, джихад становится такой же индивидуальной обязанностью, как пост и молитва².

¹ Ibid. – P. 205.

² *Ам-Тураби Х.* Аль-Харака аль-исламийя фи ас-Судан (Исламское движение в Судане). – б.м. – б.г. – С. 4-5.

Копии труда Фараджа были обнаружены в домах подозреваемых в заговоре в ходе волны арестов после убийства президента Садата. Сама работа была опубликована в Египте лишь после того, как египетское правительство потребовало от богословов исламского университета Аль Азхар опровергнуть его тезисы. Дебаты относительно обвинений в джахилии и такфире восходят к сути спора между традиционалистами и воинствующими салафитами о значении джихада и законности внутреннего вооруженного восстания (фитны), учитывая запрещение фитны. Сторонники вооруженного пути, подобно Фараджу, использовали выборочное цитирование Корана для обоснования своих выводов. Например, в своей трактовке «стихов меча» он цитировал лишь их первую часть. В Коране же имеется продолжение: «Если они обратились и выполняли молитву и давали очищение, то освободите им дорогу: ведь Аллах – прощающий, милосердный» (Коран, 9:5). Эта последняя часть опровергает обоснование убийства без разбора «врагов ислама», используемое сторонниками вооруженной борьбы.

Салафитский джихад, таким образом, – это мусульманское обновленческое движение, оправдывающее насильственное свержение местных мусульманских правительств как «ближнего врага» с целью установления исламистского государства.

Вместе с тем, не стоит забывать, что подобно другим священным книгам, Коран открыт для разных, порой противоположных друг другу интерпретаций. В нем содержатся призывы, как к любви, так и к ненависти и насилию, и было бы иллюзией пытаться однозначно толковать коранические тексты исключительно как проповедь мира. Тем более сегодня, когда целые исламские теологические школы и ведущие духовные авторитеты открыто проповедуют ненависть к «неверным», отвергают право на существование других религий и благословляют терроризм. Используя отдельные положения из Корана и других священных книг ислама (как, например, призыв «убивайте их там, где найде-

те, и вытаскивайте их отовсюду, где бы они не прятались»)), исламские теологи оправдывают захват чужих земель, подчинение и убийство немусульман. Современные мусульманские школы провозглашают «всемирный джихад» против «неверных» и демонстрируют особенное презрение к евреям, которых они называют не иначе, как «потомками свиней и обезьян»¹.

В последующем на рубеже 80 – 90-х гг. XX в. новый лидер «Аль-Джихада» Аббуд аз-Зумр насытил идеологическую доктрину организации новыми концепциями. Помимо него, еще одним плодотворным автором движения выступил Тарик аз-Зумр. Особенности трактовки ими концепции джихада практически не отличаются от идей А.Фараджа. Так, по мнению Аббуда аз-Зумра, джихад есть фард айн – то есть индивидуальная обязанность каждого мусульманина, который должен участвовать в нем по мере своих сил и возможностей². Другой теоретик исламизма Тарик аз-Зумр считал, что высшее проявление из всех форм джихада – это вооруженная борьба. Он резко критиковал тех лидеров из числа исламских радикалов, которые ограничиваются только идейной борьбой³. Более того, джихад в таком случае имеет наступательный характер, и необязательно, чтобы неверные инициировали нападение первыми, «достаточно, чтобы они всего лишь имели признаки тех людей, с которыми надлежит воевать»⁴.

Следует также отметить, что «Аль-Джихад» отверг тактику постепенной «исламизации снизу». Такая стратегия основывается на изменении общества посредством осуществления т.н. «исламского призыва». Однако «Аль-Джихад» считает, что общество трудно изменить, пока оно будет находиться под властью режима неверных, способного применять и использовать разнообразные

¹ *Либлер Изн.* Где найти умеренного исламиста? // Эхо (рускоязычная еженедельная газета, Израиль). – 2011. – 7 марта.

² *Ерасов Б.* Культура, религия и цивилизация на Востоке. – М., 1990. – С. 73.

³ Там же. – С. 147-148.

⁴ *Ruthven M.* Islam in the World. – N.Y., Oxford, 1984. – P. 308.

методы, препятствующие мирной исламизации. По мнению идеологов организации, стратегия «исламизации снизу» демонстрирует свою ограниченность в деятельности «Братьев-мусульман» и салафитских джамаатов. Первые замыкаются рамками интеллигенции и отрываются от масс, вторые практически утратили чувство реальности. Более того, для «Аль-Джихада» неприемлемо какое-либо участие в парламентской деятельности: это означало бы признание того, что источником законов может быть не Аллах, а его творения – люди¹.

В конце 80-х годов Усама Бен-Ладен вместе с Айманом аз-Завахири создали «Аль-Каиду» в Афганистане, определив свою стратегию и ключевые цели на перспективу. Согласно салафитской идеологии, которую проповедует эта структура, главный удар должен быть направлен против режимов в мусульманских и, прежде всего, арабских странах. Эти режимы рассматриваются как искусственные, противоречащие исламским нормам, представляющие собой орудие Запада по контролю над мусульманским миром. Они были противны «букве и духу Корана» и препятствовали мусульманам в создании «подлинно мусульманского общества». Ближневосточные режимы, утверждали салафиты, были результатом колониальной политики западных держав, которые произвольно разделили арабский мир границами и создали марионеточные правительства. Это, в свою очередь, привело к национализму, взаимным конфликтам и возвышению светской идеологии, не имеющей никакого отношения к принципам подлинно исламского правления. Все это ослабляло арабский мир и не позволяло ему объединить свои силы против истинного врага, коим является западная цивилизация, утверждал влиятельный представитель и наставник Бен-Ладена палестинец Абдалла Азам².

¹ *Ражбадинов М.З.* Радикальный исламизм в Египте. – М., 2003. – С. 88-89.

² *Латин Яков.* «Аль-Каида»: провал или «окно возможностей»? // THE JERUSALEM POST. – 2011. – 10 марта.

Исходя из своего мировоззрения, «джихадисты» стремились свергнуть «искусственные марионеточные режимы» в Египте, Ливии, Саудовской Аравии и других странах региона и создать на их месте единое исламское государство – халифат, основанный исключительно на предписаниях Корана и других священных арабских текстов. С момента создания «Аль-Каиды», ее региональные ответвления и родственные группировки прилагали отчаянные усилия для достижения цели, мобилизуя боевиков для «джихада», распространяя идеологию и осуществляя дерзкие вылазки, однако до последнего времени все попытки расшатать и свергнуть арабские режимы терпели фиаско.

Отсюда неизбежно следует мысль о том, что практически невозможно победить «врага ближнего», не нанеся мощные удары по «врагу дальнему». Тем не менее, в своей фетве «Изгоняйте неверных с Аравийского полуострова», объявленной Усамой Бен Ладеном 8 августа 1996 г., лидер «Аль-Каиды» отстаивает понятие оборонительного джихада для изгнания неверных из мусульманских стран. Однако уже 18 февраля 1998 г. в фетве Мирового Исламского Фронта, объявившей «джихад против евреев и крестоносцев», Бен Ладен расширил свое прежнее понимание джихада, от оборонительного до наступательного. Мировой салафитский джихад теперь ведет борьбу с «врагом дальним» (Соединенные Штаты и Запад в целом) на его территории или в третьих странах. Оправданием для этого нового типа джихада служило то, что «оккупация» Соединенными Штатами Америки Саудовской Аравии, поддержка Израиля и убийства иракских детей были «открытым объявлением войны Аллаху, его Посланнику, и мусульманам». В фетве постулируется: «Постановление убивать американцев и их союзников – гражданских и военных – это личная обязанность для каждого мусульманина, который может исполнить ее в любой стране, в которой это можно сделать... Мы – с помощью Аллаха – призываем каждого мусульманина, кто верит в Аллаха и желает награды за выполнение приказов Аллаха, убивать американцев

и расхищать их богатства, где и когда они найдут их. Мы также призываем мусульманских улемов, лидеров, молодежь и солдат совершать нападения на американские войска Сатаны и союзных с ними сторонников Дьявола и отстранять тех, кто укрывается за ними, дабы они смогли извлечь урок»¹.

К концу 90-х гг. новые идеи выдвинул один из лидеров зарубежного руководства «Аль-Джихада» – Айман аз-Завахири, главный идеолог «Аль-Каиды» и «Мирового фронта джихада», в июне 2011 г., после уничтожения Усамы бен-Ладена, ставший лидером «Аль-Каиды». Прежде всего, он обосновал идею глобального джихада, в первую очередь, с «дальним врагом» – альянсом мирового куфра. Под ним он подразумевает, прежде всего, страны Запада, в первую очередь США и Израиль; теперь же в этот список попала и Россия, примкнувшая, по мнению исламистов, к этому союзу. А. аз-Завахири пишет: «Не следует считать, что борьба за создание исламского государства является региональной войной. Альянс крестоносцев и сионистов, возглавляемый США, не позволит мусульманским силам прийти к власти в какой-либо из мусульманских стран. Надо готовиться к тому, что эта борьба не ограничится рамками одного региона, она будет вестись как против внутреннего врага – вероотступников, так и против внешнего – альянса крестоносцев и сионистов»². По его мнению, джихад с «дальним врагом» нельзя откладывать, поскольку альянс евреев и крестоносцев не дает ни времени, ни шансов нанести поражение «внутреннему врагу». Поэтому А. аз-Завахири предложил перенести войну за пределы исламского мира на территорию врага. В частности, он высказывался за то, чтобы вывести успешный джихад за освобождение мусульман из пределов Афганистана и Чечни и перенести его с окраин исламского мира в его самое сердце³.

¹ Цит. по: Сейджман М. Указ соч. – С. 27-28.

² Там же. – С. 89.

³ Enayat H. Modern Islamic Political Thought. – Austin, 1982. – P. 84.

В преддверии ударов террористов по целям в Америке 11 сентября 2001 г. в своей программной книге «Рыцари под знаменами Пророка» А. аз-Завахири объявил, что новый джихад является борьбой между исламом и враждебными мировыми силами: западными державами и Россией, использующими «набор средств», включая «1. Организацию Объединенных Наций. 2. Дружественные правители мусульманских народов. 3. Транснациональные корпорации. 4. Международные коммуникации и системы обмена данных. 5. Международные информационные агентства и спутниковые информационные каналы. 6. Международные организации помощи, которые используются как прикрытие для шпионажа, прозелитизма, подготовки переворотов и перевозки оружия». Противостояла этому врагу новая исламистская фундаменталистская коалиция, состоящая из джихадистских движений в различных землях Ислама: «Она представляет собой растущую силу, которая собирается под знаменами джихада во имя Бога и действует за рамками нового мирового порядка». Аз-Завахири описывал ситуацию как новый феномен молодых моджахедов, которые «оставили свои семьи, страны, богатства, учебу и работу в поисках полей брани джихада во имя Господа». По его мнению, не существует никакого решения возникших проблем без джихада. Предательство мирного алжирского фундаменталистского движения показало бессмысленность «всех других методов, которые пытались избежать принятия брени джихада»¹.

Аз-Завахири объявил, что джихад должен продемонстрировать измену мусульманских правителей и их апологетов, которая вытекает из-за отсутствия у них веры и их поддержки неверных против мусульман. Поэтому исламистское движение должно установить исламское государство в центре мусульманского мира, из которого впоследствии вступит в бой за восстановление

¹ *Al-Zawahiri A. Knights Under the Prophet's Banner. Serialized in eleven parts in Al-Sharq al-Awsat (London). – 2001. – July 4. Part 11.*

халифата, основанного на традициях пророка. «Если успешные операции против врагов ислама и серьезный урон, нанесенный ими, не послужат достижению конечной цели создания мусульманской нации в сердце исламского мира, — доказывал он, — независимо от их масштабов они будут не более чем нарушением порядка, который можно вынести и стерпеть, даже если они продлятся некоторое время и принесут определенные потери»¹.

Для достижения успеха аз-Завахири требовал от единомышленников сблизиться с массами простых мусульман, быть среди них или слегка впереди, а не изолированными от них. Для этого «движение джихада должно посвятить деятельность одного из своих крыльев работе с массами, проповедям, создать службы поддержки мусульман, разделять их заботы всеми возможными для благотворительности и образовательной работы путями; ни одну из сфер жизни мы не должны оставить неохваченной»².

Для эффективной мобилизации массам нужно руководство, которому они могут доверять, понимать и следовать; ясный враг, по которому нужно нанести удар, и избавление от цепей страха и слабости в их душах. Аз-Завахири так описывает основную цель движения исламского джихада, невзирая на жертвы и время, которые она потребует: «Освобождение мусульманской нации, противостояние врагам ислама и начало джихада против них требуют мусульманской власти, установленной на мусульманской земле, которая поднимет знамя джихада и соберет под ним мусульман. Без достижения этой цели наши действия будут не более чем простыми и повторяющимися беспорядками, которые не приведут к желаемой цели, а именно восстановлению халифата и изгнанию захватчиков с земли Ислама»³.

После терактов в Америке и начала антитеррористической операции А. аз-Завахири в своей книге «Аль-Валайя ва-ль-бараа»

¹ Ibid.

² Ibid.

³ Ibid.

подчеркнул, что ныне каждый мусульманин должен руками, языком или хотя бы в помыслах оказывать противодействие оккупантам. В книге он обнародовал своеобразную фетву, в которой говорится о том, что мусульманину запрещено сближаться с кафирами, следует хранить в тайне любые секреты мусульман. Запрещено вести какие-либо дела с кафирами. Запрещено воспринимать какие-либо теории и идеи безбожников. Запрещено помогать кафирам в их войне с мусульманами и как-то оправдывать крестоносцев. Мусульманам предписано вести джихад с безбожными агрессорами, отступниками и лицемерами (под двумя последними подразумеваются арабские режимы, предоставившие свою территорию для антитеррористической кампании, а также улемы, издающие лживые фетвы, купленные властями)¹.

В свою очередь, уничтоженный в июне 2006 г. в Ираке лидер местной ячейки «Аль-Каиды», иорданский террорист Абу Мусаба аз-Заркави в своей лекции, размещенной на многих сайтах², под заголовком «Вы больше знаете или Аллах?» заявил, что «джихад есть обязательная война против неверных». Термин «гражданское население», утверждал аз-Заркави, является «ложным», поскольку ислам не делит людей на гражданских и военных: он знает лишь разделение людей на мусульман и неверных. И если «кровь мусульманина запретна, чтобы он ни делал и где бы ни находился», то «кровь неверного дозволена, чтобы он ни делал и где бы ни находился, если с ним не заключен договор или он не был пощажен».

Аз-Заркави делит людей на три разряда: 1. мусульмане; 2. неверные, мирно относящиеся к исламу, т.е. вошедшие под покровительство (зимма) мусульман, заключившие с ними перемирие (худна) или пользующиеся предоставленной им пощадой (аман); 3. все прочие люди. Последних аз-Заркави объявляет «воюющей стороной»: шариат, напоминает он, лишает их защиты и дает

¹ Ражбадинов М.З. Указ. соч. – С. 91-92.

² См., например: <http://www.short-link.de/2054>.

мусульманам право убивать их, делая исключение лишь для отдельных категорий (в первую очередь, детей и женщин). На этом основании, считает аз-Заркави, «неверие в Аллаха – достаточное основание для убийства неверного, чтобы он ни делал и где бы ни находился».

Таким образом, усилиями зарубежных, прежде всего египетских исламистских теоретиков, к началу XXI века сложилась стройная идеологическая доктрина такфиритов-джихадистов, являющаяся идеологическим обоснованием современного терроризма, прикрывающегося исламским вероучением, а также оправданием жестокой политической практики радикальных исламистов и террористов.

Что касается современного Северного Кавказа, то, несомненно, на адептов северокавказского терроризма огромное влияние оказывали и продолжают оказывать ультрарадикальные идеи зарубежных исламистских радикалов, где путь вооруженного противодействия и диверсий – по версии радикалов – джихада, был началом и завершением всякой борьбы с «системой куфра» (неверия) и их «пособниками» из числа т.н. «отступников» («муртад-дун») и «лицемеров» («мунафикун»). Под первыми понимаются этнические мусульмане, чаще всего, сотрудники силовых структур, поэтому против них и направлено, в первую очередь, острие терроризма; под вторыми – представители официального ислама.

Идеолог и практик ультра-радикального крыла дагестано-чеченской салафийи Багауддин Мухаммад выделяет три вида или типа взаимоотношений «кафиров» и мусульман. Первый тип – это *Ахль аль-Зимми* – «неверные», которые проживают среди мусульман и подчиняются исламскому порядку: то есть заключают договор, живут на договорных началах – отсюда *зимма* с араб. «договор». За обеспечение безопасности и условий для добычи пропитания зиммии – «договорники», платят подушный налог (*джизью*), который освобождает их от воинской повинности и позволяет пользоваться минимумом благ данного региона-го-

сударства. Второй тип взаимоотношения мусульман с немусульманами – это «*муадис*»: «неверные», находясь на своей территории, заключают некое подобие пакта о ненападении. «Третий тип кафира, – продолжает Багауддин, – «*харби*», находящийся у тебя на земле и между нами военное положение. Тогда другое дело, если речь идет о тех русских войсках, находящихся на нашей земле; приехавших сюда, чтобы навязать свои порядки; охраняющих здесь законы московских правителей. Мы этих людей будем изгонять из нашей земли, и убивать на месте, и это до тех пор, пока они не уйдут с нашей земли, или же приняв ислам, не перейдут на нашу сторону – это для них самый лучший вариант. Я бы сказал всем этим русским войскам: пока для них не наступила смерть, пусть они полностью переходят на нашу сторону и если они, при этом, примут ислам, то они станут нашими братьями и будут жить среди нас, деля с нами горе и радость и мы будем их кормить тем же, что и сами едим. Они станут братьями и будут защищены нами, ибо они будут находиться под защитой Аллаха. Если же они этого не сделают, то пусть они отсюда убираются или мы их *ИнишаАллах*, выгоним. Вот такое положение должно быть, когда речь идет о русских, именно выгонять и бороться с теми из них, кто пришел на нашу землю утверждать свои законы»¹.

В последующем на Северном Кавказе появились и другие идеологи радикального исламизма, среди которых можно назвать дагестанца Абузагира Мантаева, кабардинца Анзора Астемирова, бурята Саида Бурятского и некоторых других. Характерно, что все они, будучи активными членами террористического бандподполья, были уничтожены в ходе боестолкновений с сотрудниками правоохранительных структур, не сумев вырасти в авторитетных идеологов даже регионального масштаба.

Тем не менее, вследствие и их усилий, современные чеченские войны, особенно вторая, привнесли в регион самые послед-

¹ Пятничная проповедь Б.Мухаммеда в исламском институте «Кавказ» // Аль-КАФ. – 1998. – № 6.

ние идеологические наработки зарубежных исламских экстремистов, стали кузницей наиболее идеологически подготовленных и непримиримо настроенных по отношению к России исламистов. Сепаратистски ориентированные носители исламистской идеологии продолжают привлекать в свои ряды молодых боевиков практически во всех республиках Северного Кавказа. Например, в 90-е гг. начала оформляться идеология движения «молодых мусульман» в Кабардино-Балкарии, в основу которой была положена идея активизации и частичной модернизации исламской жизни в республике. Методами формирования этой идеологии стали организация системы исламского образования, пропаганда своих взглядов в общеобразовательных и спортивных школах; формирование контингента грамотных проповедников, способных произносить пятничные хутбы, во время которых подробно разъясняются основные постулаты идеологии современного исламизма и т.д. Ведущими распространителями идеологии радикального фундаментализма в республике стали выпускники саудовских исламских институтов Мусса Мукожев и Анзор Астемиров, ставшие организаторами известных событий, имевших место 13-14 октября 2005 г. в Нальчике.

Например, бывший «кадий Имарата Кавказ, амир объединенного вилайята Кабарды, Балкарии и Карачая Сайфуллах» (он же – Анзор Астемиров) предоставил ответы на вопросы корреспондента одного из исламистских сайтов, из которых четко прослеживаются его идеологические приоритеты. В частности, он обвиняет северокавказских мусульман в язычестве, подчеркивая, что «в нашем обществе главной и доминирующей является такая форма язычества как служение России с ее конституцией и ее законами», отмечая далее, что «практикуются такие языческие обряды и ритуалы, как присяга на верность России (в армии, милиции, политических партиях и т.п.), клятва уважать конституцию при получении паспорта, возложение венков к могилам «героев России», которые убивали мусульман

в Афганистане и на Кавказе и т.д. Также широко распространены такие языческие традиции, как участие в выборах депутатов парламента. Так что язычество это не только поклонение камням и деревьям. ...Поэтому мы считаем своей первоочередной задачей борьбу против этой формы язычества, как самой опасной для общества...». Обвинив мусульман, прежде всего сотрудников правоохранительных органов, в такого рода «язычестве», «кадий Сайфуллах» практически дал санкцию на их убийства, тем более что, по его мнению, «...со временем, под влиянием российской пропаганды, большинство из них заняли твердую антиисламскую позицию»¹.

Таким образом, в ходе второй чеченской кампании, особенно со второй половины 2005 г. в экстремистском подполье, как активные участники террористических групп, появились молодые представители северокавказской мусульманской интеллигенции: студенты, аспиранты, ученые и т.д. Например, один из уничтоженных 9 октября 2005 г. в Махачкале боевиков т.н. джамаата «Шариат» – Абузагир Мантаев – в 2002 г. в Москве защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата политических наук на тему «Ваххабизм и политическая ситуация в Дагестане». Некоторое время он работал в Духовном управлении мусульман Европейской части России. В 2005 г. возвратился в Дагестан и влился в ряды террористов «Шариата». И таких примеров по республикам Северного Кавказа немало, среди идеологов и одновременно практиков «джихадизма» уже назывались М.Мукожев, А.Астемиров, С.Бурятский и др.

Вместе с тем, после уничтожения этих и других «идеологов» северокавказского терроризма, наблюдается явный недостаток такого рода кадров в составе бандподполья, в этой связи ведется усиленный поиск новых фигурантов и одновременно наблюдается вынужденный переход на «идеологические суррогаты». Об этом, в частности, свидетельствует интервью некоего «ами-

¹ Личный архив автора.

ра Баксанского района вилайята Кабардино-Балкарии Имарата Кавказ» Ташу Казбека. В своем многословии, далеком от доказательной базы салафитов, ссылающихся на сакральные источники мусульманства, этот «моджахед», безо всяких обиняков, ретранслирует пропагандистские клише безвременно ушедших из жизни сотоварищей: «...Наши враги совершают куда более гнусное преступление – они поклоняются идолам, которые наделили себя правом издавать законы, противоречащие Закону Аллаха! А обожествление кого-то или чего-то наряду с Аллахом – самый тяжкий грех. И главная причина, которая побудила нас взять в руки оружие – это защита религии от язычников и возвышение слова Аллаха. ...Работа по уничтожению беппаевых и других подобных выроdkов будет проводиться планомерно и методично»¹.

Имеющиеся в нашем распоряжении примеры свидетельствуют, что в последние годы в террористическом движении региона произошла смена поколений: в войну вступило новое, молодое поколение северокавказских этносов, зараженное вирусом русофобии и сепаратизма, а потому более ожесточенное и дерзкое, нежели их предшественники. Определенная их часть готова к вооруженной борьбе с властями во всех ее формах. Однако следует согласиться с московским исламоведом Д.В.Макаровым, который еще в 2000-м году сделал правильный вывод о том, что лидеры российского исламизма до сих пор пока еще «не создали ни одного оригинального произведения, которое позволило бы говорить о появлении...» у них «...собственной политической идеологии, соответствующей современным... реалиям. Общие рассуждения о необходимости введения шариата... не смогли компенсировать отсутствие социально-политической программы у этого движения...»². Этот вывод продолжает оставаться актуальным и в настоящее время.

¹ Личный архив автора.

² Макаров Д.В. Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. – М., 2000. – С. 48.

Таким образом, идеология современного джихадистского движения, базируясь на постулатах, выдвинутых в свое время Ибн Ханбалой, Таки ад-Дином ибн Таймийей, М. Ибн Абд аль-Ваххабом и другими радикалами минувших эпох, ведет свое происхождение из Египта, так как ее главными вдохновителями были С.Кутб, М.Шукри, М.Фарадж, А. аз-Завахири и др. Она ясно проповедует идею ненависти к немусульманским, прежде всего, к западным ценностям, таким, как индивидуализм, социальный плюрализм, верховенство светского законодательства над религиозным правом, отделение религии от политики и т.д. Ее призыв основывается на очевидной простоте, доступности и непротиворечивости идеологических аргументаций, четком определении «врагов ислама» и необходимости ведения против них «джихада». Все это находит отклик и понимание в среде молодых мусульман, как правило, маргиналов, не слишком образованных в традиционном мусульманском вероучении, которое они к тому же отвергают.

В этой связи не следует забывать, что в зарубежных средних и высших мусульманских учебных заведениях, в том числе и исламистского толка, продолжают учиться сотни, а может быть, и тысячи молодых северокавказцев. На родине их с нетерпением ждут те, кто делает ставку на дальнейшее развитие идеологической составляющей «джихада», и порой не без оснований.

Краткий обзор этапов развития современной идеологической доктрины радикальных исламистов в мире и, в частности, на Северном Кавказе со всей очевидностью свидетельствует о привнесении на территорию регионов России практически всех идеологических постулатов радикального исламизма, об экзогенности идеологического фактора в деятельности северокавказского бандподполья.

3.2. Организационное строение северокавказского террористического кластера

Террористическое движение на Северном Кавказе постоянно видоизменяется, приспосабливаясь к специфическим условиям региона, где архаичная социальная система местных сообществ остается значимым ценностным ориентиром для населения. Региональная версия терроризма, опираясь на идеологическую доктрину радикального исламизма, за последние двадцать лет прошла основательную институционализацию, апогеем чего стало провозглашение в 2007 году т.н. «Имарата Кавказ». Эксперты отмечают значимое влияние внешнего фактора на эти процессы. Однако в настоящее время террористическое движение в регионе приобрело весомую степень автономности, превратившись в самостоятельный террористический кластер, входящий в сетевую структуру международного терроризма.

Главная особенность современного северокавказского террористического подполья, помимо опоры на идеологию радикального исламизма, заключается в его сетевой структуре и системе самообеспечения, которые базируются на инкорпорированности подполья в сложившиеся местные социальные структуры, объективно поддерживающие радикалов. В качестве важнейшего элемента функционирования традиционного общества в северокавказских республиках лежит коллективная солидарность людей, основанная на системе социальных институтов общественного регулирования (семья, род, община, традиции, мораль, обычное право, общественное мнение) и социальных практиках, включающих, в том числе, и кровную месть.

В свою очередь, сетевой (ячеистый) принцип организации террористических группировок оказался чрезмерно эффективным в асимметричном противостоянии самым разнообразным оппонентам.

Сотрудники американской «Рэнд Корпорейшн» Дж. Арквила и Д. Ронфилд, основоположники сетецентричной теории, выделяют ряд четко оформившихся базовых структурных модулей в рамках сети¹ (см. схему 1):

1. *иерархические* (Hierarchical Network), в которых просматриваются элементы вертикального подчинения;

2. *линейные* («цепные» (Chain Network)), когда указанная или необходимая исполнителю информация поступает к нему через промежуточных посредников;

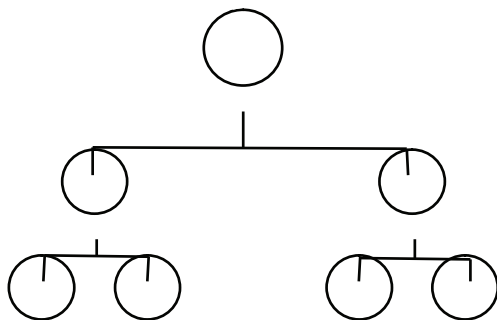
3. *осевые* («звездные» (Star Hub)), при которых различные звенья структуры замыкаются на центральное звено, при этом оно иногда также может являться посредническим;

4. *взаимосвязанные* (многоканальные, мультиканальные, смешанные, гибридные, переплетенные (All Chain Network)) модули – здесь все элементы объединены в основном только общей идеологией, религией, националистическими или этническими устремлениями.

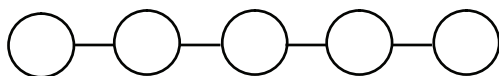
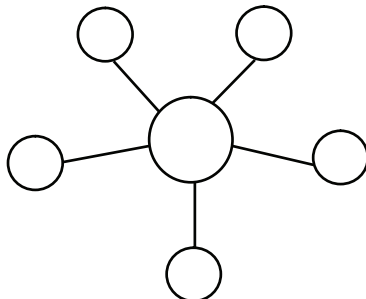
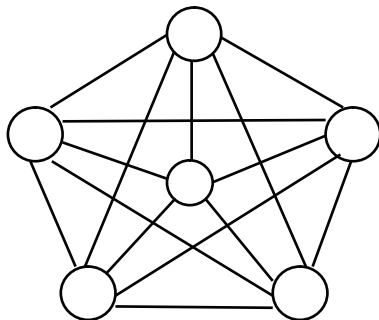
Схема 1.

Сетевые структурные модули (сетевая конфигурация)

Иерархический (древовидный) модуль

¹ Arquilla J., Ronfeldt D., Zanini M. Networks, Netwar and Information-Age Terrorism // RAND Corporation, 1999. – P. 50.

*2. Линейный модуль**3. Осевой (кольцевой) модуль**4. Взаимосвязанный (произвольный) модуль*

По мнению отечественного терролога Э. Соловьева, сети в широком смысле слова представляют собой самоорганизующиеся полицентричные структуры, ориентированные на решение конкретных целей и задач из вполне автономных, иногда даже временных коллективов с прозрачной легитимацией власти, децентрализацией ответственности, с горизонтальной направленностью связей и коммуникаций. Сети свободно связанных между собой равноправных и независимых участников как открытые структуры способны к неограниченному расширению путем

включения все новых узлов, если те используют аналогичные коммуникационные коды (решают те же задачи и / или исповедуют те же ценности)¹.

Среди западных ученых распространено мнение, что сетевой принцип организации террористических группировок мог быть сформирован по причине «перенятия» отдельных элементов у различных организаций, построенных по сетевому принципу, к которым можно отнести: транснациональные корпорации, транснациональные банки, некоммерческие организации, международные криминальные синдикаты и зарубежные террористические группировки².

Сетевой принцип организации дает террористическим группировкам следующие важные возможности:

- *совместимость* транснациональных террористических групп, нелегальных торговцев оружием, транснациональных преступных синдикатов, наркомафии, фундаменталистов, этнонациональных движений, экстремистской идеологии, информационных пиратов, контрабандистов³;

- высокую *скорость* поступления и передачи информации⁴;

- *единую информационную инфраструктуру*⁵;

- скорость командования* (сокращение скорости принятия решений)⁶;

¹ Соловьев Э. Г. Трансформация террористических организаций в условиях глобализации / Под ред. Кокошина А. А. – М.: ЛЕНАНД, 2006. – С. 16.

² Kiser S. Financing Terror. An Analysis and Simulation for Affecting Al Qaeda's Financial Infrastructure // RAND Corporation, 2004. – P. 63.

³ Бедрицкий А.В. Эволюция американской концепции информационной войны / Аналитические записки РИСИ. – М., 2003. – № 3. – С. 13.

⁴ Бедрицкий А.В. Реализация концепции сетевой войны в ведущих странах Запада. – М., 2005. – № 3. – С. 67.

⁵ Alberts D., Garstka J., Stein P. Network Centric Warfare. Developing and Leveraging Information Superiority // CCRP, 2000. – P. 91.

⁶ Дугин А.Г. Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века. – СПб.: Амфора, 2007. – С. 322.

– «самосинхронизацию» (возможность действия в автономном режиме)¹;

– «распределения силы» (ведение точечных операций; занятие обширного пространства; возможность сосредоточения большого объема силы; усиление взаимодействия.);

– децентрализацию;

– конспиративность, надежную систему безопасности²;

– глубокую интеграцию (вовлеченность) элементов системы;

– подвижность (трудно уязвимая цель);

– эффективность использования *современных возможностей*;

– возможность осуществления эффективной деятельности под командованием *экстерриториального центра*.

Как известно, формы сопротивления северокавказских сепаратистов после известных августовских событий 1999 г. в Дагестане и Чечне прошли несколько этапов. Первоначально шли фронтальные сражения, апогеем чего стал штурм Грозного и последовавшее падение официальных ичкерийских политических институтов. Затем эта борьба трансформировалась в партизанское движение и, наконец, в бандитское подполье, практикующее диверсионно-террористические формы деятельности и прикрывающееся исламским вероучением. Тем не менее, знаковым стал 2007г., когда очередной ичкерийский лидер Доку Умаров заявил о сложении президентских полномочий и назначил себя верховным правителем – «амиром моджахедов Кавказа», «предводителем джихада», а также «единственной законной властью на всех территориях, где есть моджахеды». Естественно, что виртуально существующий «Имарат Кавказ» стал очередной сетевой структурой радикальных исламистов, в данном случае – в северокавказском регионе России.

¹ Там же. – С. 340.

² Libicki M. What Information Architecture for Defense // New Challenges, New Tools for Decision making, 2003. – P. 78.

Согласно верному утверждению американского терролога Марка Сейджмана, сложившийся в современном мире глобальный джихад не является конкретной организацией, но выступает общественным движением, состоящим из ряда более или менее формализованных организаций, связанных определенными алгоритмами взаимодействия. При этом участники глобального джихада – не атомизированные индивиды, но акторы, связанные друг с другом через сложную паутину прямых или опосредованных обменов¹.

История последнего столетия со всей очевидностью свидетельствует, что деятельность организаций религиозно-экстремистского толка нередко зависит от отношения к ним правящих режимов. В условиях разнопланового прессинга и силового давления они, как правило, уходят в подполье, организуясь в децентрализованные сетевые структуры. При благожелательном отношении к ним властей, привлечении их к парламентской и экономической деятельности, они, наоборот, нередко достаточно уверенно интегрируются в политические системы своих стран. Это можно полностью отнести, например, к первой организации такой направленности – египетским «Братьям-мусульманам», основанной шейхом Хасаном аль-Банной в декабре 1928 года.

Обличение социального неравенства, коррупции, процветавшей в монархическом Египте, выступления против засилья в стране и в целом на Арабском Востоке британского колониализма (в нем «Братья» видели продолжение нового «крестового похода» европейских держав против ислама и мусульман), кампании протеста против сионизма и сионистского проникновения в Палестину, «священную землю ислама», – все это обеспечило популярность движения «Братьев» среди широких масс египтян. Организация «Братья-мусульмане» выражала настроения наиболее консервативных групп мелкой буржуазии, которые выступали за создание «общества социальной справедливости и борь-

¹ Сейджман М. Сетевые структуры терроризма. – М., 2008. – С. 145.

бу с английскими колонизаторами». К концу сороковых годов «Братья» вели за собой сотни тысяч, а может быть, и миллионы последователей. Их социальной базой сначала были обездоленные городские слои – «маргиналы», затем они стали вербовать сторонников среди студентов, служащих, рабочих, офицеров. Ассоциация унаследовала от старинных тайных мусульманских сект, в частности от низаритов (исмаилитская подсекта), глубокую религиозность и символизм, проведение четкого различия между рядовыми членами и «посвященной» элитой (у египетских «Братьев-мусульман» существуют четыре степени членства: «общая принадлежность», «братская принадлежность», «активное членство», «активные бойцы» или «моджахеды»; последние пополняют тайное крыло организации, так называемые боевые группы «Братьев»). Эти черты сочетались с полнейшей централизацией под жестким руководством вождя, созданием системы ячеек с руководителями, подобранными и назначенными сверху. Организация создала женские секции, бойскаутские организации и спортивные клубы. Она увеличила свое влияние, открывая клиники, школы для детей и взрослых, кооперативы, дома престарелых. «Братья» умело манипулировали массами на митингах и демонстрациях¹. Таким образом, БМ превратилась в массовую организацию с большой сетью ячеек на местах, у нее имелись отряды молодежи, военизированные батальоны, тайные террористические группы.

Пик влияния «Братьев» пришелся на конец сороковых годов. В тот период ассоциация установила контакты с антимонархической подпольной организацией «Свободные офицеры», развернула террор против политических деятелей Египта, проявлявших проанглийские симпатии. Одновременно лидеры ассоциации, беспринципно сотрудничая с королевским двором, консервативными богословскими кругами и египетскими правыми партиями, готовили государственный переворот. План был раскрыт и

¹ Васильев А.М. Египет и египтяне. – М., 1986. – С. 233.

сорван правительством, в этот же период Хасан аль-Банна был убит агентом полиции. Ассоциация временно была объявлена вне закона, затем снова легализована в 1951 г. После революции 1952 г. сотрудничество БМ с правительством «Свободных офицеров» продолжалось недолго, поскольку план установления «исламской опеки» над новым режимом провалился. Вскоре ассоциация выступила против выдвинутой Г.А.Насером программы социально-политических преобразований. После покушения «Братьев» на жизнь египетского президента в 1954 г. их организация была запрещена, многие ее члены репрессированы, другие ушли в подполье¹.

«Братья» постоянно лавировали в политическом процессе Египта, дифференцируя свою деятельность от поддержки того или иного режима до его полного неприятия и даже борьбы, в том числе террористической, с ним. Однако большинство отколовшихся от «Братьев» радикальных структур, таких как «Джихад ислами», «ат-Такфир ва-ль Хиджра» и др., стали для египетских авторитарных режимов настоящей головной болью. Как известно, боевики «Джихад ислами» осуществили успешный террористический акт в отношении президента Египта А.Садата в 1981 году.

Новый президент Египта Х.Мубарак, развернув преследование наиболее экстремистских фундаменталистских организаций («Джихад ислами», «ат-Такфир ва-ль Хиджра»), в то же время, пошел на некоторые уступки умеренным фракциям «Братьев». Их идеологическое проникновение во все сферы египетской жизни в этот период достигает своего апогея, что вынуждало руководство страны и ведущие политические партии считаться с ними. «Братья» приняли участие в выборах 1997 г., выступив в блоке с правобуржуазной партией ВАФД, получившей поддержку значительной части египетских изби-

¹ *Добаев И.П.* Политические институты: идеология и практика. – Ростов н/Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2001. – С. 19.

рателей, что дало основание Верховному наставнику «Братьев» Мухаммаду Абу Насеру заявить о возможности прихода к власти мирным, парламентским путем. На очередных выборах «Братья» выступили в составе возникшего в стране «Исламского союза», который получил 60 мест в парламенте, за него отдали свои голоса 17% избирателей. Используя легальные парламентские возможности, представители ассоциации требовали введения шариатского законодательства, «решительной борьбы с коммунизмом», выступали против египетско-израильского сотрудничества.

После свержения режима Х.Мубарака весной 2011 года шансы «Братьев» на политическое лидерство в Египте заметно возросли. «Братья-мусульмане» составили большинство в парламенте, а в июне 2012 г. лидер «Братьев» – М.Мурси стал президентом страны.

Однако такое развитие ситуации характерно не только для Египта. Например, в Турции с 2002 г. у власти находится исламистская Партия справедливости и развития (ПСР), которая имеет мало общего с традиционно правившими ранее в Турции правоцентристскими партиями. Следует подчеркнуть, что на парламентских выборах в июне 2011 года ПСР получила большинство мест в главном законодательном органе Турции и право сформировать правительство. Исламистские тенденции набирают обороты и в других государствах, особенно подвергшихся в 2011 г. «цветным революциям», среди них выделим Тунис и Ливию. Аналогичные процессы фиксируются и во многих других странах арабского Востока – Алжире, Мавритании, Марокко, активизировались исламисты в Сирии и Йемене.

Следует подчеркнуть, что большинство образовавшихся на идеологической и организационной основе египетских «Братьев-мусульман» многочисленных религиозно-политических экстремистских группировок далеки от интеграции в политические системы своих стран, и ведут неустанную борьбу с режимами «тагутов» (узурпаторов), используя в этих целях все средства,

в том числе и террористического характера. Естественно, по таким группировкам власти наносят жестокие удары, вследствие чего они нередко переходят в подполье.

Вместе с тем, в 90-х годах прошлого века мир стал свидетельством объединительных процессов в радикальном исламистском движении. Экстремисты в тот период времени контролировали Афганистан, Судан и отчасти Чечню, рассчитывали расширить плацдарм своего могущества, все чаще говорили о воссоздании халифата, исламизации мирового пространства и т.д. В 1998 г. им даже удалось создать т.н. «Мировой фронт джихада», под сенью которого произошло объединение наиболее одиозных экстремистских группировок «исламского мира». Уверенно создавалась иерархическая сетевая структура глобального масштаба, с претензиями на мировое господство, во главе с лидером «Аль-Каиды» – Усамой бен-Ладеном.

С середины 90-х гг. одним из направлений деятельности бен-Ладена становится его участие в осуществлении идеи «прорыва» движения исламского фундаментализма в южные регионы России. Особо пристальное внимание бен-Ладена вызвали активные действия чеченских сепаратистов. Замысел, связанный с поддержкой этого движения, по всей видимости, предусматривал ускорение процесса создания на территории Чечни независимого исламского государства, которое должно было стать не только символом, но и полигоном институционального строительства в духе идей радикального исламизма, плацдармом для образования других, независимых от Российской Федерации исламских республик на Северном Кавказе.

Пик интереса бен-Ладена к северокавказскому региону России пришелся на 1999 г., поскольку уже с середины этого года он приступил к финансированию операции по проникновению боевиков из числа арабских и афганских моджахедов в составе дагестанских и чеченских бандформирований на территорию Дагестана. Очевидно, что бен-Ладен и его ближайшее окружение

приняли решение о необходимости перехода от практики проведения разовых терактов, требующих длительной и тщательной подготовки, но дающих относительно невысокий эффект, к организации масштабных боевых действий. Такая тактика, по замыслам ее инициаторов, должна была привести к расширению их поддержки даже со стороны режимов, негативно относящихся к политической практике исламских экстремистов. При этом сам бен-Ладен определил для себя роль общего стратега и международного координатора, аккумулирующего в своих руках и распределяющего поступающую из мусульманских стран материальную помощь. Такая позиция руководства мирового «исламского» терроризма и стала одной из основных причин, побудивших лидеров дагестанских, чеченских и зарубежных «ваххабитов» совершить в августе 1999 г. агрессию против Дагестана¹.

Однако после событий 11 сентября 2001 г. и в результате начавшейся антитеррористической кампании под эгидой США повсюду стала фиксироваться децентрализация структур радикальных исламистов. Их отличительной особенностью стала высокая степень адаптации к реалиям современного мира. Хотя и остались действующие строго иерархически группировки, большинство все же получили «размытые» управленческие механизмы, появились структуры, организованные по типу «паучьей сети», а также и полностью независимые.

Например, до 11 сентября 2001 года «Аль-Каида» была централизованной организацией, использовавшей Афганистан как штаб для выработки стратегии, планирования терактов и отправки боевиков в различные точки земного шара. После того как «Аль-Каида» потеряла Афганистан, структура организации претерпела значительные изменения. Теперь «Аль-Каида» стала более децентрализованной. Так как бен-Ладен перешел на подпольное положение, командуя операциями и руководителям

¹ Добаев И.П. Политические институты исламского мира. – Ростов н/Дону, 2001. – С. 62-63.

отдельных ячеек приходилось брать на себя большую ответственность и принимать решения, которые ранее были исключительной прерогативой бен-Ладена.

Однако, как свидетельствует мировой опыт, децентрализующиеся радикальные исламистские структуры обладают повышенными способностями к регенерации, а, кроме того, в их состав постоянно осуществляется приток свежей крови. Например, как сообщалось на сайте газеты New York Times, данные с захваченных американцами в Пакистане компьютеров исламистов свидетельствуют, что в «Аль-Каиде» появилось новое поколение лидеров взамен убитых и арестованных. Американские эксперты пришли к выводу, что на руководящие позиции в «Аль-Каиде» выдвинулись люди, которые ранее находились внизу иерархической лестницы. Кроме того, быструю карьеру делают и недавно вступившие в эту организацию. Эта новая картина противоречила прежнему мнению американского руководства о том, что всемирная террористическая сеть обескровлена и лишилась большинства своих руководителей. Вместе с тем, представители американских спецслужб сошлись во мнении, что «Аль-Каиде» удалось сохранить определенную степень централизации. После успешного свержения режима талибов в Афганистане американские спецслужбы придерживались другой версии относительно структуры «Аль-Каиды». Тогда они ошибочно полагали, что организация была полностью децентрализована и превратилась в ассоциацию независимых террористических группировок¹.

Следует также подчеркнуть, что фигура бен-Ладена, несмотря на заявления об его уничтожении «морскими котиками» США во время спецоперации в Пакистане в 2011 году, до сих пор вдохновляет боевиков, которых он обучил и рассеял по всему миру, а также членов небольших экстремистских группировок и бойцов-одиночек, разделяющих его идеологию. В результате, на

¹ «Аль-Каида» отрачивает новые головы взамен отрубленных // Lenta.ru. – 2004. 11 авг.

сегодняшний день «Аль-Каида» представляет собой сеть из плохо связанных друг с другом региональных организаций с ослабленным центральным руководством. Руководство стимулирует отдельные организации на осуществление терактов, порой помогает им деньгами и советами, а также обучает их боевиков таким навыкам, как производство взрывных устройств или бой в городских условиях. Тем не менее, о современном террористическом движении сегодня уместнее говорить как о разветвленной децентрализованной сетевой структуре, или даже такого же рода движении.

Как отмечает М.Сейджман, группу людей можно рассматривать как сетевую структуру, как собрание точек, соединенных между собой связями. Некоторые из них более популярны и подсоединены к большому количеству связей, соединяющих их с другими, более изолированными точками. Эти точки с большим количеством связей, именуемых узлами, являются важными компонентами террористической сети. Несколько узлов с большим количеством связей доминируют в архитектуре глобального салафитского джихада. Центральный аппарат, ближневосточные арабы, магрибские арабы и представители Юго-Восточной Азии являются крупными кластерами, сформированными вокруг таких узлов, какими являлись или являются их лидеры (Усама Бен-Ладен, Айман аз-Завахири, Халид Шейх Мухаммед, Заин аль-Абидин Мухаммед Хусейн и Абу Бакар Баасир). Характерно, что после 1996 г. Центральный аппарат во главе с Усамой бен-Ладеном непосредственно уже не участвовал в проведении террористических операций, но три остальных кластера были связаны с контактными лицами Центрального аппарата через своих «офицеров связи» на местах¹.

С провозглашением в 2007 г. Доку Умаровым «Имарата Кавказ» можно говорить об ускоренном формировании на Северном Кавказе очередного крупного террористического кластера,

¹ Сейджман М. Сетевые структуры терроризма. – М., 2008. – С. 146.

ставшего частью иерархической сетевой структуры «исламского мира». Однако сетевые структуры террористов в северокавказском регионе России стали формироваться задолго до инициатив Д. Умарова. Поражение сепаратистов в Чечне, распыление салафитского движения в других республиках Северного Кавказа трансформировало «сопротивление» частично в «партизанщину», частично в мобильные, слабо связанные между собой сетевые террористические группировки.

Наиболее характерной формой самоорганизации радикалов на Северном Кавказе стали т.н. «джамааты», которые выстроены, в целом, по этническому принципу, и действуют, в основном, в рамках «своих» республик. Поскольку в результате естественной убыли боевиков старшего поколения «джамааты» пополняются молодыми людьми, их нередко в научных изданиях и публицистике называют «молодежными джамаатами»¹.

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что «молодежные джамааты», как замкнутые ячейки молодых мусульман-радикалов, появились на Северном Кавказе в 70-е гг. XX в. Первоначально они выделились именно как молодежные из суфийских общин. Например, братья Кебедовы были мюридами одной из суфийских общин в Дагестане. Однако в те годы радикализм «молодежных джамаатов» не был так ярко выражен, тем не менее, они быстро попали в поле зрения органов госбезопасности, и были разгромлены. Однако в начале 90-х гг. они вновь оформились, при этом четко позиционируясь в качестве оппозиции к Духовным управлениям мусульман и традиционному в регионе исламу. Тогда же в республики Северного Кавказа стали возвращаться молодые люди, получившие исламское образование за рубежом. Они и начали создавать эффективные молодежные сетевые структуры, среди которых выделялся Кабардино-Балкарский джамаат, кото-

¹ См. об этом подробнее: *Добаев И.П.* Терроризм и антитеррористическая деятельность на Юге России. – Москва – Ростов н/Дону: Социально-гуманитарные знания, 2011. – С.19-28.

рый в 90-х был известен как Кабардино-Балкарский исламский центр, а затем – Кабардино-Балкарский институт исламских исследований. Лидеры джамаата – А. Астемиров, М. Мукожев, Р. Кудиев – получили мусульманское образование за границей. Они успешно вели агитационно-пропагандистскую работу, а их проповедь была эффективной, в полемике они явно переигрывали официальных и традиционных имамов. Аналогичные «джамааты» были созданы и в других северокавказских республиках¹.

Согласно экспертным оценкам, сегодня эти джамааты представляют собой организации, структурно включающие в себя старший, средний и младший руководящий состав, а также рядовых членов².

В старший руководящий состав джамаата входят: главный амир (руководитель), который осуществляет общее руководство и финансирование джамаата, вырабатывает общую стратегию разведывательно-подрывной деятельности в зоне ответственности и поддерживает связь с ведущими лидерами НВФ; амир-командующий джамаатом – лицо, непосредственно занимающееся разработкой тактики осуществления разведывательно-подрывных акций в соответствии с общим замыслом, выработанным главным амиром, а также ведающее решением текущих вопросов деятельности джамаата; духовный наставник джамаата – фактически является главным идеологом, отвечает за морально-психологическое состояние рядовых членов и осуществление пропаганды экстремистских идей в зоне территориальной ответственности.

¹ См. об этом подробнее: *Добаев И.П.* «Молодежные джамааты» – сетевая форма самоорганизации террористических группировок на Северном Кавказе // Кавказ – наш общий дом!: Сб. тезисов и докладов II междунауч.-практ. конф. (23-24 сент. 2010 г., ИППК ЮФУ, Ростов н/Дону). – Ростов н/Дону – Москва: Социально-гуманитарные знания, 2010. – С. 291-295.

² *Добаев И.П.* Современный терроризм: социально-политическое явление эпохи глобализации // Южно-Российский Форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. – 2010. №1. – С. 92-93.

Средний руководящий состав джамаата составляют амиры-заместители командующего. Данные лица осуществляют непосредственное руководство боевыми группами. Из числа амиров-заместителей командующего назначается первый заместитель, который в случае непредвиденных обстоятельств, связанных с гибелью, арестом или недееспособностью амирав-командующего, берет на себя функции по руководству дальнейшей деятельностью джамаата.

Младший руководящий состав джамаата представлен в лице командиров боевых групп, которые непосредственно подчиняются амирам-заместителям командующего и руководят действиями рядовых членов.

Рядовой состав джамаата составляют члены боевых групп, которые непосредственно осуществляют разведывательно-подрывную деятельность. Они подчиняются командиру своей боевой группы, а также амиру-заместителю командующего, которому подчинена данная группа. Общая численность группы, как правило, насчитывает 5 человек. Рядовые члены джамаата за невыполнение приказа, проявленную в бою трусость или при подозрении в связях с федеральными силами могут быть казнены без всяких расследований и судебных разбирательств.

Изложенное свидетельствует, что структура «джамаатов» копирует внутреннее устройство многих зарубежных низовых исламистских организаций. Например, партию «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» («Партия исламского освобождения»), основанную в 1953 году в Восточном Иерусалиме судьей местного шариатского суда Такиуддином ан-Набхани. Структура этой партии носит сетевой характер: низовые ячейки (халки) разбиты по пять человек. Каждую из них возглавляет руководитель – амир, который подчиняется вышестоящему руководству. Не только члены низовых ячеек не знают друг друга, но даже сами амиры не всегда знакомы между собой. Амир поддерживает отношения с руководством только по Интернету, получая указания от вышестоящего

начальства. Все это позволяет избежать крупных провалов, а при необходимости полностью отмежеваться от принадлежности и членства в партии¹.

Попутно отметим, что стратегический центр «Хизб ут-Тахрир» находится в Лондоне и работает в тесной связи с МИ-6². Напомним также, что Великобритания располагает колоссальным историческим опытом инспирации в своих геополитических интересах исламистских движений во многих точках мира. В частности, она активно поддерживала банды басмачей, действовавших, начиная с 1918 года, на территории Средней Азии и Афганистана. Следует подчеркнуть, что отдельные вылазки бандитов и диверсии английской агентуры на территории советских среднеазиатских республик продолжались до 1939-40 гг. Последние басмаческие группы исчезли лишь после того, как в 1942 году союзники по антигитлеровской коалиции СССР и Великобритания договорились о прекращении взаимной враждебной деятельности с территории Ирана и Афганистана, что свидетельствует именно о геополитическом характере поддерживавшегося извне басмаческого движения³.

Подобно «хизбовцам», в структуре северокавказских «джаматов» существуют строгие меры конспирации: рядовой состав знает только членов своей «пятерки». На проводимых совещаниях присутствует только руководящий состав, рядовые члены – не допускаются.

¹ См. об этом подробнее: *Сухов А.В.* Радикальный ислам в Киргизской Республике: история и современность. – Ростов н/Дону: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2008. – С. 6-30.

² На свидание с Аллахом не бывает опозданий. Халифат и либералы: о чем молятся столичные правозащитники? // *Русский выбор*. – 2012. – № 21-22. – 1-4 июня.

³ См. об этом: *Зевелев А.И., Поляков Ю.А., Чугунов А.И.* Басмачество: возникновение, сущность, крах. – М.: Наука, 1981; *Соцков Л.Ф.* Неизвестный сепаратизм: на службе СД и Абвера. – М.: Рипол Классик, 2003.

Сегодня подполье практически во всех северокавказских республиках состоит из трех главных сетевых звеньев, обеспечивающих воспроизводство и даже усиление террористического движения¹. Первое звено состоит из боевиков, которые принимают непосредственное участие в диверсионно-террористической деятельности. Его естественное пополнение происходит за счет второго звена, состоящего из близких и дальних родственников, входящих в состав большой семьи, рода, братства, тейпа и т.д. Однако чаще всего данное звено формируется из жен, братьев, сестер, а также из односельчан боевиков. Их главная функция состоит в обеспечении тылового прикрытия активных членов банд, а также в пополнении отрядов боевиков в результате понесенных ими потерь. Часто такое происходит, особенно в условиях Северо-Восточного Кавказа, когда в результате гибели состоявших в джихадистской сети близких родственников начинает действовать институт кровной мести. Третье, самое многочисленное звено, занимает особо важное положение в обновленческом процессе подполья. Оно, как правило, состоит из сочувствующих и симпатизирующих исламистам молодых людей, ставших носителями исламистской идеологии, прежде всего, под влиянием специфических проповедей в местных мечетях, а также через посещение ими Интернет-форумов, которые сегодня являются эффективной базой для исламистских пропагандистов.

Сложившаяся сетевая система «Имарата Кавказ» при всей своей аморфности существенно повышает степень выживаемости всей сети в целом. Как уже отмечалось, основу северокавказского подполья образуют т.н. «джамааты», которые создаются по территориальному и одновременно этническому принципу, поскольку границы населенных пунктов практически всегда совпадают с границами расселения отдельных этнических групп.

¹ Текушев И. Имарат Кавказ как особая исламская «этно-фундаменталистская модель» [Электронный ресурс] – Режим доступа: // <http://www.bs-kavkaz.org/2012/03/>.

В результате первичные единицы разветвленной террористической сети – джамааты – представляют собой этнически однородные коллективы.

Совокупность таких первичных ячеек (джамаатов) на уровне районов и в целом северокавказских республик образует соответствующие, сетевым образом оформленные, исламистские «сектора» и «валайяты», из которых, в свою очередь, состоит «Имарат Кавказ». Несмотря на то, что «Имарат Кавказ» отрицает значимость расового, этнического и др. факторов, отличающих мусульман друг от друга, в реальной действительности подполье не может существовать в отрыве от сложившейся системы разделения зон влияния между этносами, особенно в условиях террористической войны, когда жизнеспособность и неуязвимость подполья обеспечивают тылы, опирающиеся на родоплеменные отношения (тейпы в Чечне и Ингушетии, родоплеменные связи в Дагестане, Кабардино-Балкарии и других северокавказских республиках). Именно в силу этого руководство Чечни и Кабардино-Балкарии достаточно эффективно используют практику коллективной ответственности родов и тейпов за связи и поддержку бандподполья¹.

Основную массу боевиков, как отмечают исследователи из ЮНЦ РАН, составляют представители северокавказских этносов. Как правило, это мужчины в возрасте от 25 до 35 лет (их доля составляет не менее 50 процентов от общей численности), вторыми по степени вовлеченности являются молодые люди до 25 лет, их доля соответственно составляет примерно 30 процентов². Официальные статистические данные, представленные Национальным антитеррористическим комитетом (НАК) также свидетельству-

¹ Там же.

² Матишов Г.Г., Пащенко И.В. Терроризм как главная угроза национальной безопасности на Юге России // Приоритетные направления стратегии национальной безопасности Российской Федерации. – Ростов н/Дону: Изд-во СКАГС, 2011. – С. 28.

ют о преимущественно молодежном составе бандформирований. Так, из 92 ликвидированных в октябре 2005 года боевиков – участников вооруженного нападения на объекты правоохранительных органов в Нальчике (Кабардино-Балкарская Республика), 58 были молодыми людьми в возрасте до 25 лет. Средний возраст нейтрализованных в 2005-2007 гг. в Карачаево-Черкесской Республике членов диверсионно-террористической группы Ачмеза Гочияева (одного из организаторов взрывов жилых домов в Москве в 1999 г.) также составил 26-27 лет. Статистика также говорит о том, что из 546 членов незаконных вооруженных формирований, сдавшихся правоохранительным органам в период амнистии (по данным на октябрь 2009 г.), объявленной Госдумой РФ по инициативе НАК, около 80 процентов составили молодые люди в возрасте от 19 до 30 лет. Таким образом, основу рядового состава бандформирований и его пополнения составляют именно молодые люди, которые в силу ряда социально-психологических, физиологических и демографических особенностей наиболее восприимчивы к идеологическому воздействию, подвержены максимализму и радикальным настроениям¹.

Представляют интерес данные последних двух лет, которые свидетельствуют о тенденции «старения» активных боевиков: если прежде среди «непримиримых» было немало юношей 16-17 лет, то сегодня их возрастная планка поднялась, в результате чего «самыми молодыми» стали люди от 20 лет и старше. Вместе с тем, как правило, активные члены бандгрупп имеют среднее и даже высшее образование, располагают стажем трудовой деятельности².

¹ Ильин Е.П. Актуальные проблемы противодействия вовлечению молодежи в террористическую деятельность // Противодействие идеологии экстремизма и терроризма в рамках реализации государственной молодежной политики: Мат. науч.-практ. конф. (12-14 октября 2009 г., Ростов-на-Дону). [Электронный ресурс] // Национальный антитеррористический комитет [Официальный сайт]. URL: <http://www.nak.fsb.ru>. Рубрика «Публикации».

² Матишов Г.Г., Пащенко И.В. Указ соч. – С. 28.

В рядах боевиков имеется некоторое количество наемников, как из дальнего, так и из ближнего зарубежья. Среди «дальних» чаще – идеологические проповедники, финансовые посредники, инструкторы, а «ближние», как правило, выступают просто в роли бойцов, хотя бывают и исключения. Если в «первую чеченскую», а также в начале 2000-х в регионе воевали представители стран Ближнего и Среднего Востока, то теперь их стало значительно меньше, а их место все активнее занимают граждане ныне суверенных постсоветских республик, а также и собственно России. Относительно новым явлением стало появление «русских ваххабитов» – тех русских, которые воюют и совершают диверсионно-террористические акты на территории Северного Кавказа¹.

Появившийся на Северном Кавказе новый крупный террористический кластер М.Сейджман, как и другие аналогичные образования, относит к сетевым структурам «малого мира», в отличие от глобальной иерархической сетевой структуры Усамы бен-Ладена 90-х гг. Сетевые структуры «малого мира», как подчеркивает М. Сейджман, обладают интересными свойствами: в отличие от иерархической сетевой структуры, которую можно ликвидировать, обезглавив ее, уничтожив ее руководство, сетевая структура «малого мира» сопротивляется дефрагментации по причине своей плотной взаимосвязанности. Можно произвольно удалить значительную часть составляющих ее точек-фигур без особых последствий для ее целостности. Где сетевая структура «малого мира» уязвима для прицельного удара, так это в своих узловых точках. Если достаточное количество таких узлов уничтожены, то сеть распадается на изолированные и лишенные связи острова, состоящие из точек...².

«Имарат Кавказ» – это сетевая структура «малого мира», возникшая на базе т.н. «Кавказского фронта», включавшего в свой состав множество местных «фронтов», сконструированного Аб-

¹ Там же. – С. 29.

² Сейджман М. Указ. соч. – С. 149.

духалимом Садуллаевым, предшественником Д.Умарова на посту «президента Ичкерии».

По территориальному устройству «Имарат Кавказ» состоит из ряда входящих в него субъектов – вилайетов (валайатов). Первоначально он был разделен на шесть вилайетов: Дагестан, Нохчийчо (Чечня), Галгайче (Ингушетия), Иристон (Северная Осетия), Ногайская степь (Ставропольский край), а также объединенный вилайет Кабарды, Балкарии и Карачая. В мае 2009 г. указом Д.Умарова вилайет Иристон был упразднен и включен в состав вилайета Галгайче. Таким образом, верховный амир «Имарата Кавказ» разрешил давний территориальный спор между ингушами и осетинами в рамках придуманного им «государства». При «верховном амуре» «Имарата» созданы функциональные структуры – мухабрат (разведка и контрразведка), шариатский суд, «министерство по связям с общественностью», «военное министерство» и др. Весной 2009 г. Д.Умаров оснастил свой «Имарат» дополнительным атрибутом государственности, созвав представительный орган – Маджлис уль-Шура. Туда входят главы вилайетов (регионов) и наиболее заметные руководители «джамаатов» (местных бандгрупп). Маджлис уль-Шура представляет собой аналог верхней палаты парламента, имеющей, однако, лишь совещательные функции, всей полнотой власти располагает только верховный «амир». В свою очередь, во главе каждого вилайета стоит свой амир (глава субъекта), обладающий властными полномочиями на курируемой территории. Он, в свою очередь, отбирается из числа амиров местных джамаатов (глав районов, совмещающих полномочия командиров мобильных банд). При амуре вилайета, как и при верховном амуре «Имарата», как правило, действует меджлис – совещательный орган из наиболее авторитетных представителей общины¹.

¹ Боброва О. Имарат Кавказ. Государство, которого нет // Новая газета. № 22. – 2010. – 3 марта.

Если сравнить структуру «Имарата Кавказ» со структурами аналогичных зарубежных исламистских образований, то нетрудно обнаружить их внутреннее сходство. Например, в 90-х гг. в структуру «Аль-Каиды» входили: «Шура», или Консультационный Совет – узкий круг близких соратников бен-Ладена, большинство из которых находились с ним в тесных отношениях еще со времен Афганистана; «Шариа» и Политический комитет, отвечавшие за издание «фатв» – постановлений, основанных на законах шариата и предписывающих или оправдывающих определенные действия, включая убийства; Военный комитет, ответственный за выбор потенциальных мишеней, разработку и осуществление операций и управление тренировочными лагерями; Финансовый комитет, ответственный за сбор средств, финансирование тренировочных лагерей, оплату проживания, расходов, поездок членов сети и движение финансовых потоков, необходимых для проведения операций; Комитет иностранных закупок, отвечавший за приобретение оружия, взрывчатых веществ и оборудования; Комитет безопасности, отвечавший за защиту членов сети, сбор разведывательной информации и контрразведку; Комитет информации, отвечавший за ведение пропагандистской работы¹.

Не стоит думать, что эта структура отражала цепочку командования при организации каждой конкретной террористической операции. С ее помощью осуществлялась общая координация действий «Аль-Каиды», в том числе и обеспечение материальной поддержки терактов. Но как только принималось решение о проведении конкретной акции, ее организация поручалась засекреченной ячейке «Аль-Каиды», состоявшей из тщательно отобранных членов сети. Такую ячейку всегда возглавлял один из высокопоставленных боевиков «Аль-Каиды», подчинявшийся лично бен- Ладену.

¹ «Аль-Каида» отрачивает новые головы взамен отрубленных // Lenta.ru. – 2004. – 11 авг.

Аналогичное можно сказать и об «Имарате Кавказ», имеющей в своем составе, в том числе, и засекреченные ячейки типа пресловутой группировки террористов «Риядус-Салихийн» («Сады праведных»). Отсюда усматривается, что не только в идеологическом, но и в организационном отношении северокавказские террористы следуют в фарватере построений их более опытных коллег из других стран мусульманского Востока.

Таким образом, на смену централизованным террористическим организациям прошлого пришли транснациональные сетевые структуры, состоящие из автономных ячеек, способные в русле общего идейно-политического направления проводить террористические атаки в любой географической точке планеты. В структурном плане наиболее распространенной и опасной моделью построения международной террористической сети является сегментированная, полицентричная, идеологически интегрированная сеть. В рамках таких сетей свое место нашли и криминальные организованные группы, и теневой бизнес. Круг потенциальных участников подобных сетей оказывается практически неограниченным. Переплетение различных сетей друг с другом (террористических, финансовых, криминальных (наркотрафик, нелегальная торговля оружием, людьми и др.)) вообще придает возникающему сетевому конгломерату новые качества и делает его совершенно автономным, еще более аморфным, чем ранее, и при этом трудно уязвимым¹.

Эффективность организации таких террористических сетей и входящих в их состав боевых групп обуславливается повышением уровня координации действий, расширением организационных возможностей, а также активизацией обменов информацией, в том числе в режиме реального времени. В результате такого рода террористические сети оказываются почти идеально адаптированными к условиям так называемых «роевых» войн или войн

¹ Соловьев Э.Г. Трансформация террористических организаций в условиях глобализации. – М.: ЛЕНАНД, 2006. – С. 18-20.

с использованием принципа «боевой стаи»¹, когда за нанесением четко скоординированного по месту и времени удара прибывающих с разных направлений (из разных районов, республик и даже стран) боевиков и подразделений поддержки следует буквально «исчезновение», «растворение» боевой или террористической группы, вновь распадающейся на отдельные сегменты, стремительно исчезающие с места действия или сливающиеся с массой населения. Применение подобной тактики в конфликтах малой интенсивности было и остается весьма результативным даже против защищенных целей и военных объектов. Эффективна она и в современных крупных мегаполисах, поскольку целями террористических актов выступают слабо защищенные гражданские объекты и собственно население.

И, наконец, нельзя обойти вниманием деликатный вопрос взаимодействия радикальных исламистов с западными и прозападными правозащитными организациями. Например, по данным правоохранительных органов Узбекистана и Киргизии, ими неоднократно фиксировался один и тот же альянс исламистов из «Хизб ут-Тахрир» с антиправительственной оппозицией, возглавляемой либерально-правозащитными кругами. В частности, региональную террористическую группировку «Исламское движение Узбекистана» (ИДУ), идейно и организационно близкую к «Хизб ут-Тахрир», причастную к целой череде кровавых актов насилия, активно поддерживали западные правозащитные организации².

Аналогичная ситуация сложилась и на Северном Кавказе, где в последние годы активизировалась деятельность различных зарубежных неправительственных некоммерческих организаций.

¹ *Добаев И.П., Дугин А.Г.* Роль и место «цветных революций» в геополитических трансформациях в Каспийско-Черноморском регионе // Евразийский проект: кавказский вектор / Южнороссийское обозрение. Вып. 30. – Ростов н/Дону, 2005. – С. 76.

² На свидание с Аллахом не бывает опозданий...

Например, в Дагестане сформировались каналы легальной поддержки деятельности вооруженного экстремистского подполья через общественные объединения. Лидеры ряда организаций поддерживают контакты с экстремистами, подвергают резкой критике деятельность правоохранительных органов, обвиняя их в массовых нарушениях прав человека и гражданина. Такая позиция формирует у населения мнение о том, что, якобы, неоправданно жесткие действия правоохранительных органов являются одной из основных причин, побуждающих молодежь пополнять ряды боевиков.

Так, по утверждению дагестанской журналистки Г. Мурклинской, появление именно «правозащитной» организации с броским названием «Матери Дагестана» было обусловлено для дагестанского бандподполья объективной необходимостью. Основной целью было обеспечение легальных позиций для защиты интересов дагестанского бандподполья в судах и в СМИ, а также и создание условий для пополнения бандгрупп новыми кадрами. Мурклинская писала: «Как только молодые люди, начинающие интересоваться религией, попадают в поле зрения сотрудниц этой организации, начинается работа по психологической обработке юношей и девушек с целью вовлечения их в террористическую сеть. На молодых людей выводятся опытные вербовщики, действующие по той же системе, что и в сетевом маркетинге. Для «рекрутирования» новобранцев их завлекают – «разбойничьей романтикой», «шпионскими играми»: конспирация, тайные встречи, слежка, возможность владеть оружием (это же круто!) и, наконец, возможность противопоставить себя окружающим. В ход идут пронзительные видеофильмы и видеосюжеты о «моджахедах» и «шахидах» всех времен и народов, исторические видеосюжеты о том, как несправедливо устроен мир именно по отношению к мусульманам, как угнетают мусульман иноверцы и отступники, и каким прекрасным должен стать мир, если построить его по принципам шариата. Причем вся эта сред-

невековая конструкция в представлении молодых должна выглядеть как самое социально справедливое и динамичное общество. Конечно, любой хороший историк или экономист камня на камне не оставил бы от этих утопических идей, но для фанатизированного сознания молодых людей постепенно всякая наука, кроме того толкования ислама, которое дают им их новые кумиры-амиры, становится лишь враждебными исламу измышлениями, придуманными неверными, чтобы помешать мусульманам... В воспаленном сознании этих ребят «джихад» обретает черты мировой войны за справедливость, а смерть на этом пути некоторым кажется действительно достойной. Все вокруг, начиная от друзей до родителей, становятся врагами, все живут неправильно и это надо исправить, непременно «огнём и мечом». Вскоре появляется желание от слов перейти к делу. Здесь вновь нужны посредники, которые скажут молодым людям, где и как приобрести оружие, как его прятать, а главное, как попасть в лес...»¹.

Таким образом, изложенный материал позволяет сделать вывод о том, что внешнее влияние на процесс институционализации джихадистского движения, его структуру и систему организации в северокавказском регионе России носит несомненный, ярко выраженный характер. Вместе с тем, превалирующими следует считать многочисленные конфликтогенные внутренние факторы, подпитывающими терроризм. Кроме того, сложившаяся на Северном Кавказе террористическая модель основательно адаптирована под локальные социальные и этнополитические условия. Сегодня в регионе, как и в других уголках «исламского мира», сложилась разветвленная сетевая террористическая структура, обладающая такими специфическими институтами, как судебная власть (кадии), хорошо отработанной фискальной системой, а также и исполнительной властью в лице т.н. «амиров» различных

¹ Добаев И.П., Мурклинская Г.А., Сухов А.В., Ханбабаев К.М. Радикализация исламских движений в Центральной Азии и на Северном Кавказе. – Ростов н/Дону, 2010. – С. 144-145.

уровней, от «джамаата» – до «Имарата». Живучесть сложившейся системе придает сращивание идеологии радикального исламизма с северокавказскими традиционными социальными институтами и сложившимися современными общественно-политическими условиями. Родоплеменные связи, этнический фактор, территориальная привязанность помогают бандгруппам эффективно противостоять республиканским и федеральным силовым структурам. Иными словами, сращивание специфической, разработанной извне радикальной исламистской идеологии с северокавказскими социально-экономическими и этнополитическими реалиями сделало проект «Имарат Кавказ» жизнеспособным, что позволяет ему пока не только противостоять государству, но даже расширять географию своего влияния.

3.3. Формы и методы специфической политической практики северокавказских «джихадистов»

На протяжении последних двух десятилетий Российская Федерация находится в состоянии постоянного противодействия террористическим угрозам. Первые годы XXI века также отмечены крупными, тщательно подготовленными террористическими актами на территории нашей страны. Среди них особое место занимают подрывы пассажирских самолетов в Ростовской и Тульской областях; взрывы домов в Москве, Буйнакске и Волгодонске, захват театрального центра на Дубровке и школы в Беслане, нападения крупных бандформирований на Назрань, Грозный, Нальчик, подрывы скорого поезда № 166 «Невский экспресс», электропоезда «Кисловодск – Минводы» и др. Во всех указанных случаях теракты стали следствием деятельности бандподполья, функционирующего в ряде республик Северного Кавказа¹. Эксперты сегодня едины во мнении о том, что с начала 2000-х вследствие распыления организованного ичкерийского сопротивления, перехода на партизанские методы ведения боевых действий, а затем и из-за формирования на территории северокавказских республик подполья, сепаратистское движение перешло исключительно к диверсионно-террористическим формам и методам борьбы.

Террористическая война в последние годы в той или иной мере практически повсеместно распространилась по Северному Кавказу. При этом характерной тенденцией выступает то обстоятельство, что многие теракты последних лет были связаны с Чечней лишь опосредованно. Терроризм помолодел, интеллек-

¹ *Ильин Е.П.* Актуальные проблемы противодействия вовлечению молодежи в террористическую деятельность // Противодействие идеологии экстремизма и терроризма в рамках реализации государственной молодежной политики: Мат. науч.-практ. конф. (12-14 октября 2009 г., Ростов-на-Дону). [Электронный ресурс] // Национальный антитеррористический комитет [Официальный сайт]. URL: <http://www.nak.fsb.ru>. Рубрика «Публикации».

туально окреп, демонстрирует способность к самоорганизации и самовоспроизводству. Особенно тревожная ситуация в последние годы фиксируется в Дагестане, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, несколько улучшилась обстановка в Ингушетии, а также в Чечне.

В контексте непрекращающихся террористических атак представляют исследовательский интерес не только основы идеологических доктрин и направления эволюции структур радикальных исламистов, но и формы осуществления ими своей специфической практики. Как представляется, таких форм деятельности, в самом общем виде, можно выделить четыре: диверсионно-террористическую, идеолого-пропагандистскую и информационную, структурно-организационную, а также финансово-экономическую. Два последних направления рассматриваются во втором и четвертом параграфах настоящей главы, поэтому детальнее остановимся только на двух первых – идеолого-пропагандистской и информационной, а также диверсионно-террористической деятельности северокавказских джихадистов.

Идеолого-пропагандистская и информационная работа, безусловно, выступает дополнительным, не основным видом деятельности террористов, и призвана обеспечивать постоянный приток носителей идеологии радикального исламизма в ряды подполья, а также оправдывать соответствующими псевдорелигиозными постулатами специфическую диверсионно-террористическую практику боевиков. В свою очередь, она, в аналитических целях, может быть разделена на идеолого-пропагандистский и информационный блоки.

Идеолого-пропагандистская работа исламистов включает в себя воспитательную, пропагандистскую деятельность, а также идеологическое давление на тех, кто противостоит подполью.

Основным объектом собственно «воспитательной» работы являются молодые люди, и радикалы делают многое для того, чтобы они, прежде всего, стали носителями исламистской иде-

ологии. Эта задача серьезно облегчена крушением Советского Союза и деидеологизацией российского общества. Однако идеологическая сфера, как известно, не терпит вакуума, и на смену одной идеологической системы приходит другая. Когда государство не занимается идеологической и идейно-воспитательной работой, когда оно не пропагандирует созидательные ценности – тогда молодые люди оказываются открытыми для любых манипулятивных воздействий. В условиях, характерных для ряда республик Северного Кавказа (идеологическая и религиозная дезориентация, социальная незащищенность, массовая безработица, снижение авторитета властных и официальных религиозных структур, коррупция, клановость, высокий уровень криминализации и сложная иерархичность внутреннего социального устройства, фактическая отчужденность значительной части населения, особенно молодежи, от общественно-политических процессов), экстремистские идеи, предлагающие простые решения назревших проблем, нередко находят свою питательную почву.

Действительно, сегодня по возрастному составу участников террористического движение является преимущественно молодежным. При этом по социальному положению оно, в основном, состоит из низших слоев общества (материально необеспеченных, безработных, с приниженным социальным статусом, с невысоким образованием и т.д.), хотя встречаются молодые люди и из обеспеченных семей, с хорошим образованием.

В этой связи в последние годы специалистами фиксируется процесс активизации проникновения вербовщиков северокавказского бандподполья в образовательные учреждения и молодежную среду в целом. Этими вербовщиками в подпольные террористические сети стали люди, прошедшие специальную подготовку в лагерях боевиков и в иностранных исламских вузах. Поскольку новый сетевой принцип организации бандподполья предполагает опору на более интеллектуально развитую молодежь, постольку активный поиск сторонников ведется вербовщиками среди

студентов вузов и аспирантов, особенно тех, кто уже успел основательно ознакомиться с экстремистскими идеями, содержащимися в печатных, и электронных средствах информации, включающей обширную литературу радикального содержания, аудио– и видеоматериалы, многочисленные исламистские сайты в Интернете и т.д.

Последующая идеологическая обработка осуществляется различными путями и способами: в процессе личного общения, через деятельность «ваххабитских» общин и создание «молодежных джамаатов», в которых проповедническую деятельность ведут молодые имамы, получившие религиозную подготовку в зарубежных исламистских центрах. Неудивительно поэтому, что для части молодого поколения актуальными оказались идеи насилия, экстремизма. Именно из их среды радикалам удалось наладить процесс воспроизводства кадров боевиков в регионе.

Навязываемая экстремистами система взглядов является привлекательной для части молодых людей в силу простоты и однозначности своих постулатов, обещаний возможности незамедлительно, сей же час, увидеть результат своих, пусть и агрессивных, действий. Необходимость личного участия в сложном и кропотливом процессе экономического, политического и социального развития подменяется примитивными призывами к полному разрушению существующих устоев и замены их утопическими проектами. Вместо трудоемкого и долгого изучения теологических наук, позволяющих сформировать целостную картину мира и религии, идеологи терроризма предлагают набор вырванных из контекста цитат сакральных источников мусульманства, обосновывающих необходимость постоянной борьбы с «кафирами», «муртаддами» и «мунафиками».

В настоящее время, как подчеркивает первый заместитель руководителя аппарата Национального антитеррористического комитета Е.П. Ильин, основными постулатами главарей бандподполья, используемыми при привлечении новых членов, являются:

– неприятие ценностей, как светского общества, так и традиционного ислама, приоритет в использовании экстремистских и террористических методов для борьбы с ними;

– развитие комплекса «обиды» за «длящиеся столетиями геноцид и угнетение титульных народностей» со стороны «культурно, этнически и духовно чуждого имперского федерального центра»;

– недоверие к федеральным и региональным органам власти, как к коррумпированным, не способным обеспечить интересы населения, решить острые социально-экономические и политические проблемы;

– необходимость создания параллельных властных структур, действующих по канонам шариата и адатов, и осуществляющих не только административно-распорядительные, но и духовно-правовые функции¹.

В качестве средства идеологической обработки молодежи «подпольщиками» активно используется формируемая мода на экстремистскую идеологию, героизация романтики «леса», что оказалось привлекательным для части северокавказской молодежи. Предметом особой заботы вербовщиков, как уже отмечалось, стали дети из влиятельных семей, известные спортсмены, люди, располагающие связями в органах власти и управления².

Эмиссарами бандподполья тиражируются и распространяются исламистские книги, брошюры, листовки, DVD-диски, видеокассеты и, конечно, используются возможности Интернета. Сотрудниками правоохранительных органов регулярно изымается внушительное количество такого рода идеологической продукции. Характерно при этом, если еще в 2008 г. эти материалы обнаруживались в большинстве случаев в схронах и на базах бо-

¹ Ильин Е.П. Указ. соч.

² Мурклинская Г. Террористическое подполье на Юге России: новый этап // Фонд стратегической культуры. 06.11.06

евиков, то уже в последующие годы – преимущественно в домовладениях граждан.

Одновременно бандподполье наращивает идеологический прессинг на представителей органов власти и управления северокавказских республик.

Что касается информационной деятельности северокавказских такфиритов-джихадистов, то она, как верно отмечает отечественный терролог С.Я. Суций, включает ряд направлений¹:

- создание центров/очагов информационного обеспечения подполья, в задачи которых входит объяснение целей и задач боевиков, пропаганда идей экстремизма, соответствующая трактовка процессов, происходящих на Северном Кавказе и в других регионах России, путем использования различных форм, методов и векторов этой деятельности;

- ведение видеозаписей боевых действий, фиксирующих успехи террористов; создание видеоматериалов, целью которых является устрашение противника (сцены казней, расправ, других карательных акций); формирование банков такого рода материалов;

- интервью отечественным и зарубежным журналистам, использование всевозможных способов манифестации своих требований через СМИ; организация контактов с международными правозащитными организациями;

- ведение информационно-психологической войны против республиканской власти.

К информационной деятельности этот же автор относит и «весь комплекс работ, связанный с организацией и развитием «агентурной» сети подполья, жизненно необходимой для его успешного функционирования. К такого рода деятельности относится внедрение осведомителей в республиканские силовые структуры и административно-управленческий аппарат; нахож-

¹ *Суций С.Я.* Террористическое подполье на востоке Северного Кавказа (Чечня, Дагестан, Ингушетия). – Ростов н/Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. – С.40-41.

дение информантов в федеральной группировке; создание каналов сброса дезинформации; отслеживание в своих рядах агентов федеральной и республиканской власти; организация безопасных и мобильных каналов коммуникации между своими информационными и организационными ядрами (штабами) террористического подполья»¹.

Аналогичные формы, методы и приемы идеолого-пропагандистской и информационной деятельности радикальные исламисты уже давно используют в других «горячих точках» исламского мира. Например, в годы борьбы с кабульским «марксистским» режимом и советским присутствием в Афганистане (1978-1989 гг.) одним из основных направлений антиправительственной пропаганды радикальных исламистов стала идея «защиты ислама», обвинение режима в безбожии, воинствующем атеизме. Идеологи контрреволюции, главным образом духовенство, обвиняли правящую Народно-демократическую партию Афганистана (НДПА) в том, что она якобы стремится ликвидировать ислам в Афганистане и что с этой целью сжигаются мечети, уничтожаются священные книги, оскверняются «святые места» (мазары и зияраты), мусульманам запрещают исполнять религиозные обряды, детей в школах учат безбожию, что члены НДПА выступают в роли проповедников антирелигиозной морали и т.д. Пытаясь подтвердить «фактами» свои обвинения, исламские экстремисты нередко устраивали провокационные поджоги мечетей, осквернение «святых мест», уничтожали Кораны и разбрасывали страницы из разорванных «священных книг» в общественных местах, выступали перед верующими с провокационными речами, якобы от имени официальных властей².

В этих же целях, с учетом неграмотности основной массы населения, активно использовались красочно исполненные ли-

¹ Там же. – С. 42.

² *Хакикат-и Инкилаб-и Саур* («Правда Апрельской Революции»). – 1984. – 12 мая.

стовки, на которых в карикатурной форме изображались «враги ислама» – видные государственные и политические деятели Демократической Республики Афганистан и Советского Союза и, наоборот, «моджахеды» (борцы за веру) и их лидеры героизировались. Активно распространялись аудио, а затем и видеокассеты, где ислам представлялся как религия, приносящая социальное освобождение, выступающая против неравенства и эксплуатации. Гарантацией создания справедливого общества, по словам исламистских идеологов, должно быть соблюдение таких принципов ислама, как добровольные пожертвования богатыми, а не насильственное изъятие у них имущества в пользу бедняков, что по советскому образцу практиковалось афганскими властями¹.

В последующем аналогичная деятельность на идеологическом фронте фиксировалась практически во всех странах, где на авансцену политики выходили радикальные исламисты. Правда, с появлением возможностей, связанных с коммуникационными изменениями революционного характера, видоизменялись и технологии пропаганды (например, сегодня самым широким образом используются Интернет-технологии, мобильная телефонная связь и т.д., чего по вполне объективным причинам не было в годы правления НДПА в Афганистане).

Однако же идеолого-пропагандистская и информационная деятельность исламистов, является, хотя и обязательным, но всего лишь предварительным условием осуществления масштабной диверсионно-террористической практики, которая в современных условиях Северного Кавказа, базируясь на международном опыте радикальных исламистов, имеет свою региональную специфику. Практика свидетельствует, что непосредственно на территории северокавказских республик экстремисты чаще применяют акции адресного терроризма, в основном направленные против представителей местных властей. Главный вектор тер-

¹ *Добаев И.П.* Исламский радикализм в международной политике. – Ростов н/Дону: Ростиздат, 2000. – С. 65.

рористической активности в северокавказском регионе нацелен, в основном, против сотрудников правоохранительных органов и силовых структур, представителей органов государственной власти и управления, официального мусульманского духовенства. Особенно зримо эта тенденция проявлялась в деятельности террористических группировок «Шариат» и «Дженнет» (Дагестан), «Ярмук» (Кабардино-Балкария), «Халифат» (Ингушетия) и др. В то же время, вне северокавказского региона террористы, как правило, осуществляют свои разрушительные операции в местах массового скопления людей, преимущественно из числа гражданского населения (например, теракты в Москве, Беслане, Волгодонске, Кавказских Минеральных Водах и т.д.).

Что касается официальных статистических данных по террористическим проявлениям в Российской Федерации и в ее северокавказском регионе, то, согласно им, пик пришелся на 2005 г. Тогда в РФ был зафиксирован 251 теракт, из них более 90% – против сотрудников правоохранительных структур и органов исполнительной власти в Южном федеральном округе. В последующие два года в русле данных официальной статистики наблюдалось неуклонное снижение числа террористических акций. Так, в 2006 г. было отмечено 112 терактов, из них вновь не менее 90% отнесены к Югу России. В последующие годы официальная статистика свидетельствовала о дальнейшем спаде террористической активности. Такая динамика дала основание некоторым экспертам утверждать, что наступил перелом, а в перспективе террористическая активность будет сведена на «нет»¹.

Однако следует подчеркнуть, что в связи с изменениями, внесенными в уголовное законодательство в 2006 году, понятие террористического акта значительно сузилось. Так, сейчас для квалификации преступления как террористического акта обяза-

¹ *Добаев И.П.* Современный терроризм в мире и на Северном Кавказе: сущность, практика, опыт противодействия // Ориентир. – 2010. – ноябрь. – С. 11.

тельным является наличие цели воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями. Поэтому, как это ни странно звучит, террористические акты в нашей стране в последние годы стали крайне редким преступлением. Так, в 2007 г. – только 48 терактов, то есть впятеро меньше чем в «лихом» 2005 г., и более чем вдвое меньше по сравнению с 2006 г. В 2008 г. в Российской Федерации было зафиксировано всего 2 теракта (по одному – в Дагестане и Северной Осетии-Алании)¹.

Тем не менее, в 2009 г. мы вновь явились свидетелями своеобразного «возвращения в 2005 г.», хотя в цифровом исчислении по отмеченным выше причинам количество терактов выглядит достаточно скромно, не отвечая истинному положению дел. Так, например, в 2009 г. в Российской Федерации было зарегистрировано всего 6 терактов (по два – в Дагестане и Чечне, по одному – в Ингушетии и Тверской области), в 2010 г. – уже 23 теракта (11 – в Дагестане, 3 – в Ставропольском крае, по 2 – в Москве и в Ингушетии, по одному – Санкт-Петербурге, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии-Алании, Краснодарском крае и в Орле). По состоянию на 1 октября 2011 г. – 10 террористических актов (6 – в Дагестане, 2 – в Чечне, по одному – в Московской области и в Хабаровском крае)². Как видим, большинство – на Юге России.

Однако если обратиться к статистике, озвученной правоохранительной системой ЮФО, то можно утверждать, что ситуация в 2009 г. на территории округа характеризовалась резким усилением террористической активности со стороны незаконных вооруженных формирований: было совершено 641 посягательство на жизнь сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих (в 2008 году – 491, рост составил 30 процентов).

¹ См. об этом на официальном сайте Национального антитеррористического комитета ФСБ РФ. URL: <http://www.nak.fsb.ru>.

² Там же.

Только в 2009 году по Южному федеральному округу погибли: 251 сотрудник правоохранительных органов и военнослужащий, а также 32 гражданских лица (в 2008 году соответственно 210 силовиков и 12 гражданских), ранены 727 сотрудников и 85 гражданских лиц (в 2008 году – 484 силовика и 68 гражданских)¹.

В 2010 г. было заведено 23 уголовных дела по статье 205 УК РФ (терроризм), однако зафиксировано 273 взрыва и 492 обстрела, подорвали себя 14 террористов-смертников. В результате погибло 410 человек, а более тысячи получили ранения².

Только за десять месяцев 2011 года зафиксировано осуществление 235 акций террористического характера, а также 11 акций террористов-смертников. Заведено 10 уголовных дел по ст. 205 Уголовного Кодекса РФ (терроризм)³.

Не менее удручающую статистику предлагают ученые из Южного научного центра РАН (ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону)⁴. Согласно представленным ими данным, число совершенных боевиками терактов ежегодно исчисляется сотнями.

Так, согласно статистике ЮНЦ РАН, в 2006-2007 гг. большая часть преступлений террористической направленности фиксировалась в Чеченской Республике (370 и 160 терактов соответственно). С 2008 г. ситуация в республике меняется, а периоды роста напряженности сменяются периодами стабилизации. Эксперты объясняют этот процесс личностью главы республики, при котором с бандитами ведется бескомпромиссная борьба, характерной чертой которой выступают задержания, склонение бандитов к явкам с повинной (явление, ставшее повсеместным на территории всего Северного Кавказа только в 2011 году). Тем не менее,

¹ Как заткнуть за пояс шахида? // Московский Комсомолец. – 2010. – 24 февр.

² Личный архив автора.

³ Там же.

⁴ Матишов Г.Г., Пащенко И.В. Терроризм как главная угроза национальной безопасности на Юге России // Приоритетные направления стратегии национальной безопасности Российской Федерации. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС, 2011. – С. 24-32.

в Чечне до сих пор отмечаются крупномасштабные столкновения бандгрупп и представителей силовых структур на фоне регулярно проводимых спецопераций. Общее число участников открытых боестолкновений в 2011 году достигало ста и более человек¹.

В Ингушетии в 2008-2010 гг. было совершено около тысячи преступлений террористического характера, в том числе в 2008 г. – 454 акта. В 2009 г. ситуация начала стабилизироваться на фоне усиления антитеррористических действий (спецоперации, изъятия оружия и боеприпасов, задержания), а власть впервые пошла на прямой диалог с населением. В результате неуклонное снижение числа насильственных инцидентов в 2010 г. завершилось практически полным «умиротворением» республики в 2011 г. Общее снижение террористической активности в 2011 г. по сравнению с 2008 г. достигло 10-кратного уровня².

Однако скачки терроризма стали отмечаться в Дагестане, где в 2010 г. число терактов (более 400) увеличилось втрое по сравнению с 2008 г., эта же тенденция сохраняется в 2011 г. Спецификой Дагестана остаются нападения на представителей различных уровней власти, сотрудников силовых ведомств и служителей мусульманского культа (в среднем около 100 покушений в год)³.

С 2008 г. в зону нестабильности начала втягиваться Кабардино-Балкария, и пик напряженности пришелся на 2010 г., когда число терактов составило 159 случаев, что на 73 процента превысило показатели 2009 г. Только с марта 2011 г. стало возможным говорить о некотором улучшении ситуации⁴.

Вместе с тем, на общем фоне незначительного снижения деятельности боевиков в субъектах СКФО и ЮФО, в 2011 г. наблюдался резкий рост террористической активности в Карачаево-Черкесии (в 4,5 раза) и в Ставропольском крае (в 2 раза) по

¹ Там же. – С. 25.

² Там же. – С. 25-26.

³ Там же. – С. 26.

⁴ Там же.

сравнению с 2010 годом. Не снижается вероятность проведения диверсионно-террористических акций в Северной Осетии¹.

Таким образом, диверсионно-террористическая активность радикальных исламистов в 2000-х по-прежнему выступает значимым фактором дестабилизации политических процессов на российском Юге, и не только. Практика переквалификации террористических атак на другие статьи Уголовного Кодекса РФ, не уменьшает накал терроризма, а только камуфлирует реально складывающуюся ситуацию, дезориентируя органы власти и управления, а также тех, кто ведет реальную борьбу с террористами.

Вместе с тем, расширяется география обнаружения схронов боевиков. В 2009 г. впервые они были обнаружены на территории Адыгеи, Калмыкии и Астраханской области. Не вызывает никаких сомнений то, что вслед за расширением ареала распространения объектов тылового обеспечения терроризма мы можем стать свидетелями осуществления собственно террористических актов на этих территориях.

Как свидетельствует официальная статистика, чаще всего террористические акты осуществляются с использованием взрывных устройств или посредством применения огнестрельного оружия. Причем явной тенденцией последнего десятилетия является преобладающее применение взрывных устройств, в то время как огнестрельное оружие стало использоваться реже, а объектами террористических атак, как правило, становятся сотрудники силовых структур². В подавляющем большинстве случаев посягательства на жизнь сотрудников правоохранительных органов совершаются путем приведения в действие самодельных взрывных устройств, закладываемых под автомобили, либо по пути следования потерпевших, обстрела автотранспорта, стационарных по-

¹ Там же.

² См. об этом: Национальный антитеррористический комитет [Официальный сайт]. URL: <http://www.nak.fsb.ru>.

стов ДПС, зданий правоохранительных органов и жилых домов сотрудников из автоматического оружия и гранатометов.

В контексте разрастания терроризма на Северном Кавказе, безусловный интерес представляет статистика террористической активности, формы и методы деструктивной деятельности террористов в мире. Так, например, Национальный анти-террористический центр США (NCTC) в мае 2009 г. опубликовал доклад, в котором приводятся статистические данные о террористических нападениях в мире за 2008 г. Согласно докладу, в 2008 г. имело место 11800 терактов, в то время как в 2007 г. – 14500, в 2006 г. – 14000, в 2005 г. – 11000, а в 2004 г., по данным Госдепартамента США, не учитывавшего теракты в Ираке, – 3192¹.

Наибольшее количество террористических атак в 2008 г. – 4600 (40%) – было совершено в странах Ближнего и Среднего Востока, хотя в Ираке 2 года подряд, в 2007-2008 гг., их число снижалось. В то же время, в странах Южной Азии (Пакистан, Индия) и в Афганистане их количество увеличилось в 2 раза. Террористические акты в Ираке, Афганистане и Пакистане составили 55 % от общего числа терактов в мире. 140 % рост террористической активности в Африке зафиксирован в Сомали и Демократической Республике Конго. В Западном полушарии в указанный период отмечено сокращение числа терактов на 25 %, а в странах Юго-Восточной Азии и Тихого океана – на 30 %. В 2008 г. значительно возросло число случаев похищения террористами людей. Так, в Пакистане оно увеличилось на 340 %, в Афганистане – на 100 %, в Индии – на 30 %, в других странах Южной Азии – на 45 %².

¹ См. об этом: *Добаев И.П.* Современный терроризм в мире и на Северном Кавказе: основные черты, активность, опыт противодействия // Регулирование социально-этнических процессов в условиях региональных рисков экстремизма: Сб. мат. межрег. науч.-практ. конф. (28 апреля 2010 г., СКАГС, Ростов н/Дону). – Ростов н/Дону: Изд-во СКАГС, 2010. – С. 40-41.

² Там же.

Как и в прежние годы, в 2008 г. при проведении большинства терактов использовалась уже известная тактика действий с применением легкого стрелкового оружия, ручных гранатометов, подрыва бомб, похищения людей. Террористы продолжали прибегать к проведению скоординированных по времени нападений, когда вскоре после первого теракта они осуществляли второй, направленный уже против сотрудников специальных и спасательных служб, прибывших на место происшествия. Такая же тактика в последние годы характерна для деятельности террористов на Северном Кавказе.

В 2008 г. в результате терактов в различных странах мира погибло или было ранено свыше 50 тыс. человек, причем большинство из них являлось мусульманами. 65 % жертв террористических нападений были мирными жителями. Обращает на себя внимание тот факт, что дети продолжают составлять непропорционально большое число жертв. Так, в 2008 г. количество погибших детей возросло на 10 %¹.

По данным ООН, в 2009 году произошло 11 тысяч террористических актов. Убито 15 тысяч человек, ранено свыше 32 тысяч и более 10,5 тысяч захвачено в заложники. Террористы сотрудничают с пиратскими синдикатами и планируют диверсионные акты на морских коммуникациях, объектах береговой инфраструктуры, в районах добычи углеводородного сырья². Иными словами, статистика свидетельствует, что накал террористических атак в мире в последние годы не снижается.

Эксперты прогнозируют рост количества террористических актов в мире, что связано с проведением американцами операции «Аф-Пак» на территории Афганистана и Пакистана, реаль-

¹ Там же.

² Ильин Е.П. Система противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации: становление и перспективы развития: выступление первого заместителя руководителя аппарата НАК 13 октября 2010 г. в МГУ. [Электронный ресурс] // Национальный антитеррористический комитет [Официальный сайт]. URL: <http://www.nak.fsb.ru>. Рубрика «Публикации».

ной или вымышленной ликвидацией в Пакистане лидера «Аль-Каиды» Усамы бен-Ладена, инспирацией «цветных революций» в некоторых государствах Ближнего Востока и Северной Африки в 2011 г., применением вооруженных сил НАТО при решении ливийской проблемы, многоуровневой поддержкой начавшейся при подстрекательстве Запада гражданской войны в Сирии. Масштабное переформатирование Ближнего и Среднего Востока, эпицентра мусульманского мира, Соединенными Штатами и их союзниками по НАТО, и это не вызывает никаких сомнений, приведет к дальнейшему расширению ареала терроризма, увеличит число жертв деструктивных атак. Все это не может не учитываться в России, ее северокавказском регионе, где сложился устойчивый сетевой террористический кластер, ставший составной частью международного террористического движения.

По данным Национального антитеррористического комитета ФСБ РФ, российские органы безопасности и силы правопорядка в последние годы заметно активизировали свою деятельность. Как подчеркивает советник председателя НАК Пржездомский А.С., «...результаты силовых мер не могут впечатлять – в результате контртеррористических операций (КТО) уничтожаются главаря бандподполья, боевики и их логова, выявляются тайники и схроны, обезвреживаются самодельные взрывные устройства, изымаются тысячи единиц оружия и центнеры боеприпасов. В одном только Дагестане за два последних месяца в результате 23-х КТО уничтожено 95 бандитов, в том числе «командующий дагестанским фронтом» Вагабов и его заместитель Алиев, главари нескольких бандгрупп. Но следует признать, что результативные действия силовиков не приводят к снижению террористической активности в целом. Прежде всего, речь идет о Северном Кавказе. Если в Чечне и Ингушетии мы отмечаем существенное снижение количества террористических проявлений, то в Дагестане и Кабардино-Балкарии наоборот – резкий скачок. С начала 2010 года только в Северо-Кавказском федеральном округе бандитами

было совершено более 440 вооруженных нападений и свыше 240 подрывов взрывных устройств, в результате чего погибли более 300 и ранены свыше 1000 человек. Обращает на себя внимание, что бандиты стали делать ставку на резонансные преступления в местах скопления людей. Да и число смертников, осуществляющих террористические акты, увеличивается»¹.

Итак, на общем фоне эскалации террористического насилия продолжает актуализироваться наиболее опасный вид терроризма – терроризм смертников, которые исламистами ошибочно именуются «шахидами». Вместе с тем, следует подчеркнуть, что в исламе *шахидом* признается воин, *муджахид* (букв. участвующий в *джихаде*), погибший во время сражения «на пути Аллаха», даже если он был убит не на поле боя, а умер случайно или непреднамеренно от собственной же руки. Этот тип мученика называется «совершенным *шахидом*», поскольку он признается мучеником, как в этом мире, так и в жизни последующей, после смерти, где получит заслуженную награду от Бога². При этом исламская ортодоксия категорически отрицает тождество между «совершенными шахидами» и террористами-самоубийцами.

Несмотря на то, что терроризм смертников отмечался и в прежние века ислама, тем не менее, расцвет этого явления пришелся на вторую половину XX – начало XXI вв. Как утверждает отечественный исследователь данного явления С.И. Чудинов, терроризм смертников ведет свои истоки от шиитской версии радикального ислама, пустившего свои корни в разорванном гражданской войной и иностранной оккупацией Ливане. Большинство экстремистских движений, воспринявших и адаптировавших тактику атак смертников к условиям социально-политического конфликта на своей родине в 1990-е годы, копировали ливанскую

¹ Пржездомский А.С. Информационная сфера стала полем боя с экстремизмом и терроризмом // ФСБ: за и против. – 2010. – № 11.

² Юджеоглу Х. Ислам о шахидах и террористах-смертниках // Ислам о терроре и акциях террористов-смертников / Сост. Э. Чапан. – М., 2005. – С. 144.

модель сопротивления, с которой они имели возможность познакомиться самым непосредственным образом (боевые кадры этих группировок проходили военную тренировку в Ливане в то время, когда радикальные шиитские партии впервые апробировали атаки смертников). Ливанская модель, в свою очередь, была подражением опыту иранских басиджей времен современной ирано-иракской войны, вспыхнувшей вслед за исламской революцией 1979 года в Иране¹.

Хотя в настоящее время за большинством террористических актов с участием смертников стоят исламистские группировки, религиозная составляющая мотивации не столь обязательна для всех исторических разновидностей терроризма смертников. Иногда дух националистической борьбы миноритарной этнической общности и культивируемая в ней идеология самопожертвования доводятся до столь крайнего альтруизма в отношении идеала независимой родины, тесно переплетаясь с чисто восточным культом харизматического лидера повстанческого движения, что этого может быть достаточно и без религиозных стимулов для воспитания готовности в адептах националистического движения превратить себя в живые бомбы. В качестве примера можно привести соответствующую практику «Тигров освобождения Тамил Илама» в Шри-Ланке или курдских сепаратистов из Рабочей партии Курдистана, устраивавших самоподрывы в Турции и т.д. Националистический компонент был силен даже в самом Ливане, родине современного терроризма смертников, в среде светских националистических партий и группировок Ливана (Сирийская социал-националистическая партия и др.). Однако все же радикальный ислам остается важнейшей культурно-идеологической основой распространения терроризма смертников в современном мире. Более того, именно исламистская интерпретация идеала

¹ Чудинов С.И. Терроризм смертников. – М.: Флинта, Наука, 2010. – С. 88.

исламского мученичества легла в основу его глобализированной формы¹.

Вместе с тем, количество терактов в мире с использованием самоубийц продолжает оставаться серьезной проблемой для отдельных регионов мира. Например, оккупированный войсками США и их союзников Ирак в этом плане в середине 2000-х гг. поставил такие «рекорды», по сравнению с которыми все остальные ареалы использования тактики «шахидов» в мире просто меркли. Пиковыми годами оказались 2005-й и 2007-й – 478 и 442 случая использования «живых бомб» соответственно. Однако уже в 2009 г. в Ираке было зафиксировано немногим более 30 акций террористов-самоубийц. Всего же в 2003 – 2008 гг. в этой стране было зафиксировано около 1700 взрывов, осуществленных смертниками. Другой ареал особой активности «шахидов» – Афганистан, где с 2006 г. ежегодно фиксируется в среднем по 140 акций самоподрывов². В последние два-три года в этот разряд вошел и Пакистан, где взрывы самоубийц звучат с нарастающей частотой.

С июня 2000 г. терроризм смертников появился на российском Северном Кавказе. Уже в начале 2000-х годов печально известный чеченский полевой командир Ш. Басаев объявил о создании подразделения смертников под названием «Риядус Салихийн» («Сады праведных»), которое не отражало какую-то единую структуру, но было скорее вывеской, под которой лидер экстремистов объявил о своей причастности к подготовке атак смертников.

Как подчеркивает С.Чудинов, во многих отношениях терроризм смертников в Чечне необычен. Во-первых, для него характерен очень высокий процент женщин – исполнительниц атак смертников. Специалисты в области психиатрии и психологии

¹ Там же. – С. 88-89.

² *Добаев И.П.* Современный терроризм в мире и на Северном Кавказе: сущность, практика, опыт противодействия // Ориентир. – 2010. – ноябрь. – С. 11-12.

Анна Спекхард и Хапта Ахмедова, проводившие специальные исследования чеченского терроризма смертников, подсчитали, что женщины-смертницы принимали участие в 22 из 27 террористических операций с участием смертников (с июня 2000 по май 2005 года). Их доля среди смертников составила 43% (47 из 110 человек). Что касается объектов покушений, то из 28 террористических операций с участием смертников, осуществленных с июня 2000 по июль 2005 года, 10 были нацелены на военные объекты, 4 – на промосковские правительственные учреждения и официальных лиц правительства Чеченской Республики, 14 – на гражданские объекты (из них 8 произошли в Москве). В первые два года атаки смертников происходили только в Чечне и были нацелены на российские военные базы, в последующем наблюдался процесс расширения ареала их осуществления. В 2003-2004 годах был достигнут пик интенсивности чеченского терроризма смертников, который, тем не менее, до сих пор остается в республике маргинальным явлением, не одобряемым местной общественностью³.

В 2009 году был зафиксирован новый всплеск терроризма смертников на Северном Кавказе, при этом терроризм самоубийц как специфическая практика радикальных исламистов уверенно вышел за пределы Чечни и затронул не только соседние с ней Дагестан и Ингушетию, но и некоторые другие российские регионы, утратив при этом исключительно чеченский этнический облик. В частности, летом 2009 г. было совершено громкое покушение на президента Ингушетии Юнус-Бека Евкурова, ответственность за которое взял Доку Умаров и возрожденные им бригады «Риядус Салихийн». В 2009 году на территории Чеченской Республики «живыми бомбами» стали 10 человек, в Республике Ингушетия – 4, и в Республике Дагестан – 1⁴. Террористы-

³ Чудинов С.И. Указ. соч. – С. 65.

⁴ Добаев И.П. Современный терроризм в мире и на Северном Кавказе: сущность, практика, опыт противодействия // Ориентир. – 2010. – ноябрь. – С. 12.

смертники успели отметиться в Северной Осетии, Ставропольском крае и Москве. Эта же тенденция сохранялась в 2010-2011 гг. Так, по официальным данным НАК РФ, в 2010 г. из 23 зарегистрированных в стране терактов 8 совершены смертниками, а за девять месяцев 2011 г. из зафиксированных 10 терактов – 4 на счету террористов-самоубийц¹. Периодически правоохранительным органам в результате спецопераций удается ликвидировать или задерживать потенциальных смертников, но далеко не всегда.

Как свидетельствует практика, в основном роли «живых бомб» на Северном Кавказе выполняют юноши и женщины, как правило, т.н. «черные вдовы» (вдовы убитых боевиков, для которых в специфических условиях Кавказа со смертью их мужей заканчивается не только супружеская жизнь, но и в ментальном плане утрачивается смысл жизни как таковой). Подготовка таких смертников ведется групповым методом по специально разработанной методике с использованием зомбирующих технологий, учебно-тренировочных заданий, формирующих жесткие мотивационные установки, с соответствующей атрибутикой и ритуалами.

Однако в последние годы террористами-смертниками стали преимущественно юноши и молодые мужчины. Развертывание на территории регионов России «шахидизма» свидетельствует о мощном влиянии ближневосточных экстремистских организаций на эволюционные процессы в северокавказском радикальном ислализме, участии наемников в подготовке и осуществлении террористических актов на Северном Кавказе.

Северокавказским боевикам удалось поставить на поток подготовку и создать резерв потенциальных смертников-самоубийц, а также идеологов и наставников «шахидов», из числа не только зарубежных, но и российских граждан (например, уничтоженный

1 См.: Национальный антитеррористический комитет [Официальный сайт]. URL: <http://www.nak.fsb.ru>.

Саид Бурятский). Как подчеркивают эксперты, практика «шахидизма» весьма эффективна: взрывы «живых бомб» составляют 3 процента всех терактов, совершенных в мире, однако именно на них приходится 48 процентов жертв¹. Что касается России, то за период с августа 1999 г. по сентябрь 2009 г. террористами-смертниками в различных ее регионах, преимущественно на Северном Кавказе, была осуществлена 41 акция «шахидизма», все они сопровождались далеко не единичными жертвами. Как отмечалось выше, в 2010-2011 г. зафиксировано еще 12 случаев самоподрывов. Таким образом, в 1999-2011 г. смертниками совершены 53 террористические акции. Для сравнения: в Израиле за период т.н. «интифады» (первая интифада в Палестине вспыхнула в 1987 г., вторая – в 2000 г.) взорвали себя 59 палестинцев². Иными словами, по количеству «живых бомб» Северный Кавказ уверенно догоняет Палестину, а по частоте применения практики терроризма самоубийц за последние десять лет явно ее превосходит. Правда, следует отметить, что безусловными лидерами по проведению акций террористов-самоубийц сегодня выступают Афганистан и Ирак, оккупированные войсками США и их союзников. Ежегодно там, а также и в Пакистане, фиксируются сотни акций самоподрывов.

Таким образом, материалы данного параграфа позволяют утверждать, что и в области форм и методов осуществления своей специфической практики северокавказские сепаратисты не изобрели ничего нового, оригинального по сравнению с практикой их «коллег» в государствах арабского, а шире – мусульманского Востока, но являются потребителями изобретений «первооткрывателей» из стран «дальнего мусульманского зарубежья».

¹ Нечитайло Д.А. Запал для «умной бомбы» // НГ-религии. – 2009. – 16 сент.

² Сухов И. Марш смертников // Время новостей. – 2009. – 18 сент.

3.4. Финансово-экономическое обеспечение подрывной деятельности террористических структур на Северном Кавказе

За последние два десятилетия финансирование террористических группировок существенно трансформировалось¹. Как представляется, это изменение было предопределено, прежде всего, двумя факторами:

- глобализацией экономики, которая предоставила небывалые возможности террористическим организациям в финансовом плане;
- переходом террористических групп к сетевой структуре организации.

Следует отметить, что фактор глобализации экономики, его роль в трансформации экономической природы терроризма, уже длительное время является объектом экономических и политических обсуждений различного уровня². В частности, в справочном документе к п. 4 повестки дня неапольской Всемирной конференции по организованной транснациональной организованной преступности и терроризму приведены следующие факторы развития мировой экономики и политики, обусловившие возникновение транснациональной преступности и современного терроризма:

- увеличение взаимозависимости государств;
- формирование мирового рынка, для которого характерны тесные экономические связи, взаимные инвестиции;

¹ См. об этом подробнее: *Добаев А.И.* Хавала: неофициальная система финансирования терроризма / Южнороссийское обозрение ЦСРИиП ИППК ЮФУ и ИСПИ РАН. Выпуск № 65. – Ростов н/Дону: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2010. – 228 с.

² См., например: Всемирная конференция по организованной транснациональной преступности (Неаполь, Италия 21-23 ноября 1994 г.); 9 Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Каир, Египет, 28 апреля 0 8 мая 1995 г.)

- формирование международных финансовых сетей, систем международных расчетов, позволяющих быстро осуществлять сложные финансовые операции, с использованием банковских учреждений нескольких государств;

- развитие мировых систем коммуникаций;

- развитие международной торговли, чему особо способствовало введение системы свободной торговли в послевоенный период;

- широкое развитие технологий контейнерных перевозок;

- увеличение масштабов миграции, образование многонациональных мегаполисов.

Что касается сетевого (ячеистого) принципа организации террористических группировок, то он оказался чрезмерно эффективным в асимметричном противостоянии самым разнообразным оппонентам.

Оба вышеупомянутых фактора (глобализация экономики и сетевой принцип организации различных структур) существенно трансформировали природу терроризма. В результате, как справедливо подчеркивает отечественный исследователь вопросов финансирования терроризма Е. Степанова, в современных условиях едва ли уместно традиционное «техническое», по сути, подразделение терроризма на внутренний и международный¹.

Финансирование терроризма представляется крайне существенным вопросом по той причине, что невозможно проводить террористические акции без наличия денежных средств. Сформированная финансовая система выступает важнейшим системным элементом, в значительной степени определяющим возможности реализации террористической деятельности. В настоящее время финансирование современного международного терроризма, его отдельных региональных

¹ Степанова Е.А. Роль наркобизнеса в политэкономии конфликтов и терроризма. – М.: Весь Мир, 2005. – С. 203.

кластеров, в том числе и северокавказского, является многоканальным. При этом масштабы финансирования, структура его источников и их соотношение пребывают в постоянной динамике. Однако в каждый момент времени структура финансирования подполья может существенно различаться по отдельным его территориям и сетевым структурам. При этом, по мере перехода от полуцентрализованных структур, доминировавших в начале XXI в. к полицентрической (сетевой) организации подполья, источники его финансирования должны были дифференцироваться, дробиться, как и число возможных адресатов данного финансирования. Это обстоятельство также существенно затрудняет выявление и пресечение каналов финансирования подполья¹.

Мировой практический опыт свидетельствует о том, что финансовые вливания требуются террористическим группировкам преимущественно:

1. в инфраструктурных целях (процесс приготовления к теракту);
2. в непосредственных целях (проведение террористической акции).

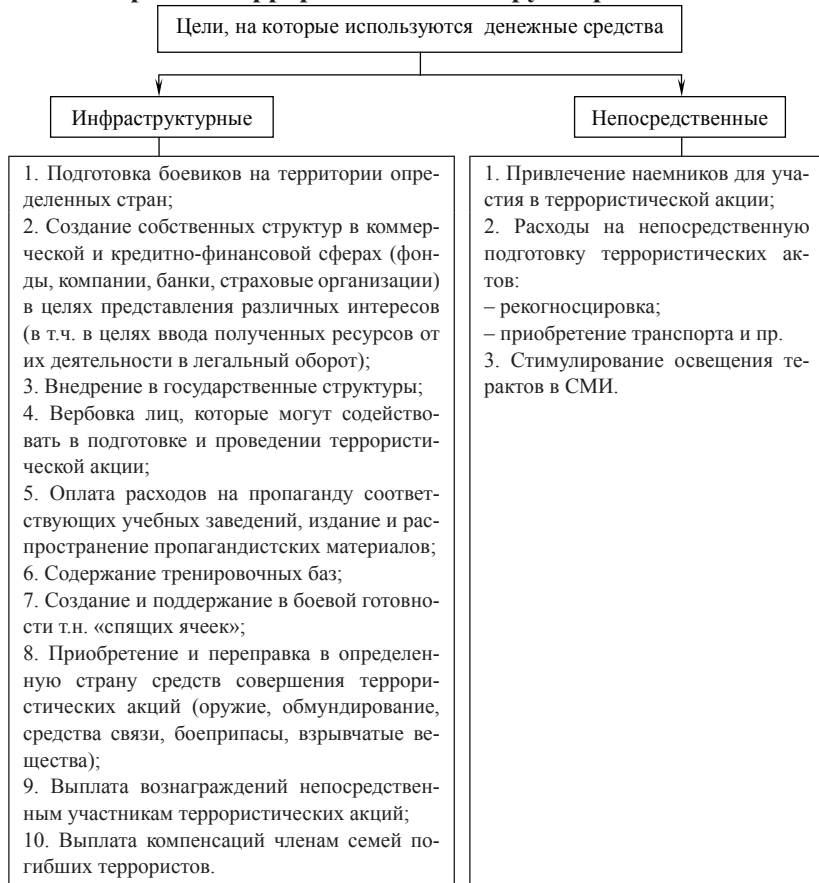
Следует отметить, что, по экспертным оценкам ведущих мировых террологов, соотношение между инфраструктурными целями и непосредственными составляет 9 к 1.

¹ *Суцгий С.Я.* Террористическое подполье на востоке Северного Кавказа (Чечня, Дагестан, Ингушетия). – Ростов н/Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. – С. 33-34.

Схема 1.
Направления использования денежных
средств террористическими группировками¹

Исследователями отмечается зависимость между масштабом теракта, затратами на его проведение и его последствиями. Однако следует согласиться с российским террологом Ю.В. Латовым,

¹ См. об этом: Российская Федерация в международной системе противодействия легализации (отмыванию) преступных доходов и финансированию терроризма. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Спецкнига, 2007. – С. 40.

который отмечает, что террор отличается одновременно и очень высокой и очень низкой эффективностью.

Что касается т.н. современного терроризма, то для него характерны сравнительно невысокие издержки на проведение террористических атак, но при этом террористические акты могут приводить к значительному разрушительному эффекту (см. табл. 2).

Таблица 2
Экспертная оценка затрат террористических
организаций на проведение терактов¹

Теракт	Год	Цена
Теракт у посольства США в Танзании	1998	более 30 000 \$ 50 000 \$
Взрыв американского корабля (USS Cole bombing)	2000	5000 – 10 000 \$ 10 000 \$ 50 000 \$
Взрыв Всемирного торгового центра (9 сентября 2001 г.)	2001	более 500 000 \$ 300 000 – 500 000 \$ 303 672 – 500 000 \$
Взрывы на острове Бали	2002	50 000 \$ 74 000 \$
Взрыв мечети в Тунисе (г. Джерба)	2002	20 000 \$
Взрыв нефтяного танкера (Limburg)	2002	127 000 \$
Взрыв в отеле Мариот Джакарта	2003	30 000 \$
Взрыв грузовика в Стамбуле	2003	40 000 \$
Взрыв поезда в Мадриде	2004	10 000 \$

¹ Добаев А.И. Указ. соч. – С. 82-83.

На сегодняшний день можно разделить источники финансирования террористических организаций на две основные группы: внешние и внутренние (см. схему 3). К внешним источникам можно отнести поддержку от государств; религиозных учреждений; коммерческих и некоммерческих организаций; индивидов, населения и диаспор; а также террористических ячеек. К источникам внутреннего финансирования следует отнести доходы, получаемые от легального и нелегального бизнеса, а также прочие доходы, к которым можно отнести членские взносы в рамках действующей террористической организации, помощь богатых террористов, которые могут являться членами террористической организации, а также и рэкет.

Схема 3
Источники финансирования
международного терроризма

Одновременно следует констатировать, что в последнее десятилетие процессы глобализации экономики и переход к сете-

вой структуре организации трансформировали роль финансовых источников террористических группировок, снизив долю внешних поступлений и одновременно увеличив и диверсифицировав – внутренних. Таким образом, террористические группировки во временном измерении становятся в финансовом плане все более самодостаточными.

По мнению террологов, происхождение террористической организации определяет их финансовую подпитку. В этой связи отечественный ученый Ю.В. Латов в своем исследовании предлагает такую классификацию¹:

1. Террористические организации, возникшие на религиозном и идеологическом фундаменте (преступная деятельность для таких группировок не является основой).

2. Террористические организации, возникшие на криминальной основе, а позже ставшие использовать религиозное обоснование как прикрытие. «Такие террористические организации во многом подобны мафии: нелегалы, обладают силовыми ресурсами, построены на личном доверии. Поэтому они успешно внедряются именно в те криминальные промыслы, которые типичны для организованной преступности. Например, террористы Латинской Америки тесно связаны с кокаиновым трафиком, террористы Азии – с героиновым, повстанческие группировки Западной Африки – с контрабандой алмазов. В результате внедрения в мафиозные криминальные промыслы терроризм коммерциализируется, приобретает черты «обычной» мафии. Постепенно борьба «за идею» частично или полностью вытесняется борьбой за «длинный доллар». С подобным мафиозным терроризмом бороться труднее, чем с мафией или с обычным терроризмом: он более воинственен и кровожаден, чем традиционная мафия, и более богат, чем терроризм традиционного типа. Если с «идейными» террориста-

¹ Латов Ю.В. Экономический анализ современного терроризма. Учебное пособие для вузов. М.: Академия управления МВД России, 2007. – С. 27.

ми можно искать и находить компромиссы, то с мафиозными террористами они принципиально невозможны. Мафиозизацией сейчас затронуты в той или иной степени практически все разновидности терроризма»¹.

Тем не менее, общей отличительной чертой обеих разновидностей терроризма является то, что криминальный бизнес для них не является самоцелью. Наибольшее сходство с преступностью разных уровней состоит в используемых методах формирования финансовых ресурсов и их легализации, а различие – в характере их использования. В последнее время все явнее просматривается закономерность – трансграничный терроризм «подминает» те виды преступного бизнеса, которые также связаны с международной деятельностью.

Природа происхождения террористической группировки, в совокупности с источниками ее финансирования позволяет построить модель финансирования террористической организации. Как показывает практика, в настоящее время можно выделить несколько моделей (см. табл. 4).

1

Там же. – С. 27

Таблица 4
Модели финансирования терроризма¹

Характеристики	Модель №1: административно институционализированная «серая зона»	Модель №2: партизанская «серая зона»	Модель №3: подпольная организация с сильными внешними связями	Модель №4: подпольная организация со слабыми внешними связями
Примеры	Чеченская республика 1992-1999 гг., автономная зона в Колумбии 1998-2002 гг., Афганистан 1996-2001 гг.	РВСК и НАО в Колумбии с 1980-х гг., Курдская рабочая партия в Турции с 1980-х гг.	«Аль-Каида» с 1990-х гг., чеченские террористы после 1999 г.	ИРА в Северной Ирландии 1990-2000-х гг.
Основные источники доходов	Хищение ресурсов (Чечня), контрабанда наркотиков (Колумбия, Афганистан)	Контрабанда наркотиков и иных товаров, «налоги» с населения.	Спонсорство диаспоры и религиозных организаций.	Местная теневая экономика (контрабанда, торговое пиратство, рэкет, грабежи).
Примерный объем ежегодных доходов, млн. долл.	До нескольких миллиардов	600 млн. (Колумбия), не менее 300 млн. (Курдская рабочая партия)	От 20-50 млн. («Аль-Каида»), 90-270 млн. (Чечня)	До 10 млн.
Численность террористов	Около 40 тыс. (вооруженные формирования Чечни в 1994 г.)	10-15 тыс. (Курдская рабочая партия), 20-25 тыс. (наркопартизаны Колумбии)	1-5 тыс. (Чечня 2000-х гг.)	До 500

¹ Там же. – С. 40.

Таким образом, проанализировав обширный материал об источниках, формах и методах финансирования современных террористических организаций в современном мире, можно выделить ряд значимых тенденций¹:

1. активное использование сетевого принципа в финансовом аспекте, а также преимуществ от процесса финансовой глобализации экономики;

2. наличие у большинства террористических организаций мощной, высокодоходной, устойчивой, разветвленной финансовой базы;

3. сокращение доли внешнего финансирования террористических группировок;

4. увеличение и диверсификация доли внутренних источников финансирования;

5. «загрязнение» «чистых» денег по причине многоэтапного сращивания доходов, полученных от ведения легального и нелегального бизнеса и внешнего финансирования.

Экономическая база северокавказских террористов, как и в других регионах мира, состоит из двух составляющих: содействия из-за рубежа и использования внутренних источников.

Соотношение этих составляющих постоянно изменялось во временном срезе. Так, в ходе первой чеченской кампании 1994-1996 гг. превалировали внешние финансовые потоки подпитки экстремистов, которые осуществлялись, как правило, через соответствующие неправительственные структуры (фонды, НРПО и т.д.). В настоящее время этот канал финансирования из основного перешел на второстепенный, вспомогательный уровень.

Имеющиеся материалы свидетельствуют, что в деятельности практически всех экстремистских структур на территории Северного Кавказа проявляются тенденции координации и взаимодействия в вопросах инспирирования дальнейших дезинтеграционных процессов в регионе. Управляемость этих структур объясня-

¹ Добаев А.И. Указ. соч. – С. 104.

лась ещё и тем, что они в 90-х гг. XX в. – первой половине нового десятилетия в весомой степени финансировались спецслужбами и организациями иностранных государств либо непосредственно, либо опосредованно, через международные неправительственные структуры, вследствие чего, они нередко были лишены политической самостоятельности. Специалисты отмечают, что и сегодня отдельную статью доходов северокавказского подполья составляет финансовая подпитка от международных террористических центров, исламских организаций радикального толка, расположенных как в пределах мусульманского мира, так и в странах Запада¹. Правда, как уже отмечалось, уровень финансовой зависимости северокавказских экстремистов от внешних спонсоров в первое десятилетие 2000-х неуклонно снижался, что объясняется уже приведенными выше аргументами (прежде всего, переходом отрядов международного терроризма на сетевую, децентрализованную систему структурного строения), так и значимым отвлечением в последнее десятилетие средств международных террористов на финансирование исламистских боевиков во многих странах Ближнего, Среднего Востока и Северной Африки.

Что касается каналов внешнего финансирования северокавказского террористического подполья, то чаще всего в этих целях используются курьеры. Однако общеизвестно, что в своих финансовых операциях террористы из числа радикальных исламистов во многих «горячих точках» мира активно используют возможности разветвленной сети международного трансферта капиталов «Хавала», позволяющей осуществлять денежные переводы без физического перемещения наличности. Эта система широко распространена в странах Юго-Восточной Азии и на Ближнем Востоке. Она весьма привлекательна для террористов в силу своей надежности, поскольку не оставляет документальных и электронных следов (отсутствие обычных в финансово-кредитных операциях бухгалтерских проводок). Однако эта система вполне

¹ *Суций С.Я.* Указ. соч. – С. 34.

легальна с законодательной точки зрения в тех странах, где она наиболее задействована. В самом общем виде данная система действует так: отправитель денег передает некоторую сумму дилеру, имеющему небольшую контору в какой-либо стране; он связывается со своим партнером в другой стране и тот выдает сумму адресату. Поток денег по таким каналам настолько велик, что позволяет дилерам не беспокоиться о долгах, а доверие между ними построено на семейных, клановых и этнических связях, что опять же дает возможность отсрочить выплаты по долгам.

В связи с изложенным, «хавала» весьма устойчива по отношению к субъектам, осуществляющим борьбу с финансированием терроризма. Например, несмотря на все усилия США и стран Евросоюза по установлению контроля над «хавалой», они пока не принесли желаемого результата.

Данных об использовании возможностей «хавалы» для финансирования террористов на территории России напрямую пока не поступало, но это не означает ее отсутствия. Специалисты считают, что эта система вполне может быть задействована в регионах РФ, поскольку, например, в республиках Северного Кавказа созданы многочисленные меняльные и торговые точки, а также коммерческие структуры, принадлежащие или контролируемые гражданами государств Ближнего и Среднего Востока, возможно связанными с зарубежными НРПО (неправительственные религиозно-политические организации), а также их пособниками из числа местных жителей.

Среди внутренних источников подпитки радикалов в 90-е гг. XX в. можно назвать незаконный нефтяной и газовый промысел, чисто криминальные доходы (рэкет, похищения людей, контрабанда оружия и наркотиков, финансовые махинации в виде подделок авизо, фальшивомонетничество и т.д.), что особенно было характерно для реалий Чечни.

В тот же период времени вокруг исламистских организаций сформировался своеобразный «буферный слой», образованный

легальными субъектами хозяйственной и общественно-политической деятельности, с помощью которых сепаратисты задействовали финансово-экономические, информационные и инфраструктурные ресурсы. Так, например, в течение 1999 г. Управлением Федеральной Службы налоговой полиции совместно с государственной налоговой инспекцией Карачаево-Черкесской Республики проводилась проверка законности приобретения собственности, а также экономической деятельности коммерческих структур, принадлежащих общественным объединениям и движениям экстремистской направленности, либо оказывавших им финансовую поддержку. В результате было выявлено 11 предприятий, руководителями которых являлись лица, исповедывавшие радикальный ислам и оказывавшие поддержку экстремистам. Среди них: КФХ «Джан-Киши», КФХ «Агропрод», ТОО «Компания Консалтинг Лимитед», ИЧП «Шешекей», МП «Континент», МП «Джумхуриат», ПТМП «Алания», МП «Бумеранг», АОЗТ «АДС», МП «Джулдуз», КЧ филиал ГНПП «Мегасофт». Владелец двух предприятий являлся разыскивавшийся за совершение террористических актов в Москве и Волгодонске Ачимез Гочияев. УБЭП МВД КЧР была проведена проверка финансово-хозяйственной практики этих предприятий, деятельность которых была прекращена¹. Эта же ниша используется бандподпольем и в настоящее время. Как подчеркивает Суций С.Я., и сегодня «имеется доход от бизнес-структур, непосредственно организованных террористическим подпольем (основная их масса располагается в «своих республиках», но, очевидно, могут быть налажены производства и в других республиках Северного Кавказа, впрочем, как и в иных регионах России или в странах ближнего и дальнего зарубежья). Сюда же можно отнести прибыль от уча-

¹ Добаев И.П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. – Ростов н/Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003. – С. 322-324.

ствия в различных формах криминального бизнеса (от торговли нефтепродуктами до проституции и игорного бизнеса)»¹.

Таким образом, вследствие процесса формирования в первой половине 2000-х сетевых террористических структур северокавказского подполья, меняется и система их финансирования, которая все меньше зависит от внешних поступлений, становясь все более автономной.

Как подчеркивает дагестанский ученый Курбанов Х.Т., «...перекрытие каналов финансирования бандгрупп, хотя и важное мероприятие, но не всегда решает проблему существования и разрастания религиозно-политического экстремизма, а тем более террористических группировок, которые подпитываются определенными идейно-политическими и социо-этическими предпосылками, а также имеют автономную самоорганизацию и мобильные отряды, не нуждающиеся в стабильном и щедром финансировании. В условиях существования массовой коррупции установить, пусть и путем шантажа и угроз, контроль над несколькими фирмами и коммерческими предприятиями для террористического подполья не представляется сложным. Со слов Шамиля Басаева, они именно таким образом получают немалую финансовую поддержку от глав администраций ЧР»².

Главенствующую роль внутреннего фактора финансовой подпитки терроризма выделяет в своем интервью и советник председателя Национального антитеррористического комитета ФСБ РФ, кандидат исторических наук Пржездомский А.С.: «Нам часто хочется объяснить активность террористических групп «кознями из-за рубежа». Безусловно, отмечается некоторая деятельность зарубежных центров влияния – это и финансовая подпитка, методическая, организационная помощь, инструктажи и

¹ *Суций С.Я.* Указ. соч. – С. 34.

² *Курбанов Х.Т.* Религиозно-политический экстремизм на Северо-Восточном Кавказе: идеология и практика (на материалах Республики Дагестан). – Ростов н/Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2006. – С. 128.

тому подобное. Но, надо признать, что все это не является решающим фактором, который обеспечивает высокую активность бандподполья. Так, финансирование антигосударственной деятельности во многом переведено «на места». Главный источник денежных потоков, благодаря которым организуются все новые теракты – тотальный рэкет. Практически весь частный бизнес в ряде южных регионов обложен «террористическим налогом». Предприниматели и чиновники элементарно боятся за свою судьбу, инструменты защиты со стороны власти не срабатывают (случается даже, что коррумпированные представители органов власти находятся «в доле»)¹.

Внутренне обусловленный характер нынешнего финансирования северокавказского терроризма подтверждает также отечественный терролог Суций С.Я. По его мнению, «...поступления идут от легальных и теневых бизнес-структур, в той или иной степени контролируемых («крышуемых») подпольем. С учетом масштаба теневой экономической деятельности в республиках Северного Кавказа, «крышевать» которую легче, чем легальное производство, доля прибыли подполья на данном направлении может быть значительной»².

Как следствие, в настоящее время важной особенностью современного северокавказского терроризма выступает то обстоятельство, что оно представляет собой устойчивую и уже достаточно независимую в финансовом плане систему, имеющую многоуровневый бюджет, состоящий из бюджетов «джаматов», секторов, валайятов и, наконец, собственно «Имарата Кавказ»³.

Бюджет «Имарата Кавказ» формируется из бюджетов валайятов, бюджеты валайятов – из бюджетов секторов, а они, в свою

¹ Пржездомский А.С. В эпицентре противостояния идеологии смерти // [Электронный ресурс] // Национальный антитеррористический комитет [Официальный сайт]. URL: <http://www.nak.fsb.ru>. Рубрика «Публикации».

² Суций С.Я. Указ. соч. – С. 34.

³ См. об этом подробнее: Текушев И. Указ. соч.

очередь, черпаются из бюджетов джамаатов. Формирование всех этих бюджетов происходит за счет т.н. «налога на джихад», который боевиками представляется в качестве одного из «столпов ислама» – закята, им исламисты облагают бизнесменов и чиновников в северокавказских республиках, а также соплеменников за их пределами. Суть системы налогообложения основана на вымогательстве, которому руководство «Имарата» придало теологическое обоснование. Сбор средств идет снизу – вверх, начиная с уровня джамаатов сел, и завершая республиками и всей зоной, подконтрольной «Имарату».

Например, в листке найденного на месте боя в Дагестане блокнота боевика под заголовком «Трофеи» описывается распределение полученных вымогательством средств. Во всех случаях пятая часть идет амиру. Еще столько же тем, кто этот «трофей» добыл. Если сумма не превышает 10 тысяч долларов, оставшиеся 60 процентов идут в «общак» группы. С добычи от 10 до 20 тысяч долларов в «общак» отдается 20 процентов, а 40 – амиру сектора. Если же куш составил от 20 до 50 тысяч долларов, эти 40 процентов идут уже амиру валайята¹.

Кассой валайятов, секторов и джамаатов распоряжаются амиры этих структур. Как отмечают эксперты, эта особенность идеально работает на эффективность всей системы, так как в условиях подполья и террористической деятельности финансовая независимость подразделений террористов позволяет быстро разрабатывать и реализовывать теракты и диверсии на всех уровнях. Сбором средств при этом занимаются сами боевики, их родственники, а также сочувствующие и симпатизирующие террористам. Отказ в уплате «налога, нередко завершается казнью «виновного»². Однако же, непосредственными сборщиками «закята», как правило, выступают члены бангрупп. Они же по

¹ Боевой расчет. На Юге России бандформирования работают по бизнес-планам // Известия. – 2011. – 13 апреля.

² Текушев И. Указ. соч.

решению шариатского судьи валайята осуществляют казни тех, кто отказывается от уплаты данного «налога».

Информирование об обязанности каждого мусульманина платить «закят» осуществляется виртуально – через Интернет, путем распространения аудио– и видеодисков, листовок и обращений, а также непосредственно через сборщиков, которые посылают «налогоплательщику» видеообращение амира валайята о налоге на джихад. В случае первого отказа от уплаты «налога» объекту налогообложения высылается предупреждение, а в случае второго отказа принимается решение о ликвидации «строптивца» и, нередко, такого бизнесмена убивают¹.

Как правило, в реальных условиях северокавказского региона видеообращения рассылаются на флэш-картах. Одним пакетом к потенциальному «налогоплательщику» приходит и сим-карта для телефона, на которой сообщается, куда принести деньги. Например, некто Садулаев Абдулла, бывший член группировки, занимавшейся вымогательствами и убийствами в Ульяновской области, в своем видеообращении заявляет: «Меня зовут Дауд, и я являюсь шариатским судьей в валайате Дагестан. Хочу довести до тебя некоторые положения одного из важнейших столпов в исламе – «закята»... Если ты все это сделаешь, как и положено мусульманину, то от нас тебе неприкосновенность и любая помощь. Но если будешь быковать, бегать в ментовку или к кому-то еще... рано или поздно мы тебя уничтожим и возьмем еще больше с твоих наследников»².

Финансовым поборам со стороны террористического подполья в республиках подвергаются многие государственные (республиканские, муниципальные) структуры и учреждения, вынужденные откупаться в целях своего сохранения³.

¹ Там же.

² Боевой расчет. На Юге России бандформирования работают по бизнес-планам // Известия. – 2011. – 13 апреля.

³ Суций С.Я. Указ. соч. – С. 34.

Как известно, «налог на джихад» не является изобретением северокавказских радикалов, он практиковался и практикуется в аналогичных условиях повсеместно в государствах Ближнего, Среднего Востока и в Северной Африке. Например, во время советского военного присутствия в Афганистане аналогичный налог бандитам выплачивали государственные и партийные функционеры, включая министров, членов Ревсовета и Политбюро правящей Народно-демократической партии¹.

На Северный Кавказ аналогичная практика вымогательства под теологическим прикрытием пришла во время первой чеченской кампании, однако в тот период это были, скорее, единичные акты вымогательства, лишённые всякой системы и работающие на интересы конкретных бандитских группировок. Затруднительно четко определить время, когда данная практика была трансформирована в систему сбора и распределения средств, работающую в интересах всей сети. Однако впервые об этой практике, как системе, заговорили лишь в 2010 году, когда на сайте кабардино-балкарских боевиков появились первые угрозы в адрес бизнесменов, отказывавшихся платить «закят».

Как считает Ислам Текушев, именно в Кабардино-Балкарии была создана единая система налогообложения, работающая на весь кабардино-балкарский валайт. Она была создана первым амиром республиканского валайята Анзором Астемировым, и лишь потом, после его назначением кадием «Имарата Кавказ», отработанная в республике схема была экстраполирована и наложена на все территории, где действует современное подполье. Таким образом, именно шариатский судья, кадий «Имарата Кавказ» Анзор Астемиров (мусульманское имя – Сейфуллах – «меч Аллаха»), дал теологическое обоснование данной практике. Именно он разработал и реализовал в Кабардино-Балкарии систему налогообложения, привел в движения звенья, которые заложи-

¹ Мансур А.Х. Панджшер дар дауран-е джахад (Панджшер в годы джихада). – Кабул, 1994.

ли достаточно прочную систему финансовой подпитки сетевых структур террористов на всем Северном Кавказе. Четкое взаимодействие этих звеньев обеспечило подполью значительный приток финансов, что укрепило подполье и расширило его ряды, обеспечило независимость от ослабших внешних поступлений¹.

Вместе с тем, «администрация» виртуально существующего «Имарата Кавказ», как и нижестоящие сетевые структуры северокавказских террористов, поражены традиционными социальными «болезнями», свойственными государственным структурам. В частности, коррупцией. Достоянием гласности были скандалы с растратами, фиксировались даже соответствующие постановления шариатского суда по этому поводу².

Эксперты отмечают, что под маской сепаратизма и радикального исламизма на Северном Кавказе нередко скрывается обычный криминал, активно практикующий в последние годы рэкет. Действительно, многие «религиозные вымогатели» встали на «тропу джихада» в тюрьме. Там, например, завербовали Мурада Лахиялова – брата футболиста «Анжи»: «...в начале нулевых он плотно сидел на игле, потом его посадили, сидел за угоны автомобилей. Вышел ваххабитом и возглавил группировку «Джамаат шариат». А Омар Рамазанов, амир Шамхала, до джихада был членом самарской ОПГ, наводнившей область фальшивыми деньгами. Оба уже ликвидированы, но зона и дальше выпускает в большую жизнь боевиков»³.

Таким образом, рассмотренный в данном параграфе материал свидетельствует о том, что в настоящее время реальная структура финансирования террористического подполья на Северном Кавказе представляет собой разветвленную сеть, непрерывно ме-

¹ Текушев И. Указ. соч.

² Боброва О. Как устроено подполье. Имарат Кавказ. Государство, которого нет // Новая газета. – 2010. – № 22. – 3 марта.

³ Боевой расчет. На Юге России бандформирования работают по бизнес-планам // Известия. – 2011. – 13 апреля.

нящую свою географию и структуру, общий объем циркулирующих средств, долевые соотношения различных источников. Из общих тенденций последних лет можно выделить также сокращение поступлений из внешних источников и усиление внутренней финансовой подпитки терроризма, диверсификацию внутренних источников, а также постепенную финансовую «оптимизацию» деятельности бандподполья, которое в условиях жесткого прессинга со стороны государства перешло на режим самоограничения, научилось достаточно эффективно расходовать сократившиеся объемы финансовых поступлений.

Глава IV. Радикальный исламизм и основные направления усиления противодействия ему в современной России

В настоящей главе исследования мы последовательно рассмотрим вопросы, связанные с динамикой и качественным состоянием развития религиозно-политического экстремизма и терроризма в Российской Федерации, прежде всего на Северном Кавказе, где фиксируется повышенный фон социально-политических девиаций. Во втором параграфе главы будут изучены осуществляемые в стране направления борьбы с экстремизмом и терроризмом, а также предложены политические аспекты стратегии усиления ненасильственных форм противодействия радикализации ислама.

4.1. Этапы радикализации ислама в Российской Федерации и их характеристика

Ислам в Российской Федерации преимущественно локализован в его суннитской версии ханифитского толка. В то же время, практически до последнего времени исследователи четко дифференцировали два качественно отличающиеся друг от друга ареала распространения ислама – Поволжье, Урал и Западная Сибирь, с одной стороны, а с другой – Северный Кавказ. На Северном Кавказе за последние два десятилетия религиозно-политический экстремизм и терроризм стали суровой реальностью, поэтому сконцентрируем внимание именно на нем.

На Северном Кавказе, как и в других регионах России и мира, ислам не представляет собой монолита, но разобъединен в рамках существующих направлений, толков и идейных течений. В регионе, как и в других субъектах РФ, доминирует его суннитская версия, относительно небольшое количество шиитов (по данным Комитета по делам религий Республики Дагестан

около 45 тысяч человек) проживает в южной части этой северокавказской республики. Их невысокая численность и относительная политическая пассивность позволяет в ходе дальнейшего анализа вывести их за рамки рассмотрения.

Что касается толков (мазхабов, или правовых школ в исламе), то с этой точки зрения северокавказский ислам достаточно условно можно разделить на две части: на Северо-Западном и Центральном Кавказе (Адыгея, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария и Северная Осетия-Алания) представлен ханифитский мазхаб, считающийся самым мягким и гибким в исламе. На Северо-Восточном Кавказе (Дагестан, Чечня и Ингушетия) преобладает шафиитский толк, более жесткий, чем ханифитский.

Однако самое значимое расслоение фиксируется на поле идейных течений в исламе (традиционализм, фундаментализм, модернизм), прежде всего, по линии традиционализм – фундаментализм. Каждое из этих течений борется за усиление своего влияния на верующих. Модернистские тенденции в регионе пока еще крайне слабы и противоречивы, и существенной роли в общем раскладе сил не играют. Поскольку самой исламизированной республикой Северного Кавказа является Дагестан, то в дальнейшем в ходе аргументирования тех или иных положений мы будем в большей степени опираться на дагестанский исламоведческий материал.

Традиционный ислам представляет собой, прежде всего, институционализированное мусульманское духовенство – административно-управленческий аппарат религиозных организаций – духовные управления мусульман (ДУМ), а также подведомственные им структуры (мечети, исламские образовательные учреждения и др.). Эти исламские институты принято считать «официальным исламом», или, что характерно для восточной части региона, «мечетным исламом». На Северо-Восточном Кавказе имеется также еще и другая институционализированная группа традиционалистов – сторонники «немечетного ислама», представленные

многочисленными вирдовыми, или мюридскими, братствами трех суфийских тарикатов (накшбандийа, кадирийа, шазилийа) во главе со своими руководителями – шейхами и устазами.

Традиционный ислам – сложное, многоуровневое и противоречивое явление. Он также далеко не един. В ДУМах, главных институтах «официального ислама», фиксируются конфликты интересов между отдельными служителями культа. В некоторых республиках, в частности в Дагестане, еще относительно недавно существовал целый ряд этнически ориентированных ДУМов. Имеются противоречия между духовными управлениями мусульман различных северокавказских республик. В рамках созданного в 1998 г. КЦМСК (координационный центр мусульман Северного Кавказа) между некоторыми муфтиями время от времени фиксируется всплеск борьбы за высший пост в данной структуре. Постепенно осуществляется ротация кадров «официального ислама», имамами мечетей, другими служителями мусульманского культа становятся люди, получившие образование за рубежом, а потому нередко являющиеся носителями далеких от традиционных в регионе ценностей.

Другим влиятельным отрядом традиционализма, влияющего на религиозно-политическую ситуацию в республиках Северо-Восточного Кавказа, является суфизм – мусульманский мистицизм¹. Например, только в Дагестане действуют около 20 шейхов накшбандийского, шазилийского и кадирийского тарикатов. По этническому составу накшбандийский тарикат, в основном, исповедуют аварцы, даргинцы, кумыки, лезгины, лакцы, табасаранцы. Кадирийскому тарикату следуют чеченцы и андийцы. Шазилийский тарикат распространен среди аварцев и в меньшей степени – среди кумыков и даргинцев. Общее число активных суфиев в РД, по различным данным, составляет до 55 тысяч человек, при-

¹ См. о суфизме: *Тримингэм Д.С.* Суфийские ордены в исламе. – М., 1989; Шиммель Аннемари. Мир исламского мистицизма. – М., 2000; *Эрнст Карл.* Суфизм: мистический ислам. – М., 2012.

чем примерно 75% из их числа проживают на севере и западе Дагестана. Наиболее влиятельным шейхом одновременно накшбандийского и шазилийского тарикатов, с наибольшим числом мюридов, до недавнего времени был Саид Ацаев (Саид-апанди Чиркейский), трагически погибшей из-за самоподрыва «террористки-смертницы» в 2012 г. Авторитетом также пользуются Сиражутджин Исрафилов, Магомед-Мухтар Бабатов, Магомед Курбанов, Магомед-Гаджи Гаджиев, Магомед Рабаданов, Арсланали Гамзатов, Магомед-Хабиб Рамазанов¹.

Суфизм также распространен в Чечне и Ингушетии, там действуют более 30 вирдовых братств накшбандийского и кадирийского тарикатов². Более того, приверженность к суфизму у вайнахов более сильна, нежели у дагестанцев. Однако исследование суфийских структур здесь затрудняется закрытостью от посторонних вирдовых братств, потому исследовательская литература по проблеме, в целом, скромна. Подчеркнем также, что в центральной и западной части Северного Кавказа суфизм распространения не получил. Этим, по нашему мнению, и объясняется меньшая исламизированность данного кавказского субрегиона по сравнению с Северо-Восточным Кавказом, как в историческом контексте, так и в наши дни. Вместе с тем, на Северо-Восточном Кавказе отмечается напряженность в отношениях между различными суфийскими структурами, их шейхами и мюридами.

Отсюда следует, что традиционный ислам в регионе («мечетный» и «немечетный») калейдоскопичен, полон противоречий, которые, помимо отмеченных выше, можно было бы артикулировать и дальше. Разумеется, все это не может не отражаться на настроениях и взглядах простых верующих,

¹ См. об этом: *Абдуллаев М.А.* Суфизм и его разновидности на Северо-Восточном Кавказе. – Махачкала, 2000.

² См. об этом: *Акаев В.Х.* Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе. – Ростов н/Дону, 2004; Он же. Суфийская культура на Северном Кавказе. – Грозный, 2011.

большинство из которых также можно отнести к традиционалистам. Северокавказский традиционный ислам, в основном, пребывает вне поля модернизационных процессов, фиксируемых в других «мусульманских» регионах России, прежде всего, в Поволжье.

В постсоветский период фиксируется неуклонная политизация традиционного, прежде всего, «официального» ислама. Как правило, в этом процессе наблюдается взаимодействие властей и официального духовенства, их взаимное притяжение. Власти нередко используют мусульманскую риторику, пытаются опереться на авторитет ислама и служителей культа. Например, в 90-е гг. XX в. среди представителей некоторых республиканских институтов власти существовало даже мнение о том, что «спасение» национальных республик лежит в плоскости ориентации исключительно на ислам¹. В свою очередь, мусульманские лидеры пытаются приобщиться к власти и властным структурам, заявляя, в частности, что только они способны противостоять исламским радикалам. Однако главной причиной политизации официального ислама стала их борьба с привнесенной извне салафией, в ходе этой борьбы и произошла окончательная смычка светских властей с официальным мусульманским духовенством.

Одновременно неуклонно укреплялась инфраструктура официального ислама. В частности, только в Дагестане в 2010 г. действовало 2240 исламских организаций (из них 2220 суннитских: 1122 джума-мечетей, 699 квартальных мечетей, 178 молитвенных домов, 16 исламских высших учебных заведений, 15 их филиалов, 116 медресе, 94 мактаба, а также 20 шиитских объединений: 7 центральных мечетей, 6 квартальных мечетей и 7 молитвенных домов). Служителей исламских религиозных объединений (има-

¹ См, например: *Асиятилов С.Х.* Спасение Дагестана в Исламе. – Махачкала, 1989.

мов, будунов, муэдзинов и др.) в этой республике – более 2500¹. Аналогичные показатели в других республиках, хотя и скромнее по сравнению с Дагестаном, так же впечатляют, особенно по сравнению с советским периодом.

Исламские организации располагают собственными и подконтрольными СМИ. Например, Духовное управление мусульман Дагестана (ДУМД) имеет свой официальный печатный орган – газету «Ассалам», которая выходит на восьми языках (русском, аварском, даргинском, кумыкском, лезгинском, лакском, чеченском и табасаранском). По своей концепции и содержанию к этому изданию близко примыкает еженедельник «Исламский вестник», газета «Нур-ул ислам», журнал «Ислам». Электронные версии газет «Ассалам» и «Нур-ул ислам» размещаются в интернете. В Дербенте выходит ежемесячная газета «Ислам в Юждаге». Исламские организации Дагестана также активно используют возможности республиканского телевидения и радио: передачи «Мир вашему дому» на русском языке в ГТРК «Дагестан», «Час размышлений» на «ТНТ-Махачкала», «Путь к истине» на ТВ «Центр-Махачкала» и на «ТВ-Чиркей». Некоторые передачи дублируются на каналах кабельного телевидения. Пропаганда ислама ведется на волнах радио «Прибой», «Сафинат» и др. В республике многотысячными тиражами издается религиозная литература, в том числе и на языках различных этнических групп. Кроме того, в РД до недавнего времени завозилось большое количество религиозной литературы на русском, арабском и других языках, изданной как в России (издательствами «Бадр» и «Сант-лада»), так и за рубежом. По имеющимся данным, в обороте на территории этой республики находится около тысячи наи-

¹ *Добаев И.П., Мурклинская Г.А., Сухов А.В., Ханбабаев К.М.* Радикализация исламских движений в Центральной Азии и на Северном Кавказе: сравнительно-политологический анализ / Южнороссийское обозрение. Выпуск № 60. – Ростов н/Дону, 2010. – С. 169-170.

менований исламской литературы. Впрочем, такая ситуация характерна, в той или иной степени, и для других субъектов Северного Кавказа¹.

Мусульманские объединения северокавказских республик, обладая широкой сетью организаций, опираясь на традиционные морально-нравственные ориентиры ислама, на авторитет духовных лидеров (алимов, шейхов) предпринимали активные шаги для усиления своего влияния на происходящие процессы в республиканских обществах. При этом укрепление позиций Духовных управлений мусульман в вопросах регулирования межконфессиональных отношений порождало централизацию религиозной власти, а, с другой стороны, усиливало центробежные тенденции, углубляло внутриконфессиональные разногласия и противоречия в мусульманских общинах.

Как уже отмечалось, главным оппонентом и антагонистом традиционалистов в регионе выступают фундаменталисты (салафиты, или неоваххабиты), идеалом которых является возврат к реалиям «золотого века» ислама (период жизни первых трех поколений мусульман, или период, связанный с жизнью и деятельностью пророка Мухаммада и четырех «праведных» халифов) – шариатизация общественной жизни и воссоздание государственного образования в форме Халифата. Противостояние традиционалистов и салафитов в итоге привело к повышенной исламизации республик, особенно на Северо-Восточном Кавказе, хотя в первой половине 90-х гг. XX в. власти отмежевывались от поддержки какой-либо из сторон, считая это внутренним делом исламских организаций и их лидеров, якобы занимающихся теологическими спорами. Однако, начиная с середины 1990-х годов во многом благодаря усилиям Духовного управления мусульман Дагестана (ДУМД), где исключительным влиянием пользуются последователи местных ответвлений суфийских орденов накшбандийа, кадирийа и шазилийа, в межконфессиональное проти-

¹ Там же. – С. 171-173.

востояние начинают вовлекаться представители федеральных и региональных властных структур, которые взяли курс на борьбу с «ваххабизмом»¹. С принятием в 1999 г. в Дагестане «антиваххабитского» закона светские власти этой, а затем и других северокавказских республик, окончательно оформили союзнический альянс с представителями «официального» ислама.

Несмотря на некоторые негативные реалии и тенденции в традиционном исламе, федеральные и республиканские власти, и это в большей степени справедливо, рассматривают его как «толерантный ислам», заслуживающий признания и всемерной поддержки. Реально такой взгляд на вещи, в 90-е гг. XX в. абсолютно верный, сегодня по многим позициям ошибочен. На деле традиционный ислам политизирован, а порой радикален и даже агрессивен, практически во всех республиках Северного Кавказа, что чревато разрастанием внутренних трений и конфликтов, как непосредственно в среде традиционалистов, так и между традиционалистами с представителями других течений в исламе, прежде всего «ваххабизма» (точнее – «неоваххабизма»). Сказанное актуально, в первую очередь, для Северо-Восточного Кавказа, где в традиционализме беспрецедентно важную роль играет суфизм, полнейший антипод «чистого» ислама (он же – «ваххабизм», «неоваххабизм», «северокавказский ваххабизм», исламизм и т.д.). Поэтому неудивительно, что в конкретных исторических условиях на Северном Кавказе «столкнулись две полярные формы идентичности: исходная «традиционная идентичность» и привнесенная религиозными экстремистами «ваххабитская» идентичность»². Еще раз подчеркнем, что суфизм и «ваххабизм» являются противоположными полюсами, главными антагониста-

¹ Бобровников В.О. Исламофобия и религиозное законодательство в Дагестане // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – № 2 (8).

² Абдурахманов Д.Б., Акаев В.Х., Дадуев М.А. Северный Кавказ: преодоление факторов этнополитической дестабилизации и достижение межнационального согласия / Южнороссийское обозрение. Выпуск № 76 / Под ред. Черноуса В.В. – Москва – Ростов н/Дону, 2013. – С. 7.

ми на северокавказском общеисламском поле, а потому конфликт между ними носит ценностный, непреходящий характер, решить который путем уступок и компромиссов вряд ли удастся.

Тем не менее, в отсутствие модернизированного северокавказского ислама, у светских властей практически нет выбора. В условиях нарастания исламистских тенденций, в противостоянии радикальным салафитам игнорировать традиционалистов нельзя, безоглядно же поддерживать и во всем им потакать – становится опасно. Как следствие, несмотря на все усилия властей, политизация и радикализация ислама не ослабевает, захватывая при этом все новые российские территории. В то же время, следует подчеркнуть, что этот процесс на территории России начался именно в Дагестане.

Преждевременно ушедший из жизни талантливый дагестанский исламовед К.М. Ханбабаев (1956-2011) выделяет четыре этапа радикализации исламского движения в Дагестане¹.

По его мнению, на начальной стадии (конец 80-х – 1991 гг.) осуществлялся т.н. «исламский призыв», заключающийся во внедрении в массовое сознание дагестанцев основных идеологических посылов исламизма.

На второй, организационной стадии (1991-1999 г.) фиксируется процесс институционализации радикальных группировок. Именно в этот период времени, начиная с 1997 г., на «ваххабитов» обрушивается волна репрессий, что стало побудительной причиной переселения («хиджры») в 1998 г. наиболее решительно настроенных салафитов во главе с их идейным лидером Магомедом Кизилюртовским из Дагестана в Чечню, где в селении Урус-Мартан стал функционировать их центр. Там произошла полная консолидация дагестанских и чеченских «ваххабитов», причем влияние на этот процесс со стороны зарубежных экстремистов, особенно арабских, в тот период было беспрецедентным.

¹ Ханбабаев К.М. Этапы радикализации исламского движения в Дагестане / Южнороссийское обозрение. Выпуск № 72. – Ростов н/Дону, 2012. – С. 37-38.

Третья, насильственная стадия (1999 г.) началась с призыва к «джихаду», односторонне понимаемому как ведение вооруженной борьбы с «врагами ислама», и заключалась в борьбе за установление исламского порядка, насильственного захвата власти в Дагестане. В этой республике на волне вооруженного противодействия бандам, вторгшимся с территории Чечни, 16 сентября 1999 г. принимается закон «О запрете ваххабизма и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан». Согласно этому закону все «ваххабиты» были фактически приравнены к экстремистам и террористам и поставлены вне закона. Между тем, упомянутый закон был принят поспешно, на волне глубокого народного возмущения вторжением боевиков со стороны Чечни.

На четвертой стадии (с начала 2000-х по настоящее время) исламистские радикальные группировки, потерпев поражение в открытой борьбе, ушли в подполье, и перешли к терактам в отношении представителей государственных и муниципальных органов власти и управления, правоохранительных органов, простых граждан.

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что, вопреки устоявшемуся мнению, фундаменталистские группировки на Северном Кавказе появились еще в 70-х гг. XX в. в виде небольших по формату подпольных групп единоверцев, сложившихся в Дагестане, а их основателем был М.Кебедов (Мухаммед Кизилюртовский). В конце 80-х – начале 90-х гг. на гребне горбачевской «перестройки» они, выйдя из подполья, под мощным воздействием извне, стали активно развиваться. Этот процесс был резко усилен в ходе первой чеченской кампании (1994-96 гг.), вследствие участия на стороне бандформирований многочисленной прослойки зарубежных «моджахедов», а также отдельных радикально настроенных представителей других северокавказских республик. В период «чеченского межсезонья» (1996-99 гг.) фундаментализм фактически прошел институционализацию на территории непризнанной

Чеченской Республики Ичкерия. В ходе второй чеченской кампании произошел процесс «растекания» салафийи на всем северокавказском пространстве, предопределив последующий сложный ход политического процесса в регионе.

Поскольку предложенная К.М. Ханбабаевым характеристика этапов политизации и радикализации ислама наиболее адекватно отражает процессы в Дагестане, но не в полной мере учитывает происходящее в других северокавказских республиках, а тем более далеких от этого макрорегиона некоторых субъектах РФ, представляется целесообразным предложить несколько отличающиеся от вышеприведенных этапы политизации и радикализации ислама в Российской Федерации. Тем более что религиозно-политические процессы последних двух-трех лет внесли серьезные качественные изменения в структуру и географию распространения исламизма и его крайних форм. Итак, представляем нашу версию периодизации радикализации российского ислама:

1. 70-е – начало 90-х гг. XX в. знаменует собой первый этап. Первоначально в Дагестане, не без влияния извне, появляются молодежные салафитские группировки, идет процесс осмысления их адептами зарубежного салафитского наследия, а первым «наставником» выступает уже упоминавшийся Магомед Кизилюртовский. Силловые структуры выявляют и «мягко» пресекают деятельность этих группировок.

2. Начало 90-х гг. – 1994 гг. Фиксируется воссоздание и практическая легализация дагестанских салафитских группировок, которые осуществляют т.н. «салафитский призыв» путем создания исламистских кружков, где их участники детально изучают такие понятия, как «такфир» и «джихад», в их специфической «ваххабитской» интерпретации. В этот же период в России при посольствах некоторых мусульманских стран создаются «культурные центры», фиксируется ввоз в страну и распространение исламистской литературы. Одновременно аналогичная литература в массовом порядке начинает издаваться на местах (например,

издательство «Сантлада» в селе Первомайское Хасавюртовского района Дагестана). В Россию начинают прибывать миссионеры, проповедники и зарубежные «преподаватели» мусульманских дисциплин, одновременно начинается выезд для получения исламского образования за рубежом российской мусульманской молодежи. Первые два периода основной территорией исламизации выступает Дагестан.

3. Декабрь 1994 г. – начало 2000-х гг. характеризуется доминированием Чечни в процессе радикализации северокавказского ислама. Чеченские войны, как и трехлетний перерыв между ними, сопровождался концентрацией в этой республике зарубежных «моджахедов», преимущественно арабов, с серьезной идеологической, финансовой и иной подпиткой со стороны зарубежных исламистских центров. На территории Чечни функционировали специальные учебные центры по подготовке боевиков – самый известный под селением Сержень-Юрт в Шалинском районе, который возглавлял известный зарубежный террорист Эмир Хаттаб, близкий к лидеру «Аль-Каиды» Усаме бен-Ладену. В 1998 г. в Чечню из Дагестана переезжают радикальные исламисты со своим лидером – М.Кизилюртовским, происходит консолидация зарубежных, чеченских, дагестанских салафитов, а также их единомышленников из других северокавказских республик. В 1999 г. позиции салафитов в Чечне настолько окрепли, что они решились на агрессию в дагестанском направлении, где их боевые структуры были разгромлены.

4. Сентябрь 1999 – 2007 гг. Этап характеризуется началом второй чеченской кампании, разгромом боевых подразделений сепаратистов, переходом их к партизанской войне. В этот период Чечня остается эпицентром сосредоточения радикальных исламистов, хотя ее лидерами артикулируются еще вполне светские сепаратистские проекты в рамках конструирования т.н. ЧРИ (Чеченская Республика Ичкерия). В этот же период наблюдается процесс «растекания джихада» практически по всей территории

Северного Кавказа. Речь идет о распространении идеологии радикального исламизма, институционализации собственных неправительственных религиозно-политических организаций и группировок, появлении и разрастании инфраструктуры «джихада» (схроны, блиндажи, бункера и т.п.), ведении специфической политической диверсионно-террористической практики, в том числе далеко за пределами северокавказского региона. Происходит трансформация структур боевиков, которая постепенно приобретает сетевой характер.

Значимым на данном этапе представляется то, что если в 90-е гг. XX в. северокавказские «ваххабиты» были представлены умеренно-радикальной и ультра-радикальной составляющими, то в ходе второй чеченской кампании местная салафийя выродилась исключительно в религиозно-политический экстремизм, на базе которого развилось террористическое движение, прикрывающееся исламским вероучением. Тем не менее, умеренные радикалы, хотя и в меньшем количестве, еще присутствуют на Северном Кавказе. Однако власти, не умея или не желая отличать умеренных от ультра-радикалов, осуществляют в отношении них одинаково жесткие силовые меры. Такой подход сокращает и без того узкую прослойку умеренных радикалов, постепенно переходящих на экстремистские позиции.

5. 2007 г. – н/время. Пришедший к власти в виртуально существующей Чеченской Республике Ичкерия новый лидер – Доку Умаров – объявил о завершении националистического плана построения ЧРИ, и одновременно обнародовал новый геополитический проект – «Имарат Кавказ». Согласно ему, на Северном Кавказе на исламистских принципах функционирования создается новое государство – «Имарат Кавказ», управление которого осуществляется по образу и подобию исламских государств прошлого (Халифаты). В свою очередь, помимо соответствующих центральных институтов власти и управления, в «Имарат» на правах провинций входят т.н. «вилайеты» – конкретные республики

Северного Кавказа, а в перспективе и другие регионы России. В свою очередь, указанные «вилайеты» состоят из секторов, в составе которых действуют первичные исламистские группировки – т.н. «джамааты», представляющие собой, по сути, диверсионно-террористические группировки, иначе говоря – банды.

6. Конец первого десятилетия – начало второго десятилетия XXI века: наблюдается распространение влияния «Имарата» и его лидеров на другие «мусульманские» территории – в Поволжье, Урале и Западной Сибири, прежде всего, на Татарстан.

7. Последние год – два: появление исламистских группировок в «исламских анклавах»¹ в немусульманских субъектах страны, группирующихся вокруг появляющихся на этих территориях мечетей, что следует считать новейшей тенденцией в процессе радикализации отечественного ислама, заключающейся в расползании метастаз исламизма по территории страны. Аналогичные процессы ранее имели место в США и некоторых государствах Западной Европы².

Совершенно очевидно, что последние три этапа радикализации ислама и исламского движения напрямую затрагивают уже не только Северный Кавказ, но и другие регионы России, формируют качественно новую структуру исламистских группировок, подготавливают почву для разработки более грандиозных геополитических планов по переформатированию политического поля страны. Именно поэтому они нуждаются в более подробном осмыслении и описании. Если проигнорировать эту негативную

¹ О «мусульманских анклавах» см. подробнее: *Милованов Ю.Е.* «Анклавизация» территорий Северо-Кавказского региона: содержание процесса и проблемы исследования // *Насилие в современной России: Тез. докл. науч. конф.* – Ростов н/Дону, 1999.

² См. об этом: *Добаев И.П.* Экстремистские группировки в США: исламский фактор // *Мировая экономика и международные отношения.* – 2007. – № 1; Он же. Исламизация Европы: миф или реальная угроза? // *Мировая экономика и международные отношения.* – 2008. – № 4.

тенденцию, вряд ли можно будет правильно расставить акценты в деле усиления борьбы с этим разрушающим российскую государственность религиозно-политическим явлением.

Итак, 7 октября 2007 г. новый лидер непризнанной Ичкерии Доку Умаров заявил о сложении президентских полномочий и назначил себя верховным правителем – «амиром моджахедов Кавказа», «предводителем джихада», а также единственной законной властью на всех территориях, где есть моджахеды». В перспективе – на весьма обширных и удаленных от Северного Кавказа территориях – вплоть до Татарстана и даже Бурятии¹. Таким образом, идея национальной независимости была заменена доктриной освобождения от «власти неверных». Как было заявлено, целью создания Имарата Кавказ является установление шариатского правления на всей территории Северного Кавказа².

По территориальному устройству «Имарат Кавказ» состоит из ряда входящих в него субъектов – вилайетов (в переводе с турецкого вилайет – область, провинция). Первоначально он был разделен на шесть вилайетов: Дагестан, Нохчийо (Чечня), Галгайче (Ингушетия), Иристон (Северная Осетия-Алания), Ногайская степь (Ставропольский край), а также объединенный вилайет Кабарды, Балкарии и Карачая³. В мае 2009 г. вилайет Иристон был включен в состав вилайета Галгайче. «Имарат Кавказ» располагает своим представительным органом – «Маджлис уль-Шура», а также разнообразными функциональными структурами, среди которых – военное ведомство, спецслужбы, шариатский суд, «министерство» по связям с общественностью и т.д. В достаточно

¹ Новая газета. – 2010. – № 22. – 3 марта.

² Романченко Н.Е. Институционализация современных радикальных неправительственных религиозно-политических организаций на Северном Кавказе / Южнороссийское обозрение. Выпуск № 68. – Ростов н/Дону, 2011. – С. 97.

³ Боброва О. Имарат Кавказ. Государство, которого нет // Новая газета. № 22. – 2010. – 3 марта. Цит. по: Умаров Д.В. Терроризм на Северном Кавказе: влияние экзогенного фактора / Южнороссийское обозрение. Выпуск № 74. – Ростов н/Дону, 2013. – С. 76.

независимом от «центрального аппарата» «Имарата» пребывают сетевым образом оформленные салафитские «вилайеты» со своими «амирами», которые, в свою очередь, не жестко замыкают на себя структуры т.н. «секторов», а те – конкретные бандгруппы, именуемые салафитами «джамаатами».

Таким образом, в своей совокупности, на Северном Кавказе сложился крупный, но достаточно автономный сетевой террористический кластер, который с другими аналогичными сетевыми структурами в различных регионах мира объединяет лишь, как правило, общность идеологических положений и целей. При этом, как верно подчеркивает чеченский исследователь Джамбулат Умаров, «сегодня в регионе... сложилась разветвленная сетевая террористическая структура, обладающая такими специфическими институциями, как судебная власть (кадии), хорошо отработанной фискальной системой, а также исполнительной властью в лице т.н. «амиров» различных уровней, от «джамаата» – до «Имарата»..., а «живучесть сложившейся системе придает сращивание идеологии радикального исламизма с северокавказскими традиционными социальными институтами и сложившимися современными общественно-политическими условиями»¹.

Диверсионно-террористическая активность «Имарата» и входящих в нее структур резко возросла, особенно в преддверии, в ходе и по завершении «пятидневной войны», когда грузинский режим Саакашвили предпринял очередную попытку обеспечить территориальную целостность Грузии военным путем. Например, в 2009 г. на территории Южного федерального округа, в состав которого в тот период времени входил весь Северный Кавказ, «было совершено 641 посягательство на жизнь сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих (в 2008 г. – 491, рост составил 30 процентов). Только в 2009 г. по Южному федеральному округу погибли: 251 сотрудник правоохранительных органов и военнослужа-

¹ Умаров Д.В. Указ. соч. – С. 81-82.

щих, а также 32 гражданских лица (в 2008 г. – соответственно 210 силовиков и 12 гражданских), ранены 727 сотрудников и 85 гражданских лиц (в 2008 г. – 484 силовика и 68 гражданских)»¹. В 2010 г. было «зафиксировано 273 взрыва и 492 обстрела, подорвали себя 14 террористов-смертников. В результате погибло 410 человек, а более тысячи получили ранения»².

Уровень террористической преступности остается высоким и в настоящее время, особенно в Дагестане, Ингушетии, Кабардино-Балкарии и Чечне. Так, за последние три года (2010-2012 гг.) на Северном Кавказе зафиксировано более тысячи совершенных акций террористического характера, в том числе в Дагестане – 732 (соответственно по годам – 310, 229, 193), Ингушетии – 253 (161, 46, 46), Кабардино-Балкарии – 222 (131, 46, 45), Чечне – 198 (149, 32, 17)³. Отсюда следует, что в указанных субъектах РФ в 2010 г. было совершено 751, в 2011 г. – уже 353, а в 2012 г. – 301 преступление террористического характера. Таким образом, в последние годы наблюдается неуклонное падение уровня террористической активности, тем не менее, эти показатели остаются все еще чрезвычайно высокими. Особенно это касается Дагестана, в последние два года практически не уменьшается число терактов в Ингушетии и Кабардино-Балкарии, и только Чечня демонстрирует позитивную динамику, что, безусловно, связано с эффективностью осуществления в этой республике анти-террористической деятельности.

Под сильным воздействием извне, в том числе с Северного Кавказа, началась радикализация ислама в Поволжье, прежде всего – в Татарстане. Здесь уже в 1993 г. дирекция новообразованного набережно-челнинского медресе «Йолдыз» заключила договор

¹ Как заткнуть за пояс шахида? // Московский Комсомолец. – 2010. – 24 февраля. Цит. по: Умаров Д.В. Указ. соч. – С. 92.

² Умаров Д.В. Указ. соч. – С. 92.

³ Личный архив автора.

о содействии образовательному процессу с «благотворительной» организацией «Тайба» из Королевства Саудовская Аравия. Как следствие, медресе было превращено в центр по подготовке религиозных радикалов. Результат не замедлил сказаться: осенью 1999 г. выпускник этого медресе Денис Сайтаков оказался в числе организаторов терактов в Москве. Позднее другие учащиеся медресе оказались причастными к нескольким подобным акциям. Кроме того, были обнародованы факты сотрудничества руководителей этого учебного заведения с чеченскими «полевыми командирами» Басаевым и Хаттабом, которые предоставляли учащимся «Йолдыза» возможность пройти соответствующую «практику» в Чечне¹. В начале 2000-х, помимо Набережных Челнов, были обнаружены аналогичные структуры молодых радикалов в Альметьевске, Нижнекамске, Кукморе, а также и в других населенных пунктах Татарстана².

Как подчеркивает татарский исламовед Р. Сулейманов, «новейшая история исламского терроризма в Татарстане началась с первых терактов на газопроводах в 2003-2005 годах в сельских районах. Затем в республике появились свои «лесные» – боевики в Нурлатском районе Татарстана, где вооруженная банда фундаменталистов постаралась организовать подполье в местном лесу по типу северокавказского»³. Действительно, 25 ноября 2010 г. в Нурлатском районе Татарстана силами МВД республики при личном участии министра внутренних дел РТ генерала А.Сафарова была ликвидирована вооруженная банда боевиков, намеревавшихся создать в лесистой части закамской зоны респу-

¹ Аргументы и факты. Регион. – 2000. – №№ 4, 5.

² *Силантьев Р.А.* Распространение ваххабизма в современной России // Вестник Челябинского государственного университета. № 16 (154). История. – 2009. – С. 168-169.

³ *Сулейманов Р.* Исламский терроризм в современном Татарстане: ваххабизм на практике // Агентство политических новостей. – 2012. – 25 июля.

блики свою опорную базу¹. Именно тогда стало окончательно ясно, что в Республике Татарстан возникли устойчивые группы радикальных салафитов, при этом обнаружилась непосредственная взаимосвязь между ними, а также этнонационалистами и представителями криминального мира. Так, глава МВД республики, впервые открыто признав факт сращивания исламистов с представителями организованных преступных группировок (ОПГ), отметил: «Мы отмечаем трансформацию организованной преступности, поскольку идет выделение в преступной среде группировок, сформированных по религиозному принципу, а особую активность в исламизации участников преступных группировок проявляют сторонники так называемого салафитского (ваххабитского) течения»². Кроме того, как подчеркнул генерал, исламисты-салафиты ведут постоянную проповедническую деятельность в мечетях, местах лишения свободы и в криминальной среде, ежегодно вовлекая в свои ряды десятки лиц. Однако, в отличие от обычных ОПГ, «мусульманские бригады» не противоборствуют друг с другом. Они солидарны и поддерживают связи, часто пользуясь поддержкой «братьев по вере» из других аналогичных группировок. «Объединенные одной идеологией и хорошо организованные, неукоснительно соблюдающие требования конспирации, имеющие криминальный опыт, члены организованных преступных формирований, принявшие салафизм, представляют сегодня реальную угрозу», – признал Асгат Сафаров³.

В том же 2010 г. лидер северокавказских радикальных исламистов, «амир Имарата Кавказ» провозгласил о появлении т.н.

¹ Сулейманов Р.Р. Ваххабизм в Татарстане в постсоветский период в свете влияния внешних факторов // Проблемы национальной стратегии. – 2013. – № 1 (16). – С. 177.

² Руководитель МВД Татарстана признал опасность ваххабизма в республике // Regnum: информ. агентство. – 2010. – 16 дек. URL: <http://www.regnum.ru/news/1357240.html>.

³ Там же.

«вилайета Идель-Урал», который охватил территорию современного Поволжья и Урала¹. Вслед за этим появляется бандподполье со своим «амиром вилаейта». Следствием длительного процесса институционализации подполья стало увеличение числа салафитов, их структурного оформления. По мнению экспертов, сегодня в Татарстане насчитывается около трех тысяч салафитов и салафитствующих². Однако их количество неуклонно пополняется: только в Саудовской Аравии обучаются 120 татар, а в 2011 г. без уведомления ДУМ РТ в эту страну, родину ваххабизма, отправилось еще 20 человек³. Ситуация резко усугубляется: в январе 2012 года в дер. Мемдель Высокогорского района Татарстана была обнаружена домашняя лаборатория по производству взрывчатки и «поясов шахида»⁴, а 19 июля 2012 г. в Казани был ранен муфтий Татарстана И. Фаизов и убит его заместитель В. Якупов, возглавлявший учебный отдел Духовного управления мусульман РТ. По мнению татарских экспертов, «сегодня в республике ваххабитами реализуется ингушско-дагестанский сценарий: то, что происходило на Северном Кавказе 10 – 15 лет назад, сейчас осуществляется в Поволжье. Первый муфтий Дагестана был убит в 1998 году. После этого было убито свыше 50 муфтиев, их заместителей и известных имамов, придерживавшихся традиционного для Северного Кавказа ислама»⁵.

¹ Моджахеды Татарстана признали своим лидером Доку Умарова // Тема Казань: интернет-сайт. – 2012. – 27 июля. URL: <http://www.temakazan.ru/news/crime/item/4819/>.

² Гордеев Я. На пороховой бочке: откуда в Поволжье террористы // Новое время: Интернет-сайт. – 2011. 12 сент. – №29. URL: <http://newtimes.ru/articles/detail/43421>.

³ Гарсия Р. Волга впадает в Аравийское море: маленький оплот религиозного экстремизма в Татарстане // Эксперт. – 2012. – 15 окт.

⁴ Сулейманов Р. Исламский терроризм в современном Татарстане: ваххабизм на практике...

⁵ Там же.

Итак, в Республике Татарстан сформировались устойчивые салафитские группы, а в настоящее время экспертами прогнозируется процесс «растекания салафизма» по Поволжью, Уралу и Западной Сибири, как это произошло уже на Северном Кавказе. При этом вышеуказанные группы рассматривают себя как устойчивые сообщества, четко осознающие свою специфику, свои интересы и возможности их отстаивания, используя в этих целях правозащитные и юридические средства. Впрочем, этот путь уже прошли их северокавказские единомышленники, сформировав целый ряд таких правозащитных организаций. Например, как уже отмечалось, в Дагестане уже в первой половине 2000-х были сформированы каналы легальной поддержки деятельности вооруженного экстремистского подполья через общественные объединения, самой известной из них стала организация «Матери Дагестана»¹. Лидеры этих организаций поддерживают контакты с экстремистами, подвергают резкой критике деятельность правоохранительных органов, обвиняя их в массовых нарушениях прав человека и гражданина. Такая позиция формирует у населения мнение о том, что, якобы, неоправданно жесткие действия правоохранительных органов являются одной из основных причин, побуждающих молодежь пополнять ряды боевиков. Более того, по мнению некоторых экспертов, в России сложилось устойчивое и влиятельное «исламистское лобби»². Пользуясь этим, «салафитское крыло мусульман опробовало в разных регионах новый для них формат легальных митингов, мобилизуя на них своих сторонников и пытаясь озвучить поднятую ими тему

¹ См. об этом: *Мурклинская Г.А.* Сетевая война против России на Северном Кавказе: реальность и перспективы // Исламский фактор на Юге России / Южнороссийское обозрение. Выпуск № 72. – Ростов н/Дону, 2012. – С. 22-33.

² См., например, об этом: *Амелина Я.* Кровь муфтия Татарстана и его заместителя на руках тех, кто не признавал исламистских настроений в республике // ИА REGNUM. – 2012. 20 июля; *Сулейманов Р.* Исламский терроризм в современном Татарстане: ваххабизм на практике // Агентство политических новостей. – 2012. – 25 июля.

«гонений на ислам» в России в федеральном масштабе»¹. Например, 8 февраля 2013 г. «свыше двух тысяч салафитов – сторонников радикального ислама, которые и ведут войну против российского государства, провели митинг в самом центре Махачкалы. Митинг стал отражением новой реальности: сторонники салафитов сегодня составляют, по разным оценкам от 10% до 17% от общего числа мусульман республики. Напомним, в 2005 году, когда впервые в Дагестане прогремели взрывы, число салафитов, по данным МВД, составляло менее 2 тысяч человек»². Участники указанной акции в столице Дагестана держали в руках черные и белые флаги с исповеданием веры на арабском языке. Похожая символика использовалась на митингах, организованных летом 2012 года в Казани прихожанами мечети «Аль-Ихлас» и на «мусульманском автопробеге» по столице Татарстана 26 октября 2012 года. Позднее в СМИ появилась информация о том, что представленные на экспертизу флаги автопробега были признаны казанскими специалистами «полностью идентичными символической, используемой членами международной религиозной организации «Хизб-ут-Тахрир аль-Ислами» во многих странах мира»³.

Отсюда становится совершенно очевидным, что «...любые попытки свалить вину на силовиков, якобы заинтересованных в начале репрессий, о которых разглагольствуют «исламские аналитики»..., а также любые способы найти смягчающие обстоятельства для «исламских диссидентов», как стали террористов называть их единомышленники на ваххабитских Интернет-ресурсах, являются ничем иным как оправданием ваххабизма»⁴.

¹ *Мальцев В.* Ислам зачищают от нелегалов. Государство расширяет силовую поддержку официального духовенства // НГ-Религии. – 2013. – 20 февр.

² *Омарова Х.* Республика Дагестан: системный кризис разрастается? // Электронный ресурс: <http://www.bs-kavkaz>. – 2013. – 27 февр.

³ См. об этом: <http://www.regnum.ru/news/polit/1616981.html>.

⁴ *Сулейманов Р.* Исламский терроризм в современном Татарстане: ваххабизм на практике...

Следующим этапом «растекания ваххабизма», по нашему мнению, следует считать укрепление позиций его адептов в «мусульманских анклавах», появившихся и укрепившихся в последние годы в некоторых российских мегаполисах. Впрочем, такие «анклавы» уже давно сложились в некоторых европейских государствах, например во Франции, а потому их опыт может оказаться полезным и для России¹. Европейские реалии свидетельствуют о том, что этнически и религиозно однородные общины мигрантов активно и достаточно успешно формируют «анклавную» среду обитания, которая тяготеет к тому, чтобы локализоваться в соответствующих территориальных границах, а центром их сосредоточения, как правило, выступают мечети или моленные помещения. Одновременно одним из последствий появления подобных «анклавов» становится криминализация и религиозно-политическая радикализация некоторой части мигрантов, что неизбежно приводит к появлению латентных очагов социально-политической конфликтности в достаточно продолжительной перспективе, к их неизбежной конфронтации с местным населением. По нашему мнению, говорить в данном случае о толерантном «евроисламе» не приходится, скорее, речь идет об исламизации Европы, причем в самых опасных формах. События первых лет нового тысячелетия в Испании, Великобритании, Франции и других европейских странах рельефно подтверждают этот тезис. Как следствие, в последние годы европейские политики в унисон заговорили о провале идеологии и практики мультикультурализма в Европе, о несовместимости исламизма и западно-либеральных ценностей.

Аналогичные «анклавы» появились и в российских городах, и результаты этого не замедлили проявиться. Например, в ходе проведенной 8 февраля 2013 года представителями силовых структур Санкт-Петербурга операции в моленном помещении

¹ См. об этом: *Добаев И.П.* Исламизация Европы: миф или реальная угроза? // *Мировая экономика и международные отношения.* – 2008. – № 4.

одного из городских рынков, а также в домах и на частных квартирах было задержано несколько человек, которых обвинили в распространении материалов религиозно-экстремистского характера. Всего, по официальным данным, был задержан 271 человек, 90 процентов из них оказались иностранцами, в том числе иммигрантами из Афганистана и Египта. Судя по информации, озвученной СМИ руководителем пресс-службы УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области Д. Кочетковым, характер исламистской угрозы в регионе сопоставим с северокавказской ситуацией: «В ходе операции были задержаны... приверженцы радикальных течений ислама, представляющие угрозу государству, которые отрицают светскую власть и стремятся к халифату»¹.

Таким образом, в постсоветский период, вследствие ослабления институтов государственной власти Российской Федерации, под сильным внешним воздействием, наблюдался неуклонный процесс политизации и радикализации ислама и исламских группировок, появления и институционализации на территории страны нетрадиционных исламистских течений. Этот процесс усугублялся слабостью и разобщенностью традиционного и официального российского ислама, реализацией сепаратистских проектов в некоторых регионах страны, прежде всего на Северном Кавказе. В силу целого ряда причин, объективных и субъективных факторов на территории России возникли и окрепли устойчивые группировки радикальных салафитов, прошедших институционализацию первоначально в некоторых северокавказских республиках. Впоследствии произошел процесс «растекания джихада» практически по всему Северному Кавказу, а в последнее десятилетие складываются предпосылки для создания радикальных салафитских группировок в Поволжье, на Урале и в Западной Сибири, а также появления их в «мусульманских анклавах» российских мегаполисов.

¹ Мальцев В. Ислам зачищают от нелегалов. Государство расширяет силовую поддержку официального духовенства // НГ-Религии. – 2013. – 20 февр.

4.2. Пути повышения эффективности противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации

При осмыслении стратегий противодействия современному терроризму исследователи предлагают разные подходы. В частности, известный на Юге России экономист Ю.С. Колесников считает, что при разработке стратегии противодействия терроризму необходимо учитывать множество разнообразных конфликтогенных факторов, которые в рамках концепции «многомерного подхода» можно «разложить» по этажам – глобальные (геополитические, геоэкономические, военно-стратегические), внутринациональные (макроэкономические, социально-политические, этно-конфессиональные, демографо-миграционные) и социально-экономические факторы, образующие живую «ткань» процессов на мезо– и микроуровнях социума¹.

Интересный подход предложила политолог Н.Е. Романченко, которая также использует многомерную матрицу противодействия терроризму: на глобальном уровне (борьба с терроризмом рассматривается как международная угроза), а также на национальном уровне, который, в свою очередь, дифференцируется на широкий (рассматривает борьбу с терроризмом как многомерным социально-политическим явлением) и узкий (борьба с терроризмом трактуется в терминах противодействия обычному уголовному преступлению)². Под «широким» подходом этот автор понимает, как минимум, снижение уровня четырех блоков ключевых конфликтогенных факторов: политического, социального, этноконфессионального и демографо-миграционного, а под

¹ См. об этом: *Колесников Ю.С.* Какая «стратегия» нужна Северному Кавказу // Южно-Российский форум. – 2010. – № 1. – С. 17-29.

² *Романченко Н.Е.* Институционализация современных радикальных неправительственных религиозно-политических организаций на Северном Кавказе / Южнороссийское обозрение. Выпуск № 68. – Москва – Ростов н/Дону: Социально-гуманитарные знания, 2011. – С. 111-112.

«узким» – скоординированный по времени и в пространстве набор следующих мероприятий: совершенствование законодательной антитеррористической базы, укрепление спецслужб и правоохранительных органов, выявление и пресечение финансовой подпитки (внешней и внутренней) террористических структур и, наконец, активизация разъяснительной и пропагандистско-идеологической работы¹. Имеются и другие векторы исследования антитеррористической деятельности.

Как представляется, рассчитывать на скорое решение проблемы на глобальном уровне не приходится, поскольку международное сотрудничество в области противодействия терроризму, хотя и развивается, все же далеко до своего завершающего этапа. Тем не менее, в целом, в мире сложился устойчивый комплекс мер по борьбе с международным терроризмом, включающий в себя:

1. меры политического и международно-правового характера;
2. меры военного и специального характера;
3. меры по пресечению финансирования террористических организаций;
4. меры не силового характера.

В настоящее время соответствующие документы, принятые в рамках ООН, ее специализированных или связанных с ней учреждений, региональных и других организаций, так же, как и национальные законодательства, сосредоточены на акциях, составляющих терроризм, и мерах их пресечения. В системе ООН, в частности, эти акции разделены на четыре категории: 1) направленные против определенных видов транспорта или конкретных сооружений; 2) направленные против конкретных категорий лиц; 3) захват заложников; 4) использование определенных веществ или устройств для

¹ См. об этом также: *Добаев И.П., Немчина В.И.* Новый терроризм в мире и на Юге России: сущность, эволюция, опыт противодействия. – Ростов н/Дону: Ростиздат, 2005. – С. 221.

террористических целей. В данном контексте выработан целый ряд международных документов, относящихся к терроризму, среди которых следует выделить универсальные конвенции ООН (13 универсальных конвенций и 3 дополнительных протокола). В глобальной контртеррористической стратегии ООН, принятой Генеральной Ассамблеей 8 сентября 2006 года, государства-члены подчеркнули важность существования международных контртеррористических инструментов, призвали принять в них участие и выполнять их условия¹.

В рамках созданного при ООН Специального комитета по терроризму государства-члены с 2000 года также обсуждают проект всеобъемлющей конвенции о международном терроризме. Если эта конвенция будет принята, она дополнит существующую базу международных контртеррористических документов и укрепит следующие руководящие принципы, которые уже воплощены в других контртеррористических конвенциях последнего времени:

- важное значение установления уголовной ответственности за террористические преступления, с тем чтобы они стали юридически наказуемыми, а их исполнители подвергались преследованию или выдаче;

- необходимость отмены законодательных актов, которые предусматривают исключения из такой уголовной ответственности по политическим, философским, идеологическим, расовым, этническим, религиозным или аналогичным основаниям;

- настоятельный призыв в адрес государств-членов, с тем чтобы они принимали меры по предотвращению террористических актов;

- подчеркивание того, что государствам-членам необходимо сотрудничать, обмениваться информацией и оказывать друг другу максимально возможное содействие в связи с предотвращени-

¹ Добаев И.П. Терроризм и антитеррористическая деятельность на Юге России. – Ростов н/Дону, 2011. – С. 78-79.

ем, расследованием и преследованием в отношении террористических актов¹.

Однако, прежде всего, в силу несовпадения геополитических интересов отдельных государств и их союзов, превалировании в международном сообществе двойных стандартов в определении терроризма и противодействии ему, отсутствия единого антитеррористического информационного пространства на международном и национальном уровне, всеобъемлющая конвенция о международном терроризме до сих пор не принята. Как представляется, вряд ли этот вопрос будет положительно решен в обозримом будущем, что побуждает государства развивать свои собственные национальные системы противодействия терроризму, а также заключать двухсторонние и многосторонние договоры по этому поводу в рамках тех или иных союзов или организаций.

В этой связи важнейшей составляющей выступают общегосударственные системы борьбы с терроризмом, в которых в определенном синтезе нашли свое отражение «широкий» и «узкий» подходы к пониманию природы современного терроризма и противодействию этому явлению. В Российской Федерации основы противодействия терроризму были заложены в середине 90-х гг. XX в., а в настоящее время сложилась ее стройная система. В массиве множества нормативных правовых актов, концепций и стратегий, нацеленных, в той или иной сфере, на борьбу с терроризмом, следует выделить Уголовный Кодекс РФ, Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», Указ Президента РФ от 15 февраля 2006 г. № 116 «О мерах по противодействию терроризму» (со всеми внесенными в последующем изменениями), а также Концепцию противодействия терроризму в Российской Федерации, утвержденную Президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым 5 октября 2009 года, и опубликованную в Российской газете 20 октября

¹ Там же. – С. 85-86.

2009 года¹. Именно в этих документах мы обнаруживаем основы стратегии силового и не силового, в том числе информационного, обеспечения противодействия терроризму в РФ.

В Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации зафиксировано, что «правовую основу общегосударственной системы противодействия терроризму составляют Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы, нормативные правовые акты Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, Концепция внешней политики Российской Федерации, Военная доктрина Российской Федерации, настоящая Концепция, а также нормативные правовые акты Российской Федерации, направленные на совершенствование деятельности в данной области»².

Поскольку терроризм нами трактуется как идеологическая доктрина и основанная на ней специфическая политическая практика, то в контексте не силового противодействия терроризму борьба с идеологическими постулатами современного религиозно-политического экстремизма, составляющего основу идеологического обоснования террористических акций, должна носить первоочередной и безусловный характер. В самом общем виде она должна иметь двуединый характер: укрепление собственного идеологического потенциала и блокирование аналогичных возможностей террористов. Это, в частности, нашло свое отражение в отечественном антитеррористическом законодательстве.

Если в Федеральном законе «О противодействии терроризму» приоритет отдается мерам по предупреждению терроризму,

¹ Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации // Российская газета. – 2009. – 20 окт.

² Там же.

то в Концепции противодействия терроризму они уже детально прописываются. Прежде всего, в ней говорится, что возникновение и распространение терроризма в Российской Федерации обусловлено внутренними и внешними предпосылками. Среди ряда внутренних факторов называется и «ненадлежащий контроль за распространением идей радикализма, пропаганда насилия и жестокости в информационном пространстве Российской Федерации». Что касается основных внешних факторов, способствующих возникновению и распространению терроризма в Российской Федерации, то совершенно справедливо называется «наличие в иностранных государствах ...теологических учебных заведений, распространяющих идеологию религиозного экстремизма», «распространение идей терроризма и экстремизма через информационно-телекоммуникационную сеть, а также через средства массовой информации», «заинтересованность субъектов террористической деятельности в широком освещении своей деятельности в средствах массовой информации в целях получения наибольшего общественного резонанса», «отсутствие единого антитеррористического информационного пространства на международном и национальном уровнях»¹. В этой связи среди основных задач в Концепции зафиксировано противодействие распространению идеологии терроризма и активизация работы по информационно-пропагандистскому обеспечению антитеррористических мероприятий.

Концепция приоритет в общегосударственной системе противодействия терроризму отдает выявлению и предупреждению (профилактике) террористической деятельности. Профилактика терроризма осуществляется по трем основным направлениям, где первой выделено «создание системы противодействия идеологии терроризма». Одновременно ставится задача по «противодействию распространению идеологии терроризма путем обеспечения защиты единого информационного пространства

¹ Там же.

Российской Федерации; совершенствованию системы информационного противодействия терроризму». К основным мерам по предупреждению (профилактике) терроризма Концепция, в том числе, относит: – информационные (разъяснение сущности терроризма и его общественной опасности), формирование стойкого неприятия обществом идеологии насилия, а также привлечение граждан к участию в противодействии терроризму; – культурно-образовательные (пропаганда социально значимых ценностей и создание условий для мирного межнационального и межконфессионального диалога).

Концепция подчеркивает, что информационно-аналитическое обеспечение противодействия терроризму включает в себя сбор, накопление, систематизацию, анализ, оценку информации об угрозах террористических актов, обмен ею и выдачу ее потребителям такой информации. При этом в процессе информационно-аналитического обеспечения противодействия терроризму решаются следующие основные задачи¹:

а) исследование основных факторов, определяющих сущность и состояние угроз террористических актов;

б) прогноз вероятных тенденций и закономерностей развития угроз террористических актов, разработке предложений для своевременного принятия решений по их нейтрализации;

в) анализ информации о проявлениях терроризма, а также о политических, социально-экономических и общественных процессах в Российской Федерации и в мире, оказывающих негативное влияние на ситуацию в области противодействия терроризму;

г) организация и осуществление информационного взаимодействия субъектов противодействия терроризму;

д) мониторинг и анализ международного опыта противодействия терроризму;

е) совершенствование ...информационно-аналитического обеспечения координации деятельности по противодействию

¹ Там же.

терроризму федеральных органов исполнительной власти, субъектов антитеррористической деятельности, органов местного самоуправления...;

ж) создание единого антитеррористического информационного пространства на национальном и международном уровнях;

з) разработка информационных банков и баз данных...;

и) своевременная подготовка предложений по созданию и совершенствованию нормативно-правовой базы информационно-аналитического обеспечения противодействия терроризму.

К деятельности по информационно-аналитическому обеспечению противодействия терроризму привлекаются, и это правильно, научно-исследовательские учреждения. При этом согласно Концепции, научное обеспечение противодействия терроризму включает в себя¹:

а) разработку теоретических и методологических основ противодействия терроризму, рекомендаций для решения практических задач по конкретным направлениям деятельности в области противодействия терроризму;

б) проведение научно-прикладных исследований для принятия политических, правовых, организационных и управленческих решений в области противодействия терроризму на разных уровнях;

в) изучение международного опыта борьбы с терроризмом, внесение предложений Президенту Российской Федерации по совершенствованию стратегии и системы мер противодействия терроризму.

Международный опыт противостояния терроризму многогранен и поучителен, а потому отдельные его элементы могут быть взяты нами на вооружение. В частности, некоторые формы и методы разъяснительной и пропагандистско-идеологической работы, которой уделяется самое пристальное внимание во многих странах мира.

¹ Там же.

Например, в США большое значение придается деятельности, разоблачающей истинные цели и намерения исламских экстремистов, несостоятельность их теоретических подходов, противоречащих реалиям современного мира и коренным интересам исламских стран. Для реализации этой задачи серьезные усилия прилагаются со стороны ряда научных центров и институтов. С этой же целью регулярно проводятся специальные слушания в конгрессе США с привлечением экспертов ЦРУ, а также видных исламских ученых и авторитетов. Публикации материалов в СМИ по поводу террористических угроз приобрела в США характер хорошо организованной кампании.

Информационно-пропагандистская деятельность осуществляется также властями не только западных, но и многих мусульманских стран. Ее актуальность предопределяется возросшей информационной активностью радикальных исламистов. Экстремисты все активнее берут на вооружение современные медиасредства (сеть Интернет, телевидение, газеты, журналы, частные радиостанции и т.д.).

Следует иметь в виду, что экстремистско-террористические организации, как правило, опираются на искаженное толкование религиозных законов, норм и правил, используют в привлечении на свою сторону молодежи идеологию, основанную на собственных богословско-правовых доктринах, противоречащих традиционным религиозным исламским нормам и мусульманским законам. Отсутствие должного уровня разъяснительно-просветительской деятельности по правильному толкованию религиозных догматов и теорий, вскрытию и публичной критике ошибочных взглядов идеологов от экстремизма, нечистоплотности и подтасовки ими аргументов, как и упущения, допускаемые противниками этих взглядов в нападках на проповедников исламского экстремизма, создают благоприятную почву для деятельности такого рода организаций и группировок.

Пропагандистская активность террористических организаций и группировок, а также их стремление посеять среди населения страх и тем самым сломить волю к сопротивлению вызывают необходимость оказания этим силам эффективного информационного противодействия.

Такого рода работа в некоторых исламских государствах, скажем, в Алжире, стала важной составной частью концепции национальной безопасности страны в области антитеррористической борьбы. Например, в этом государстве создан единый информационно-пропагандистский центр. Перед ним в качестве основной была поставлена задача добиться перелома в сознании верующих мусульман, слепо воспринимающих «проповеди» экстремистов, а также вести контрпропаганду в противовес информационной войне, развязанной радикальными исламистами и их сторонниками внутри страны и за рубежом. К этой работе подключены видные ученые-теологи, религиозные лидеры, лояльно относящиеся к властям, представители средств массовой информации.

На внешнеполитическом направлении основная цель информационно-пропагандистской работы официального Алжира состоит в том, чтобы на конкретных примерах показать истинное лицо террористов, вызвать в международном сообществе возмущение их зверскими деяниями против мирных граждан. Кроме того, алжирские правящие круги стремятся продемонстрировать Западу доказательства, свидетельствующие об интернациональном характере терроризма, опасности его распространения на другие страны и регионы, а также призвать мировое сообщество к объединению с этим злом, несущим ему реальную угрозу.

Власти Алжира, как, впрочем, и многих других исламских государств, в религиозной контрпропаганде сосредоточивают внимание на тех положениях Корана и Сунны, которые ясно и недвусмысленно отвергают терроризм и преступность. На конкретных исторических примерах доказывается, в частности, что ваххабитское движение, возникшее на Аравий-

ском полуострове в середине XVIII в. как стремление вернуть общество к «первоначальному исламу», фактически с самого начала вступило в противоречие с положениями, содержащимися в сакральных источниках мусульманства, отвергающими насилие. Взяв на вооружение в качестве господствующего принципа «последовательную борьбу с нововведениями в исламе», ваххабиты повергли в ужас мусульманский мир, когда на завоеванных территориях разрушили гробницы святых, в том числе усыпальницу имама Хусейна бен-Али в Кербеле в 1802 г., а свою жестокость по отношению к другим мусульманам, не одобряющим их действия, оправдывали тем, что ведут против «неверных» священную войну – джихад.

Набирает обороты, под жестким прессингом американцев после известных событий 11 сентября 2001 г. в США, противодействие терроризму и в оплоте исламского суннизма – Королевстве Саудовская Аравия. Выработанная к настоящему времени стратегия саудовских властей по противодействию терроризму включает в себя 3 составляющие: «люди, деньги, умы». «Люди» – это выявление, арест и осуждение террористов, разгром их структур. «Деньги» – это меры по усилению контроля над финансовыми потоками, идущими к террористам и экстремистам по разным каналам, включая перевозку денежных средств курьерами. Борьба «за умы» является, по мнению саудовских властей, самой сложной составляющей контртеррористической стратегии и требует длительного времени.

«Борьба за умы»: эта работа, помимо официальных заявлений саудовского правительства и религиозных деятелей, включает в себя ряд мероприятий по противодействию экстремистской идеологии, среди них:

– проведение активной антиэкстремистской кампании в СМИ с использованием различного рода объявлений, рекламных щитов и Интернета;

– распространение книг и памфлетов, видеодисков и кассет в школах, медресе, мечетях;

– перевоспитание тех богословов, которые проповедуют экстремистскую идеологию. Этим занимаются проповедники в 20 тыс. из 70 тыс. мечетей, в связи с чем саудовские власти постоянно проводят в них «просветительские» семинары и лекции.

В тюрьмах страны осуществляется программа реабилитации лиц, осужденных за терроризм или экстремизм, включая переданных американцами узников из тюрьмы на базе Гуантанамо. В 2004-2009 гг. эту программу прошли 4300 человек. После ее завершения рецидивы наблюдались примерно у 20 процентов участников, а потому ее можно считать достаточно эффективной¹.

Принятые саудовскими властями меры, безусловно, снижают уровень террористической угрозы. Тем не менее, в Саудовской Аравии терроризм остается актуальным явлением. В этой связи властями КСА признается необходимым принятие дополнительных мер как законодательного, так исполнительного и идеологического характера по противодействию терроризму.

Опыт борьбы зарубежных, в том числе арабских государств, с распространением влияния идеологии исламского фундаментализма свидетельствует о необходимости комплексного подхода к решению проблемы и в Российской Федерации, которая имеет социальные, политические, экономические, культурно-исторические и религиозно-этнические корни. Эффективное противостояние государства этой угрозе возможно при условии объединения усилий всех институтов государства, наступательного информационного противодействия и наличия поддержки правительства со стороны влиятельных религиозных и общественных деятелей, гражданско-

¹ *Добаев И.П., Добаев А.И. Терроризм и антитеррористическая деятельность в Российской Федерации. – Ростов н/Дону, 2011. – С. 124-125.*

го общества. Понимание этому, безусловно, есть. По нашему мнению, своевременно и справедливо прозвучал тезис о том, что эпицентр контртеррористической деятельности должен быть смещен от силового противостояния к не силовой, политической, идейной, интеллектуальной борьбе: «...только используя широкий потенциал гражданского общества, дополняя силовой компонент активным диалогом со всеми влиятельными силами, и, наконец, опираясь на богатый исторический опыт, мы сможем поставить надежный заслон терроризму, обеспечить безопасную жизнь нашим согражданам и вселить в них уверенность в будущее»¹.

В 2000-х в России сложилась стройная система противодействия радикальному исламизму, нацеленная, прежде всего, на борьбу с ее наиболее экстремистскими проявлениями, эпицентром которой выступает современный терроризм. Возглавляет эту разветвленную систему Национальный антитеррористический комитет (НАК), который нацелен на постоянное совершенствование своей деятельности.

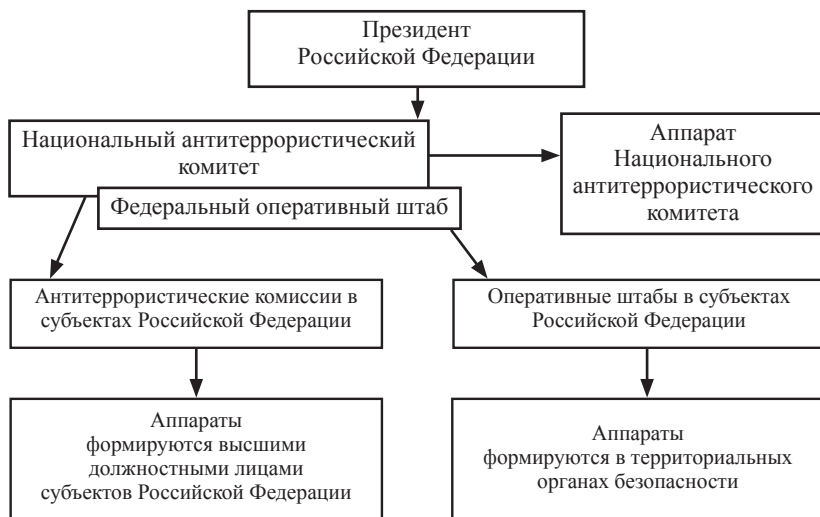
Схема координации деятельности по противодействию терроризму в России отражена на схеме 1².

¹ Пржездомский А.С. В эпицентре противостояния идеологии смерти: интервью советника председателя Национального антитеррористического комитета. [Электронный ресурс] // Национальный антитеррористический комитет [Официальный сайт]. URL: <http://www.nak.fsb.ru>. Рубрика «Публикации».

² Схема координации деятельности по противодействию терроризму в Российской Федерации. Электронный ресурс Национальный антитеррористический комитет / Режим доступа: <http://nak.fsb.ru/nac/structure.htm>.

Схема 1.
Схема координации деятельности
по противодействию терроризму в Российской Федерации

После принятия в октябре 2009 г. Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации все чаще стали говорить о необходимости смещения акцентов в антитеррористической деятельности – с пресечения на предотвращение террористической активности, на профилактику терроризма, т.е. на не силовые способы решения проблемы. В последующем НАК неоднократно обращал внимание участников антитеррористической борьбы на этом.

Например, на прошедшей по инициативе НАК 18 октября 2012 года в Москве III Всероссийской научно-практической конференции «Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации. Комплексный подход к формированию и функционированию системы противодействия распространению идеологии терроризма», в работе которой приняли участие представители Федерального собрания Российской Федерации, Общественной

палаты Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти, научных и учебных учреждений, средств массовой информации, бизнеса и духовенства, акцент на дальнейшее совершенствование антитеррористической деятельности был сделан именно на улучшении качества информационной отдачи. Выступающие особо отметили, что с 2008 года мероприятия по противодействию идеологии терроризма реализуются в рамках межведомственного Комплексного плана информационного противодействия терроризму в Российской Федерации, направленного на снижение уровня радикализации населения и создания условий для устранения предпосылок к распространению террористической и экстремистской идеологии. Центральная роль в этом отводится информационно-разъяснительной работе, в которой задействованы учреждения образования, науки и культуры, общественные и религиозные организации, средства массовой информации. На основании итогов реализации Комплексного плана, а также с учетом поступивших от федеральных и региональных органов власти предложений был разработан проект нового Комплексного плана информационного противодействия терроризму в Российской Федерации на 2013–2018 годы, который предусматривает решение многих из рассмотренных на конференции задач. Констатируется, что работа по противодействию распространения идеологии терроризма находится еще в начале большого и трудного пути. Предстоит выработать и реализовать адекватный ответ на распространение терроризма – наиболее острого современного вызова безопасности российского общества и государства¹.

26 февраля 2013 г. в Пятигорске состоялось 38-е заседание Национального антитеррористического комитета под руководством его председателя, Директора ФСБ России генерала армии А.В. Бортникова. Участниками встречи в очередной раз были рассмотрены вопросы противодействия идеологии терроризма, а также

¹ Официальный сайт НАК: <http://www.fsb.nak.ru>. – 2012. – 18 окт.

совершенствования контртеррористической деятельности в Российской Федерации. Во вступительном слове А.В. Бортников отметил, что «уже в январе-феврале текущего года ликвидированы свыше 50 боевиков, в том числе 14 бандглаварей... задержаны 66 бандитов... склонены к отказу от противоправной деятельности и сдаче властям более 60 членов банд и их пособников, не совершивших тяжких преступлений»¹. Одновременно «...активизирована профилактическая и информационно-пропагандистская работа с населением», которую следует совершенствовать, привлекая к этому, в том числе, «...и представителей общественных организаций, старейшин, духовенства, лидеров национальных и культурных образований, молодежных объединений и групп». Вместе с тем, директор ФСБ отметил, что идеология радикального исламизма продолжает распространяться, причем «...не только на Северном Кавказе, но и в ряде субъектов Приволжского, Уральского и Сибирского федеральных округов». В этой связи он поставил задачу «...надежно оградить граждан, прежде всего молодежь, от пагубного влияния экстремистской идеологии, не допускать их втягивания в террористические группы и в бандподполье». Для этого следует «...на местах качественно повысить уровень информационно-пропагандистской работы с населением, особенно в той среде, где еще сильно влияние экстремистов... сместить акцент с силовых мероприятий на профилактические». Одновременно А.В. Бортников потребовал «...активнее противодействовать коррупционерам и организованным преступным группам, которые все чаще вовлекаются религиозно-политическим подпольем в террористическую деятельность..., а «...решающим фактором в сфере профилактики угроз терроризма должна стать системная деятельность региональных и муниципальных органов власти, направленная на устранение причин и условий, способствующих распространению идеологии

¹ Там же. – 2013. – 26 февр.

терроризма и формированию пособнической базы бандподполья на Северном Кавказе»¹.

Однако следует признать, что эта работа, несмотря на практически сложившуюся в РФ общегосударственную систему противодействия терроризму, до сих пор проводится не системно и в целом слабо.

В частности, можно упомянуть разработанную и запущенную в действие в 2001 г. федеральную целевую программу «Формирование установок толерантного сознания и профилактики экстремизма в Российском обществе (2001-2005 годы)»². Программа предусматривала внедрение в социальную практику норм толерантного поведения, эффективное противодействие проявлениям экстремизма в обществе, гибкое опережающее реагирование на изменение социально-политической ситуации в России, создание основы для снижения социальной напряженности. Предусматривалась ее реализация в три этапа. На первом этапе (2001 г.) планировалась разработка методологических и научно-методических основ, на втором (2002-2003 гг.) создание и экспериментальное внедрение механизмов, а на третьем (2004-2005 гг.) – активное применение механизмов профилактики экстремизма и формирование толерантного сознания. Однако следует признать, что указанная Программа намеченных целей не достигла.

На очередном этапе антитеррористической деятельности был задействован «Комплексный план информационного противодействия терроризму в Российской Федерации на 2008-2012 годы», утвержденный Президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым 13 мая 2008 года. Мероприятия плана были нацелены на решение трех основных задач:

¹ Там же.

² Постановление Правительства РФ от 25 августа 2001 г. № 629 «О федеральной целевой программе «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001 – 2005 годы)» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 36. – Ст. 3577.

- обеспечение защиты информационного пространства от террористической и в целом – экстремистской идеологии;
- активизация наступательных мер информационно-пропагандистского воздействия;
- совершенствование нормативно-правовой базы¹.

Однако при детальном рассмотрении пунктов этого плана становится очевидным, что предлагаемые меры касаются некой аморфной массы населения страны. Более того, все эти меры, как правило, адресуются обычным законопослушным гражданам, далеким от идеологии и практики терроризма. Одновременно наблюдается явный дефицит предложений относительно уязвимых категорий молодых людей и носителей идеологии религиозно-политического экстремизма. В стране нет ни одного созданного и поддерживаемого государством центра исламских исследований, тем более на Юге России, практически нет и заказов на такого рода исследования, а потому они проводятся редко и не системно, чаще всего по инициативе отдельных ученых. Как следствие, такие работы довольно редки, и проводятся на Северном Кавказе, в основном, дагестанскими учеными². Следует также учитывать и то, что терроризм религиозно-политической направленности локализован преимущественно в молодежной среде Северного Кавказа. Однако средства на противодействие ему распылены по всей стране, часто далекой от молодежи. Безусловно, в таких условиях рассчитывать на эффективность проводимых

¹ Ильин Е.П. Система противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации: становление и перспективы развития. [Электронный ресурс] // Национальный антитеррористический комитет [Официальный сайт]. URL: <http://www.nak.fsb.ru>. Рубрика «Публикации».

² См., например, об этом: Абдулагатов З.М. Исламское сознание в глобализационных процессах: проблемы адаптации. – Махачкала, 2010; Он же. Особенности социализации современной молодежи и социальные деформации в молодежной среде. – Махачкала, 2011; Кисриев Э.Ф. Ислам и Власть в Дагестане. – М., 2004; Муслимов С.Ш. Религиозно-политический экстремизм глазами дагестанцев. – Махачкала, 2011.

мероприятий не приходится, и практика всех последних лет лишь подтверждает данный тезис.

В стране развернута широкомасштабная информационно-пропагандистская деятельность. Проводятся тысячи конференций и круглых столов, выпускается большое количество брошюр, книг и сборников, в СМИ продвигается масса соответствующих статей и видеосюжетов, изготавливается много наружной рекламы и плакатной продукции, снимаются фильмы и видеоролики на антитеррористическую тематику. Однако террористическая война в северокавказском регионе России никак не затухает. Приходится признать, что «выстроить адекватную террористическим угрозам систему противодействия в информационной сфере пока не удалось»¹.

Хотелось бы надеяться, что новый Комплексный план информационного противодействия терроризму в Российской Федерации на 2013–2018 годы будет свободен от упомянутых недостатков, приведет к качественному рывку в идеологическом противоборстве с противником.

Пока же следует признать, что осуществляемая в Российской Федерации информационно-идеологическая и разъяснительная работа не отвечает требованиям дня, нуждается в качественном переформатировании. При этом следует говорить даже не об информационном противодействии терроризму, а о противодействии именно идеологии терроризма. Основная задача заключается в том, как верно подчеркнул первый заместитель руководителя аппарата Национального антитеррористического комитета России Е.П. Ильин, чтобы «...на фоне сохранения и укрепления силовой составляющей борьбы с конкретными террористическими проявлениями кардинально повысить эффективность противодействия идеологии терроризма, поставить надежные барьеры на путях ее проникновения в общественное сознание. Конечная

¹ Пржездомский А.С. Информационная сфера стала полем боя с экстремизмом и терроризмом // ФСБ за и против. – 2010. – № 11.

цель этой работы – изменить правовую психологию людей, добиться отторжения абсолютным большинством населения самой мысли о возможности применения террористических методов для разрешения территориальных, социальных, конфессиональных, культурных и других проблем и противоречий»¹. Иначе говоря, необходимо дальнейшее неустанное развитие и укрепление всей системы противодействия идеологии терроризма. Ее главной целью является компрометации идеологической доктрины радикальных исламистов, которая с точки зрения исламской ортодоксии далеко не безупречна, и, как следствие, вывод из-под влияния такфиритов-джихадистов их реальных и потенциальных сторонников и последователей, тем самым, сокращение социальной базы поддержки террористов и пополнения их отрядов.

В данном направлении, как представляется, не следует упускать из поля зрения два важных момента, которые порой игнорируются: «исламский» фактор в формировании идеологических доктрин радикальных исламистов и молодежный характер террористического и шире – религиозно-политического движения в некоторых регионах России, прежде всего – на Северном Кавказе. Ведь совершенно очевидно, что привлекательность идеологии радикального исламизма, особенно в молодежной среде, довольно высока. Однако оба этих фактора необходимо рассматривать в тесном единстве и во взаимоувязке, поскольку на практике они поддерживают и подпитывают друг друга. Иными словами, рассматривая эти оба фактора, подпитывающие террористическое движение, следует признать, что порознь они выделяются в аналитических целях, тогда как в реальной действительности имеет место своеобразный исламистско-молодежный синтез, в котором каждый из факторов усиливает действие другого.

¹ Ильин Е.П. Актуальные проблемы противодействия вовлечению молодежи в террористическую деятельность (12-14 октября 2009 г., Ростов н/Дону). [Электронный ресурс] // Национальный антитеррористический комитет [Официальный сайт]. URL: <http://www.nak.fsb.ru>. Рубрика «Публикации».

В то же время, следует признать, что в стране до сих пор нет полноценной государственной политики по воспитанию молодого поколения, хотя и есть понимание того, что «нельзя оставлять без государственного попечения молодежь, которая формировалась в годы безвременья»¹. Северокавказская молодежь выросла в условиях ожидания перманентных боестолкновений, испытывает на себе беды социального неравенства и трудности самореализации, зачастую находится под воздействием религиозно-экстремистской пропаганды и влиянием разного рода авторитетов, а потому нуждается в особом внимании государства. Как верно подчеркнул советник председателя Национального антитеррористического комитета А.С. Пржездомский, «...периодическими круглыми столами тут не отделаешься. Требуется серьезная, повседневная работа с молодежью, прежде всего, ориентированная на ее воспитание в условиях двуязычия и этнического многообразия». Для этого, по его мнению, «...надо срочно начать подготовку педагогов общеобразовательных учреждений и вузов по культурно исторической тематике с акцентом на неразрывное единство российского Кавказа и неприятие любых форм насилия... Кроме этого, срочно нужна программа, направленная на привлечение творческих, спортивных, военно-патриотических и молодежных объединений северокавказских республик к участию в общероссийских и региональных фестивалях, конкурсах, работе поисковых патриотических отрядов, что должно обеспечить укрепление связей между молодежью разных субъектов Российской Федерации»².

Молодежную политику в качестве важнейшего приоритета своей работы в одной из своих речей озвучил и полномочный представитель Президента в Северо-Кавказском федеральном округе Александр Хлопонин: «Я посмотрел, что такое молодеж-

¹ Пржездомский А.С. В эпицентре противостояния идеологии смерти...

² Пржездомский А.С. Информационная сфера стала полем боя с экстремизмом и терроризмом...

ная политика, – пустота, голое поле, чистое поле. Поэтому мы сегодня должны выработать эту политику вместе с ними (*молодежью*), но не за них, а они должны предложить нам сегодня, что они видят и что они подразумевают под молодежной политикой. Молодежь надо каким-то образом стимулировать к объединению и создавать им условия»¹.

Кроме того, нельзя игнорировать религиозный фактор происходящего на Кавказе. Некоторые ученые-исламоведы прямо говорят об эндогенном радикализме в исламе, а также об «объективно существующей связи между отдельными течениями в мусульманстве и терроризмом», утверждая, что «лишь излишняя политкорректность, прочно увязанная с политическим интересом, не позволяет руководству России быть полностью открытым в этом вопросе»². Сегодня на Северном Кавказе сотни «моджахедов» с оружием в руках борются за построение исламского государства, «освобождая земли ислама», и пытаться разрешить эту, в конечном счете, духовную и идеологическую проблему, скажем, простым увеличением числа рабочих мест – откровенно неуместно. Совершенно очевидно, что усиление в России радикальных и экстремистских течений политического ислама, которое проявляется в террористической активности, может привести к территориальной и социальной дезорганизации страны.

Религиозный фактор, безусловно, существует и действует. В исламе, как и в других религиях, есть радикальные течения, которые стремятся установить очень жесткие правила жизни и поведения. Идеологи радикального исламизма буквально вдалбливают молодым людям мысль о необходимости ведения

¹ Мурадов М., Ларинцева А. Александр Хлопонин будет руководить Северным Кавказом по-научному // «Коммерсантъ». – 2010. – 9 дек.

² См., например, об этом: Игнатенко А.А. Эндогенный радикализм в исламе // Центральная Азия и Кавказ (Швеция). – 2000. – № 2 (8); Абдулагатов З.М. Особенности социализации современной молодежи и социальные деформации в молодежной среде. – Махачкала, 2011. – С. 40.

наступательного «джихада» против «неверных», «отступников» и «лицемеров», борьба с которыми в специфических условиях Северного Кавказа нередко еще приобретает характер кровной мести. Таким образом, здесь происходит смыкание местных до-исламских обычаев (адатов) со спецификой собственно ислама, и даже заурядным криминалом.

Не вызывает никаких сомнений то обстоятельство, что росту религиозно-политического экстремизма на Северном Кавказе способствует не только глубокий кризис всех светских идеологий нынешнего периода, но и идеологических основ традиционного в регионе ислама, нуждающегося в коренной модернизации. Решать эту проблему, как представляется, следует сразу по целому ряду скоординированных во времени и взаимоувязанных между собой направлений.

В 90-е – первое десятилетие 2000-х руководство страны возлагало большие надежды на авторитет представителей традиционного, официального ислама. Однако социальная отчужденность и политическая пассивность «официального ислама», с его теоретической слабостью, дефицитом образованных знатоков ислама и мусульманских традиций, на деле усилила шансы исламистов в идейной схватке за мусульманское население, прежде всего за молодежь¹. Несмотря на то, что многие представители мусульманского духовенства, которых радикальные исламисты считают «лицемерами» («мунафикун»), приняли мученическую смерть от рук террористов, все же нельзя не признать, что их проповедь оказалась малоэффективной в противостоянии с человеконенавистнической идеологией такфиритов-джихадистов. Однако противостояние ваххабитов с представителями «официального» ислама не ограничивается идеологической борьбой. Ваххабитская идеология считает всех тех, кто ее не разделяет, врагами ислама и призывает своих сторонников к священной войне с ними, т.е. к джихаду. Истинный ваххабит обязан ненавидеть

¹ Ислам в России: угрозы радикализации // Российская газета. – 2012. – 4 апр.

всех врагов ислама, его ненависть должна обретать практические формы¹. Среди этих «врагов», отмеченные в качестве «лицемеров» («мунафикун»), значатся и представители «официального ислама», наиболее активные из которых находятся под прицелом радикальных исламистов.

Общеизвестно, что наибольший накал террористической активности фиксируется на Северо-Восточном Кавказе (Дагестан, Чечня, Ингушетия), где в рамках официального ислама господствуют суфийские ордены (тарикаты) – накшбандийя, кадирийя и шазилийя (последний – только в Дагестане). Однако следует отметить, что и в этом северокавказском субрегионе достойного отпора суфизм идеологии салафизма дать не смог, а, по мнению З.М. Абдулагатова, и не мог дать, так как «...эта дискуссия в самых жестких формах безрезультатно идет уже многие столетия. Более того, как показывает статистика террористических акций религиозно-политического характера, переход исламской молодежи в ряды салафитов увеличивается. Причем, это напрямую связано не только с недостаточностью в противодействии религиозному экстремизму тарикатской идеологии, но и тем, что суфизм в известной степени сам порождает салафитскую противоположность².

Кроме того, «...так как «официальный» ислам стремится максимально приблизиться к государству, и это ему действительно удастся, оппозиция к «официальному» духовенству переходит к оппозиции государству»³. Поэтому, по мнению З.М. Абдулагатова, «...государству надо найти пути ко всем исламским конфессиям. Ровная открытость к ним, даже тем, которые находятся в отношении жесткой конкуренции «официальному исламу» – дей-

¹ Муслимов С.Ш. Указ. соч. – С.37-38.

² Абдулагатов З.М. Особенности социализации современной молодежи... – С. 43.

³ Там же. – С. 55.

ственный способ противодействия их радикализации»¹. Эта мысль находит поддержку в руководстве Национального антитеррористического комитета (НАК): «Внутриконфессиональное противостояние, которое сейчас существует внутри ряда республик Северного Кавказа – это очень опасное явление... ..пришло время находить точки соприкосновения с идеологами умеренного ваххабизма (салафитами)... ..всех, кто готов к диалогу, мы должны привлечь, включить в процесс противодействия терроризму. Надо пресечь воспроизводство террористических кадров. Значит, та часть духовенства, которая готова работать с молодежью, удерживая ее от вооруженного противостояния с властью, и которая открыта к богословскому диалогу и обсуждению всех спорных вопросов – это наши потенциальные союзники»².

Однако не все так просто: существуют и сомнения относительно целесообразности работы с умеренными исламистами. В частности, эксперты из созданного в рамках Российской академии наук «Центра ситуационного анализа» (научный руководитель Центра – академик Е. М. Примаков) считают, что осуществление отдельных призывов в пользу контактов властей с салафитами чревато негативными последствиями для развития отношений с последователями традиционного ислама. Так, утверждают они, попытка властей Дагестана провести переговоры с «лесными» привела к тому, что те стали предъявлять претензии и выдвигать свои условия, в том числе требуя назначения своих представителей на должности заместителей глав администраций и замначальников УВД³.

Нет никаких сомнений в том, чтобы противостоять радикалам на интеллектуальном уровне, нужны образованные знатоки ислама, которых в российских традиционалистских кругах явно недостаточно. В этой связи серьезную обеспокоенность вызывает

¹ Там же. – С. 56.

² Пржездомский А.С. В эпицентре противостояния идеологии смерти...

³ Ислам в России: угрозы радикализации // Российская газета. – 2012. – 4 апр.

подготовка кадров служителей мусульманского культа в России: ряд учебных текстов создается по системе средневековой схоластики, отсутствует аттестация учебников, не контролируется качество образования, практически нет светских специалистов по исламскому богословию, не хватает знатоков арабского языка, грамотных переводчиков. Переводные книги с арабского и турецкого нередко культивируют экстремистские настроения и т.д.

Совершенно очевидно, что в целях противодействия религиозно-политическому экстремизму обществу и государству необходимо обратить особое внимание на систему религиозного образования. Речь идет о том, что необходимо создать отечественную модель исламского образования, что позволило бы перехватить инициативу у зарубежных мусульманских университетов и центров в сфере как очного, так и дистанционного обучения. В частности, в Саудовской Аравии, Египте, Афганистане, Пакистане, других государствах Ближнего, Среднего Востока и Северной Африки студенты из России нередко продолжают изучать ислам в его наиболее радикальных формах, одновременно подвергаясь антироссийской идеологической обработке. Многие лидеры вооруженного подполья, например уничтоженные А.Астемиров и М.Мукожев из Кабардино-Балкарии, прошли обучение в исламском университете Эр-Рияда (Саудовская Аравия), в государстве, где доминирующим выступает суннитский ислам ваххабитской направленности.

Однако до сих пор российская мусульманская молодежь продолжает выезжать за рубеж для получения исламского образования. При этом существуют два канала выезда – официальный и частный. Выезжающие официально, в рамках заключенных договоров между духовными управлениями мусульман (ДУМ) и конкретными учебными заведениями, получают стипендии, имеют возможность решения социальных проблем. Более того, сегодня позиция подавляющего большинства ДУМов такова, что первоначально получать высшее мусульманское образование следует

в России, и только потом, по официальным каналам и соглашениям, совершенствовать его за рубежом, в авторитетных университетах. В то же время, большинство желающих получить зарубежное исламское образование выезжает по частным каналам, чаще всего по приглашениям уже обучающихся там земляков. Они не обеспечиваются стипендиями, пакетом социальных услуг, а потому легко попадают под влияние радикалов. Всего же, число тех, кто получил исламское образование за рубежом после распада Советского Союза, превысило 10 тысяч человек¹. Несмотря на то, что, начиная с 2007 года, на Северном Кавказе созданы три прошедших государственную аккредитацию и лицензирование мусульманских центра – в Махачкале, Нальчике и Грозном – они пока еще не смогли составить реальную конкуренцию зарубежным аналогам.

Более того, система исламского образования в регионах России до сих пор выступает одним из мощных источников формирования фундаменталистского сознания мусульманской молодежи². Как справедливо отмечал дагестанский ученый И.А. Шамов, в программах исламских учебных заведений РД нет «ни истории, ни географии, ни математики, ни литературы, ни русского, ни иностранных языков, ни биологии, ни компьютерной грамоты, ни, разумеется, начал философии и еще десяток «ни». Ничего из того, что делает члена общества образованным, а само общество – развитым»³. Как представляется, идеология противодействия не может не уделить пристального внимания содержанию учебных программ российских исламских образовательных учреждений. По мнению З.М. Абдулагатова, с которым мы полностью солидаризуемся, государству и обществу в целях соответствия этих

¹ Ислам в России: угрозы радикализации // Российская газета. – 2012. – 4 апр.

² Муслимов С.Ш. Религиозно-политический экстремизм глазами дагестанцев. – Махачкала, 2011. – С. 21.

³ Шамов И.А. Религия или светское просвещение // Дагестанская правда. – 2001. – 8 июня.

программ общественным и государственным интересам было бы желательно:

- провести строгий учет всех исламских учебных заведений. Несанкционированных государством религиозных учебных заведений с несоответствующими государственным стандартам программами быть не должно;

- разработать, с участием религиозных и светских ученых, программы для религиозных учебных заведений всех уровней исламского образования (мактабы, медресе, исламские высшие учебные заведения);

- контроль над строгим следованием принятым учебным программам должен быть особой заботой государства...¹

Помимо создания и совершенствования собственного российского мусульманского образования, сегодня чрезвычайно нужна стабильная информационная политика по исламской проблематике, включающая, в том числе, издание печатных материалов (периодических, учебно-просветительских и аналитических), создание соответствующих сайтов и Интернет-портала, с одновременным противодействием аналогичной активности со стороны радикальных исламистов. В частности, заслуживает пристального внимания со стороны властей их издательская деятельность и еще недавнее наличие в розничной торговле России книг и брошюр, по сути, подрывного содержания. Зачастую, как это случилось с мусульманской литературой, появление на полках магазинов, в мечетях и исламских учебных заведениях изданий, содержащих экстремистские идеи, связано с дефицитом собственной богословской и правоведческой литературой. Этот недостаток до сих пор компенсируется произведениями зарубежных авторов, идеологов радикального ислама, в том числе экстремистскими (аль-Ваххаб, аль-Маудуди, С.Кутб, аль-Умар, аль-Фаузан, Башамил, аль-Шакк и многие другие идеологи ради-

¹ Абдулагатов З.М. Особенности социализации современной молодежи... – С. 50.

кального ислама). Необходимо подчеркнуть, что подрывная исламистская литература попадает в страну не только из-за рубежа, но значительная ее часть до недавнего времени публиковалась непосредственно на территории России (например, издательство «Бадр» тиражировало издаваемую литературу, в основном, в Москве и Московской области). Безусловно, вся литература такого рода должна оказаться под запретом.

Особого внимания заслуживает киберпространство, активность различных телекоммуникационных сетей типа Интернет. Виртуальное пространство заполнено исламистскими сайтами, форумами и диспутами экстремистской направленности. Все теракты фиксируются на сайтах террористов, выступающих за «всемирный джихад», а также в социальных сетях. Деятельность отдельных субъектов киберпространства носит антироссийский характер (например, удуговский «Кавказ-центр»). Соответственно, и противодействие «идеологическим диверсиям» на этом канале должно носить специфический характер. Вместе с тем, в России «пока не найдено эффективных решений по недопущению использования Интернета для распространения террористической идеологии»¹.

Слабо ведется работа по дискредитации идеологии и практики радикальных исламистов. Имеющиеся возможности в этом направлении задействуются явно недостаточно. Действенная пропаганда против «ваххабитов» не ведется, их не опровергают, из них не делают посмешище – вместо этого органы власти и управления своими руками порой создают героический ореол «борцов за веру» («моджахедов»), а также «мучеников» («шахидов»). Практически не проводятся социологические замеры в различных слоях общества на предмет определения их зараженности идеологией религиозно-политического экстремизма. Отсюда и

¹ Ильин Е.П. Система противодействия идеологии терроризма в РФ. [Электронный ресурс] // Национальный антитеррористический комитет [Официальный сайт]. URL: <http://www.nak.fsb.ru>. Рубрика «Публикации».

неэффективность пропагандистских мероприятий государства, поскольку для каждого социального страта общества нужен свой набор методов идеологического воздействия и убеждения. Например, для террористов не существует авторитета светских властей и ученых, а также представителей официального ислама. Для них «единственным моральным мерилom зачастую выступают молодые имамы «из леса», проповедующие джихад, причем эти имамы основательно подкованы и обладают даром убеждения»¹. У нас же до сих пор в ходу некие универсальные, зачастую затратные, но малоэффективные мероприятия.

Безусловно, необходимы меры по значительному организационному и материальному укреплению существующих околоисламских организаций – Фонда поддержки исламской культуры, науки и образования и Группы стратегического видения «Россия – исламский мир». Аналогичный подход необходим и к тем структурам, которые пока не нашли поддержки со стороны федерального центра и руководства субъектов РФ. В частности, речь идет о ряде таких организаций на Юге России и Северном Кавказе, среди которых можно назвать «Центр исламских исследований» при Дагестанском государственном университете и некоторые другие аналогичные структуры.

Нужна и подготовка нового поколения ученых – исламоведов, знающих реалии и языки российских и зарубежных мусульман, прежде всего арабский язык. Для этого, в том числе, следует разработать программу регулярных комплексных исследований по широкому спектру исламской тематики на основе сотрудничества ученых федерального центра и регионов, под эгидой одного из профильных институтов Российской академии наук и ведущих вузов во главе с Минобрнауки России, с соответствующей государственной финансовой поддержкой. Целесообразно подумать о возможном создании Федерального научно-исследовательского

¹ Сидоров А. Зеленое знамя с двуглавым орлом // Интерфакс. – 2009. – 31 авг.

центра по информационному противодействию терроризму, тем более такая инициатива уже поступала из НАК РФ¹.

Одновременно, как представляется, необходимо отстаивать светский характер российского государства, его равное отношение ко всем традиционным религиям и конфессиям. Не вызывает сомнений то обстоятельство, что современное государство может достичь успехов в гражданском строительстве только на основе ценностей, общих для представителей всех религий и культур; более того, только светское государство способно обеспечить подлинную личную свободу вероисповедания.

Кроме того, в самом широком смысле важнейшее значение имеет разработка эффективной молодежной политики в Российской Федерации и в ее регионах, с учетом их специфики. Ведь сегодня на Северном Кавказе молодежь является основной питательной средой для распространения экстремистских идей и воплощения их в практической политической деятельности. Молодежная политика должна базироваться на надежном идейном фундаменте российского патриотизма, для чего следует сформировать современную национальную идеологию, без чего антитеррористическая деятельность будет буксовать. Кроме того, разработка молодежной политики должна быть самым тесным образом увязана с комплексным решением проблем современного северокавказского общества, особенно с такими его современными изъянами, как коррупция, казнокрадство и клановость. Иначе говоря, при решении синтеза молодежных и исламистских проблем необходимо задействовать весь комплекс мер, составляющих содержание «широкого» и «узкого» подходов в противодействии современному терроризму на общенациональном уровне, сведению на нет внешнего влияния, усиливающего его.

Безусловно, выделенные блоки, на которых следовало бы сконцентрировать внимание государства и общества, не перекрывают перечень всех мер, которые можно было бы артикулировать

¹ Ильин Е.П. Система противодействия идеологии терроризма в РФ...

на канале усиления противодействия идеологии терроризма, снижения эффективности конфликтогенных эндогенных и экзогенных факторов, но они являются самыми приоритетными, первоочередными. Только совместными усилиями власти и гражданского общества можно реально укрепить фронт борьбы с терроризмом на информационном поле.

Заключение

Проведенное исследование свидетельствует о том, что в постсоветский период на территории России фиксируется процесс политизации и радикализации ислама, значимое влияние на который оказывают внешние и внутренние факторы. Поступательная институционализация крайних форм проявления радикального ислама (религиозно-политический экстремизм и терроризм, прикрывающийся исламом) напрямую формирует риски и угрозы для национальной безопасности страны, причем внутренние факторы их подпитки представляют большую опасность, нежели внешние. Иначе говоря, в отличие от широко распространенного представления об источниках опасностей и угроз, находящихся во внешней среде, можно утверждать о том, что опасность всегда полезнее и продуктивнее трактовать как внутреннюю и связывать ее не с «кознями врагов», а с дефицитом собственного интеллектуального потенциала, средств, форм и методов работы.

Ислам, являясь мировой и одновременно монотеистической религией, не представляет собой монолита. Он разобщен на три направления (суннизм, шиизм, хариджизм), многочисленные толки (религиозно-правовые школы – мазхабы), идейные течения (традиционализм, модернизм, фундаментализм – салафизм), различные секты, подсекты и т.д. В исламе не существует единого, общепризнанного правоверия, нет и единого центра принятия решений. В то же время, наличествует принцип неразделимости ислама, как веры и политики. Все это предопределило в конкретные исторические периоды неизбежность политизации и даже радикализации ислама, появление его радикальных форм бытования.

«Политический ислам», «исламизм» («исламский радикализм», или «радикальный ислам»), НРПО (неправительственные религиозно-политические организации), религиозно-политический экстремизм, прикрывающийся исламским учением терро-

ризм, «политизация ислама», «радикализация ислама» – понятия, прежде всего, политические, а точнее – религиозно-политические. Ключевой рабочий термин исследования «радикализация ислама» определяется нами как религиозно-политический процесс, в основе которого лежит идеологическая доктрина радикального ислама (исламизма), предполагающая осуществление дифференцированной специфической политической практики – от реализации т.н. «исламского призыва» (умеренный радикализм) до тотального проведения диверсионно-террористических акций в отношении «врагов ислама», обосновывающийся «борьбой за веру» – джихадом, в целях построения исламского государства и введения норм шариата (ультра-радикализм).

Процесс политизации и радикализации ислама, появления исламистских неправительственных религиозно-политических организаций и крайних форм радикализации напрямую связан с влиянием внешних факторов. Речь идет, в частности, о колонизации Западом исламских государств, последовавшей деколонизации, приниженной роли мусульманских государств в мировой, региональной политике и в системе современных международных отношений, арабо-израильском конфликте, исламской революции в Иране (1979 г.), войнах в Афганистане и Ираке, инспирации Западом «цветных революций» в государствах Ближнего Востока и Северной Африки (2010 г. – н/время) в рамках реализации крупного геополитического проекта – «Большой Ближний Восток».

Что касается России, то процесс радикализации ислама здесь также имеет исторические корни. Он всегда обострялся в ходе крупных геополитических трансформаций: в годы Кавказской войны (1817-1864 гг.), при присоединении к России Средней Азии во второй половине XIX века, в результате революций начала XX в. и гражданской войны, во время Великой Отечественной войны, сопровождавшейся депортацией

с Кавказа некоторых мусульманских народов и т.д. Очередной виток радикализации ислама фиксируется после крупнейшей геополитической катастрофы XX в., связанной с крушением Советского Союза и социалистической системы, геополитическим переформатированием Кавказа, разделением его на северную и южную части. Этот процесс сопровождался многочисленными конфликтами, два главных из них – «чеченский кризис» и «осетино-ингушский конфликт» – привели к крайнему напряжению, резкой политической актуализации «исламского вопроса» в современной России.

Жизнедеятельность мусульман определяется шариатом и мусульманским правом (фикх). В их основе лежат сакральные источники – Коран и Сунна, а также и результаты человеческой деятельности – комментарии и жизнеописания пророка, составленные исламскими учеными, а также комплекс методов выведения – иджитihad. Коранические аяты, в зависимости от времени и места получения их пророком, несут различную смысловую нагрузку. Мекканские аяты посвящены основным положениям ислама, как религии, а мединский период сопряжен необходимостью строительства и обеспечения безопасности первого мусульманского государства, а потому более политизированы, а порой даже радикальны. Именно в этот период зарождаются концепции «такфира» (обвинение в неверии) и джихада (священная война за веру). Кроме того, более поздние аяты отменяют действие более ранних, т.е. мединские аяты превалируют над мекканскими (мирными), а также существуют открытые (захир) и закрытые (батин) аяты, что, согласно традиционалистскому подходу, требует их толкования знатоками культа – улемами (богословы) и факихами (правоведы).

Важным представляется то, что методика аргументации радикальных салафитов основана, как правило, на подтверждении ими тех или иных выдвигаемых положений, идей, а порой и просто домыслов, той или иной цитатой, буквально вырванной, вы-

хваченной из текстов Корана или Сунны, без обращения к улемам или факихам. Кроме того, отрицая «греховные нововведения», вызванные человеческой деятельностью (иджтихад), радикалы сами, по сути, используют человеческий фактор, прибегая к собственному иджтихаду, в том числе подкрепляя свои идеи трудами салафитов исторического прошлого. Безусловно, такой подход способствует радикализации ислама в определенные, переломные этапы истории. В русле этого процесса фиксируется развитие религиозно-политического экстремизма и даже терроризма, мотивированного идеологемами радикального исламизма. В результате многочисленные террористические акции, осуществляемые такфиритами-джихадистами, зачастую безадресные, в отношении совершенно невинных людей, но интерпретируемые ими в качестве «священной войны за веру», создали качественно новую, нетерпимую для мирового сообщества, ситуацию.

Если рассматривать исламизм как сложное и многомерное социально-политическое явление (исламизм – это соответствующая идеологическая доктрина и основанная на ней специфическая социально-политическая практика) на национальном уровне, то экспертное сообщество чаще всего выделяет четыре крупных блока внутренних конфликтогенных факторов, подпитывающих исламистские тенденции. Среди них – политические, социально-экономические, этно-конфессиональные и демографо-миграционные. Еще несколько лет назад первые две группы факторов считались ключевыми, остальные – второстепенными. Однако за последние годы ситуация настолько изменилась, что, по нашему мнению, ключевыми следует считать все четыре группы вышеназванных факторов. Порознь они выделяются в аналитических целях, тогда как в реальной действительности имеет место своеобразный синтез всех четырех вышеотмеченных видов, в которых каждый фактор усиливает действие других. В своей совокупности они создают «критическую массу» для выхода кон-

фликтогенного их потенциала на поверхность социально-политических процессов. Отсюда следует, что социально-политическую напряженность в регионе невозможно снизить лишь набором мер антиисламистской или какой-либо другой направленности. Стабилизировать ситуацию можно лишь системой долгосрочных многопрофильных мер, нейтрализацией всех групп «ключевых» факторов.

В постсоветский период, вследствие ослабления институтов государственной власти Российской Федерации, под сильным внешним воздействием, наблюдался неуклонный процесс политизации и радикализации ислама и исламских группировок, появления и институционализации на территории страны нетрадиционных исламистских течений. Этот процесс усугублялся слабостью и разобщенностью традиционного и официального российского ислама, реализацией сепаратистских проектов в некоторых регионах страны, прежде всего на Северном Кавказе. В силу целого ряда причин, объективных и субъективных факторов на территории России возникли и окрепли устойчивые группировки радикальных салафитов, прошедших институционализацию первоначально в некоторых северокавказских республиках. Впоследствии произошел процесс «растекания джихада» практически по всему Северному Кавказу, а в последнее десятилетие складываются предпосылки для создания радикальных салафитских группировок в Поволжье, на Урале и в Западной Сибири, а также появления их в «мусульманских анклавах» российских мегаполисов.

Современный терроризм так же, как и исламский радикализм, представляет собой соответствующую идеологическую доктрину, базирующуюся на принципах радикального исламизма, и основывающуюся на ней специфическую политическую практику. Идеология современного джихадистского движения зиждется на постулатах, выдвинутых в свое время приверженцами радикального фундаментализма Ибн Ханбалой, Таки ад-Дином ибн Тай-

мией, М. Ибн Абд аль-Ваххабом и их современными последователями – С.Кутбом, М.Шукри, М.Фараджем, А. аз-Завахири и др. В свою очередь, основу идеологической доктрины радикальных исламистов составляют два неперенных, системообразующих, органично присущих салафизму положения – о такфире и джихаде, которые исламистами трактуются в отрыве от мусульманской ортодоксии. Эта идеология основывается на очевидной простоте, доступности и непротиворечивости используемых аргументаций, четком определении «врагов ислама» и необходимости ведения против них «джихада». Все это находит определенный отклик и понимание в среде некоторых молодых мусульман, как правило, маргиналов, не слишком образованных в традиционном мусульманском вероучении, которое оно к тому же отвергает.

Обзор этапов развития идеологической доктрины радикальных исламистов в мире и, в частности, на Северном Кавказе свидетельствует о привнесении на территорию регионов России практически всех идеологических постулатов радикального исламизма, об экзогенности идеологического фактора в деятельности северокавказского бандподполья. Это подтверждается, в частности, тем, что лидеры российского исламизма до сих пор не смогли создать ни одного оригинального произведения, которое позволило бы говорить о появлении у северокавказских исламистов собственной политической идеологии, соответствующей современным реалиям. Общие рассуждения о необходимости введения шариата не могут компенсировать отсутствие социально-политической программы у этого движения.

Начало 2000-х, вследствие начавшейся возглавляемой США международной «антитеррористической кампании», ознаменовалось сломом иерархических структур международных террористов типа «Международного фронта джихада» и «Аль-Каиды». Они были преобразованы в сети – частично централизованные, децентрализованные и полностью авто-

номные. В результате в мире сложился целый ряд, сетевым образом оформленных, террористических кластеров – на Ближнем и Среднем Востоке, в Северной Африке и т.д. Связующими элементами этих кластеров и входящих в них структур стали общность идеологий и конечных целей, заключающихся в построении т.н. «исламских государств», а в перспективе – халифата, жизнь по нормам шариата.

Сетевое построение диверсионно-террористического подполья на Северном Кавказе сложилось позже – во второй половине первого десятилетия нового тысячелетия («Имарат Кавказ» – 2007 г.), под влиянием общих тенденций в «мусульманском мире», а также в связи с изменением военно-политической ситуации в регионе, что позволяет говорить о мощном внешнем влиянии на процесс институционализации северокавказского джихадистского движения, его структуру и систему организации, а также о сформированном в регионе северокавказском террористическом кластере, являющемся органичной частью сетевых структур международного терроризма. Вместе с тем, сложившаяся на Северном Кавказе террористическая модель основательно адаптирована под локальные социальные и этнополитические условия. Живучесть этой системе придает сращивание идеологии радикального исламизма с северокавказскими традиционными социальными институтами и сложившимися современными общественно-политическими условиями.

В проведенном исследовании показано, что идеолого-пропагандистская и информационная деятельность международных такфиритов-джихадистов выступает дополнительным, не основным видом деятельности террористов, и призвана обеспечивать постоянный приток носителей идеологии радикального исламизма в ряды «моджахедов», а также оправдывать соответствующими псевдорелигиозными постулатами диверсионно-террористическую практику боевиков. Собственно терроризм, как специфиче-

ческая политическая практика, постоянно видоизменяется, приспособляясь к динамическим трансформациям в мире и регионах. В настоящее время в разных странах террористы применяют адресные и безадресные акции, при проведении большинства терактов используется тактика действий с применением легкого стрелкового оружия, ручных гранатометов, подрыва бомб, похищения людей и т.д. На общем фоне эскалации террористического насилия продолжает актуализироваться наиболее опасный вид терроризма – терроризм смертников.

Что касается северокавказских сепаратистов, то они практически копируют формы и методы осуществления идеолого-пропагандистской и диверсионно-террористической деятельности своих зарубежных единомышленников. Явным внешним заимствованием стал, начиная с 2000 г., терроризм смертников, который исторически никогда прежде не фиксировался на Северном Кавказе. При этом главный вектор террористической активности в северокавказском регионе нацелен, в основном, против сотрудников правоохранительных органов и силовых структур, представителей органов государственной власти и управления, официального мусульманского духовенства. В то же время, вне северокавказского региона террористы, как правило, осуществляют свои разрушительные операции в местах массового скопления людей, преимущественно из числа гражданского населения (например, теракты в Москве, Беслане, Волгодонске, Кавказских Минеральных Водах и т.д.).

Террористическая деятельность практически невозможна без ее финансового обеспечения. Источниками финансирования террористических организаций могут быть внешние и внутренние поступления. К внешним источникам можно отнести поддержку от государств, религиозных учреждений, коммерческих и некоммерческих организаций, индивидов, населения и диаспор, а также от террористических ячеек. К источникам внутреннего финансирования следует отнести доходы, полу-

чаемые от легального и нелегального бизнеса, а также прочие доходы, к которым можно отнести членские взносы в рамках действующей террористической организации, помощь богатых террористов, которые могут являться членами террористической организации, а также и рэкет. Одновременно следует констатировать, что в последнее десятилетие процессы глобализации экономики и переход к сетевой структуре организации трансформировали роль финансовых источников террористических группировок, снизив долю внешних поступлений и одновременно увеличив и диверсифицировав – внутренних. Таким образом, террористические группировки в финансовом плане становятся все более автономными и самодостаточными.

В настоящее время реальная структура финансирования террористического подполья на Северном Кавказе представляет собой разветвленную сеть, непрерывно меняющую свою географию и структуру, общий объем циркулирующих средств, долевые соотношения различных источников. Главным источником финансирования стало вымогательство, получившее теоретическое обоснование в качестве «налога на джихад». Из общих тенденций последних лет можно выделить также сокращение поступлений из внешних источников и, как и в других регионах мира, усиление внутренней финансовой подпитки терроризма, диверсификацию внутренних источников, а также постепенную финансовую «оптимизацию» деятельности бандподполья, которое в условиях жесткого прессинга со стороны государства перешло на режим самоограничения, научилось достаточно экономно и эффективно расходовать сократившиеся объемы финансовых поступлений.

Рассмотрение четырех важнейших сфер развертывания терроризма под прикрытием ислама на Северном Кавказе – идеологической, структурно-организационной, практической и финансово-экономической – позволяет утверждать о весомости воздействия внешнего фактора на процесс возникновения, идеологического обоснования и функционирования джихадистского

движения в северокавказском регионе России. Прежде всего, это связано с идеологической, финансовой и иной подпиткой из-за рубежа и присутствием в рядах северокавказских боевиков в разные периоды времени значительной группы зарубежных «моджахедов» из многих стран Ближнего и Среднего Востока, других уголков «исламского мира». Разноплановая и массивная внешняя помощь выступает весомым фактором радикализации здесь «ваххабитского» движения.

Как верно отмечает отечественный исследователь исламизма Д.В. Макаров, аргументом в пользу политического манипулирования местными «борцами за веру» со стороны внешних сил выступает, прежде всего, их идеологическая несамостоятельность. Опора на арабских и пакистанских миссионеров, а также характер «образования», полученный местными «ваххабитами» в исламистских центрах непосредственно на территории Северного Кавказа и, особенно, за рубежом предопределили сложное протекание процесса трансформации сепаратизма, основывающегося ныне, в большей степени, на «исламском факторе», на идеологии радикального исламизма. Тенденция к механическому перенесению на местную почву радикальных фундаменталистских ценностей, несущих на себе отпечаток иных социально-исторических условий, способствует высокой степени социальной конфликтности «ваххабитов» и их отчужденности от широких слоев традиционного в регионе ислама и общества. Северокавказские «ваххабиты» даже не стремятся осмыслить местные реалии, предпринимая усилия втиснуть их в рамки идей, почерпнутых ими из произведений зарубежных фундаменталистских авторов: Ибн Ханбалы, Ибн Таймийи, Ибн аль-Кайима, аль-Ваххаба, аль-Маудуди, С.Кутба, других современных идеологов салафизма. Сказанное позволяет утверждать, что на практике военно-политическая активность северокавказских «ваххабитов» лишена созидательного содержания и не выходит за рамки минимальных целей, преследуемых внешними

силами, – дестабилизировать ситуацию в регионе и ослабить влияние России на Северном Кавказе¹. Совершенно очевидно, что ситуация за последнее десятилетие качественно не изменилась, а внешнее (экзогенное) воздействие на региональные этнополитические процессы по-прежнему остается весомым, существенно подпитывая внутренние (эндогенные) конфликтотогенные факторы, характерные для современного российского Северного Кавказа.

Вместе с тем, не следует упускать из виду то обстоятельство, что современный виток радикализации исламизма происходит в период тектонических геополитических сдвигов в международных отношениях. Экстремизм и терроризм, прикрываящиеся исламом, в данном контексте выступают средством давления на мировую и региональную политику, обеспечивая реализацию глобальных интересов сил, порой весьма далеких от ислама и интересов мусульман. Несомненно, что парадигма подавляющего большинства крупных социальных конфликтов в современном мире носит геополитический характер, в то время как их конкретное содержание формируется из ткани объективно существующих межэтнических, конфессиональных, политических, социально-экономических и иных противоречий. Внезапное «обострение» конфликта, радикализация оппонентов, выбор необычайно агрессивных методов его «разрешения», затяжной характер противоборства, – все это верные признаки внешнего, субъективного вмешательства «третьей силы». Применительно к Кавказу такой «третьей силой» является трансатлантическое сообщество – США и их сателлиты, преследующие в регионе свои геополитические интересы².

¹ См. об этом: *Макаров Д.В.* Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. М., 2000.

² *Гавриш Г.Б.* Пространственно-временная модель Кавказа в условиях глобализации // Непризнанные государства Южного Кавказа и этнополитические процессы на Юге России / Южнороссийское обозрение. Вып. 29. – 2005. – С. 23.

Надежное противодействие разрастанию современного терроризма требует эшелонированного взаимодействия субъектов антитеррористической деятельности на глобальном и национальном уровнях. На национальном уровне борьба с терроризмом осмысливается в «широком» (терроризм понимается как сложное и многомерное социально-политическое явление) и «узком» (терроризм понимается как вид уголовного преступления) аспектах. Поскольку в силу анархичности международных отношений, наличия у государств несовпадающих разноплановых интересов, организовать действенное противодействие терроризму на международном (глобальном) уровне пока не удастся, эпицентр борьбы с ним переходит на национальный уровень. Многими государствами современного мира, столкнувшимися с акциями террористов, в том числе Российской Федерацией, разработаны общенациональные и общегосударственные системы противодействия терроризму, которые постоянно совершенствуются. По нашему мнению, на нынешнем этапе эпицентр противодействия терроризму должен быть смещен от силового давления на террористов к не силовой составляющей, особенно в данном ракурсе становится актуальной борьба с идеологией терроризма.

Как представляется, основной упор в повышении эффективности противодействия идеологии терроризма, с ее основной внешней подпиткой, в Российской Федерации необходимо сделать на снижении уровня конфликтности молодежно-исламистского фактора, прежде всего на Северном Кавказе. Для этого нужно резко активизировать политическую, идейную, интеллектуальную работу. В данном контексте необходимо разработать эффективную молодежную политику, преодолеть постсоветский кризис идентичностей, принять меры к формированию общегосударственной идеологии, основанной на российском патриотизме. В рамках реализации принципа светскости государства надо способствовать процессу модер-

низации отечественного ислама, прежде всего путем создания отечественной модели мусульманского образования, а также появлению собственных авторитетных в стране и мире исламских духовных лидеров – патриотов России; целенаправленно проводить в жизнь информационную политику по исламской проблематике, в том числе с использованием возможностей СМИ, включая Интернет; поддерживать позитивную деятельность соответствующих околоисламских организаций и учреждений, осуществить подготовку нового поколения светских ученых – исламоведов и т.д.

Глоссарий

АГРЕССИЯ (лат.: нападение) – незаконное с точки зрения Устава ООН применение вооруженной силы одним государством против суверенитета, территориальной целостности другого или народа (нации). Обязательными признаками А. выступают принцип первенства (инициатива в применении вооруженной силы) и имперские намерения, захватнический умысел (отторжение территории другого государства, вмешательство в его внутренние дела, расширение сферы своего влияния и т.п.).

АДАТ (араб.: обычай) – обычное мусульманское право в отличие от официального права – шариата, способствует сохранению родоплеменных отношений и пережитков (кровная месть, пеня за убийство, умыкание невест и т.д.).

АДЕПТ (лат.: достигший) – 1. Посвященный в тайны какого-либо учения, секты. 2. Ярый последователь, приверженец какого-либо учения, идеи.

АКТ ТЕРРОРИЗМА – совершение действий, создающих опасность гибели людей, причинение значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях устрашения населения и (или) принуждения органов власти, международных организаций или отдельных должностных лиц к выполнению требований террористов.

АКТ ТЕРРОРИЗМА МЕЖДУНАРОДНОГО – террористическая акция, при осуществлении которой субъект ее совершения и объект посягательства принадлежат более чем одному государству.

АЛЛАХ – единый, единственный и всемогущий Бог религии ислама. Аллах не имеет конкретного образа и не может быть изображен. Ему поклоняются в мечетях, произнося молитвы и падая ниц, выражая тем самым свою покорность. Главным местом

поклонения А. является Кааба в Мекке, там находится «черный камень», якобы посланный А. с неба.

АХУН – духовный сан религиозного деятеля, в ведении которого находится несколько мечетей.

АЯТ (араб.: знамение Аллаха, иногда переводится как стих) – наименьшая самостоятельная часть Корана.

БЕЗОПАСНОСТЬ КОЛЛЕКТИВНАЯ – состояние защищенности мирового сообщества или группы государств от возможности нанесения им ущерба средствами вооруженного насилия, обеспечиваемое их совместными усилиями. Система К.б. представляет собой совокупность межгосударственных и государственных органов, сил и средств, согласованная и взаимосвязанная деятельность которых гарантирует осуществляемую на правовой основе защиту жизненно важных интересов государств-участников с опорой на военную силу.

БОРЬБА С ТЕРРОРИЗМОМ – 1) деятельность, осуществляемая органами федеральной службы безопасности и (или) их подразделениями, а также должностными лицами указанных органов и подразделений по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию террористических актов посредством проведения оперативно-боевых и иных мероприятий; 2) деятельность уполномоченных органов государственной власти по выявлению, предупреждению, пресечению террористической деятельности, раскрытию и расследованию преступлений террористического характера.

ВАХХАБИЗМ – религиозно-политическое течение в суннизме, проповедующее возвращение к чистоте раннего ислама времени Мухаммеда, строжайшее соблюдение принципа единобожия, отказ от поклонения святым и святым местам, отказ от заимствования новшеств, требует от мусульман избегать всяких проявлений роскоши в быту, одежде и культе.

ВЕРОИСПОВЕДАНИЕ – принадлежность к какой-либо религии, церкви; религиозное объединение, имеющее свое вероу-

чение, культ и организации. Иногда вероисповедание называют «конфессией».

ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ – целенаправленная деятельность государственных институтов, политических и общественных организаций по формированию у граждан морально-психологической готовности к защите Отечества, привитию им соответствующих знаний, навыков и умений.

ВОЕННОПЛЕННЫЕ – захваченные во время войны противником и находящиеся в его власти комбатанты, а также лица, не входящие в состав вооруженных сил воюющих сторон, но занимающиеся их обеспечением или обслуживанием.

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ – специальные объединения (группы) людей, оснащенные техническими средствами физического насилия (оружием и боевой техникой), которые при определенных обстоятельствах используются в политических целях. Различают: регулярные вооруженные силы государства; военизированные формирования политических движений и партий; партизанские армии борющихся с властью социальных и национальных групп; террористические группы.

ВТОРЖЕНИЕ НА ИНОСТРАННУЮ ТЕРРИТОРИЮ – вступление вооруженных сил одного или нескольких государств на территорию другого государства, без согласия его правительства, а также нарушение границы государственными воинскими подразделениями, отдельными самолетами или кораблями другой страны в целях разведки или диверсии. Как правило, оно осуществляется внезапно и является актом агрессии.

ГАЗАВАТ (араб.: поход, набег, нашествие) – одна из форм джихада против неверных, понимаемая как священная война.

ДАР АЛЬ-ИСЛАМ (араб.: мусульманский мир, земля ислама, вся территория, где господствует ислам) – традиционное мусульманское обозначение территорий, где действует мусуль-

манский религиозный закон и где политически господствуют мусульмане.

ДАР АС-СУЛЬХ, или **ДАР АЛЬ-АХД** (араб.: земля мирного договора, или земля договора) – промежуточная категория между дар аль-ислам и дар аль-харб, где при существовании политической власти немусульман мусульмане находятся под защитой и пользуются религиозной свободой, живут по своему религиозному закону.

ДАР АЛЬ-ХАРБ (араб.: земля войны) – территория, где ислам не господствует, где не действует в качестве главного мусульманский религиозный закон, где мусульмане подвергаются притеснениям и где ислам еще не распространился, – все, что не входит в дар аль-ислам.

ДЖАДИДИЗМ (араб.: новый метод) – новометодное реформаторское течение, среди российских мусульман распространилось в начале XX в.

ДЖИХАД (араб.: усилие, отдача всех сил и возможностей ради распространения и торжества ислама) – одна из главных обязанностей мусульманской общины. Первоначально под Д. подразумевались главным образом военные действия мусульманского государства. Это значение стало основным для немусульман и получило у них название «священная война» (у ряда мусульманских народов – газават). Позднее понятие Д. наполняется новым содержанием: появились представления о высшей форме Д. – духовном внутреннем усовершенствовании мусульманина на пути к Аллаху.

ДОБРОВОЛЬЧЕСТВО – способ комплектования и пополнения вооруженных сил, основанный на привлечении в их ряды добровольцев. Широкие масштабы оно принимает во время национально-освободительных и отечественных войн.

ДОГМАТЫ РЕЛИГИОЗНЫЕ – основные положения религиозного вероучения, принимаемые на веру.

ЗАКОНЫ И ОБЫЧАИ ВОЙНЫ – совокупность международно-правовых норм и моральных принципов, регулирующих права и обязанности воюющих сторон и нейтральных государств во время войны и других вооруженных конфликтов, в том числе внутригосударственного характера. Они складывались в течение длительного исторического периода, воплощены в Гаагских конвенциях о законах и обычаях войны 1899 и 1907 гг., Женевских конвенциях о защите жертв войны 1949 г. и других международных актах.

ЗАЛОЖНИКИ – насильственно задержанные лица, судьба и положение которых становятся средством давления на социальные группы, политические партии или государственные органы, которые заинтересованы в освобождении этих лиц. В качестве заложников могут оказаться как специально выбранные лица (бизнесмены, политические или общественные деятели, дети и т.д.), так и случайные люди.

ИДЖТИХАД (араб.: выносить самостоятельное решение) – способность и право компетентного факиха выносить собственное решение по важным вопросам религиозной и общественной жизни на основе Корана и сунны и руководствуясь основными методами фикха. Безошибочным в принципе считается И., являющийся решением всей мусульманской общины. На практике ее представителями признавались авторитетные законоведы.

ИМАМ (араб.: стоять впереди, предводительствовать) – предстоятель на молитве, духовный руководитель, глава мусульманской общины.

ИМАМАТ – институт верховного руководства мусульманской религиозной общиной, в котором сливаются власть светская и власть духовная.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА – в самом широком понимании – это любое воздействие на информацию и информационные системы противника при одновременной защите собственной информации и собственных информационных систем.

По мнению американских авторов, информационные операции могут проводиться не только во время войны, но и в мирное время или в неопределенных ситуациях, с целью защиты собственной информации и информационных систем, а также для оказания влияния на информацию и информационные системы противника.

ИСЛАМ (араб.: предание себя Аллаху, покорность) – одна из мировых религий. Возник в Аравии в начале VII в. Вероучение изложено в Коране, содержание которого, по преданию, было сообщено в соответствии с божественной волей пророку Мухаммеду. В исламе 7 догматов: вера в единого Бога; вера в ангелов; вера в святыне книги, вера в посланников Аллаха; вера в конец света, рай и ад; вера в предопределение; вера в воскрешение мертвых. Наряду с признанием догматов мусульманин должен признавать 5 «столпов» веры. 1. Произнесение символа веры: «Нет божества кроме Аллаха, и Мухаммед – посланник божий». 2. Ежедневная пятикратная молитва. 3. Пост в месяц рамадан (ураза). 4. Обязательная благотворительность (закят). 5. Паломничество в Мекку (хаджж).

ИСЛАМИЗАЦИЯ – термин, употребляемый в настоящее время для определения характера политических движений, выступающих за возврат к мусульманским правовым нормам в государственной жизни.

ИСЛАМИЗМ – идеология и практическая деятельность, ориентированная на создание условий, при которых социальные, экономические, этнические и иные проблемы и противоречия любого общества (государства), где наличествуют мусульмане, а также между государствами будут решаться исключительно с использованием исламских норм, прописанных в шариате (системе нормативных положений, выведенных из Корана и Сунны).

ИСЛАМСКИЙ РАДИКАЛИЗМ – это идеологическая доктрина и основанная на ней социально-политическая практика, которые характеризуются нормативно-ценностным закреплением

идеологического, политико-мировоззренческого и даже вооруженного противостояния мира «истинного ислама» по отношению к миру «неверных» вовне и миру «неистинной веры» внутри ислама и требуют абсолютного социального контроля и мобилизации (служения идее) своих сторонников.

КАДИ (кази) – религиозный судья в мусульманской общине.

КАФИР – неверный, неверующий. Обозначение всех немусульман, отвергающих веру в Аллаха.

КОМБАТАНТЫ (фр. – воин, боец): в международном праве – лица, входящие в состав вооруженных сил воюющей стороны и имеющие право принимать непосредственное участие в военных действиях. К. являются: личный состав вооруженных сил (кроме лиц медицинского и духовного персонала); личный состав ополчений, добровольческих отрядов и организованных движений Сопротивления; лица, не входящие непосредственно в состав вооруженных сил, но следующие за ними и обслуживающие их; экипажи судов торгового флота и гражданской авиации; население не оккупированной территории, которое при приближении неприятеля стихийно берется за оружие для борьбы с вторгшимся врагом, не успев сформироваться в регулярные войска, если оно открыто носит оружие, соблюдает законы и обычаи войны.

КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ОПЕРАЦИЯ – комплекс социальных, оперативно-боевых, войсковых и иных мероприятий с применением боевой техники, оружия и специальных средств по пресечению террористического акта, обезвреживанию террористов, обеспечению безопасности физических лиц, организаций и учреждений, а также минимизации последствий террористического акта.

КОНФЕССИЯ – то же, что и вероисповедание.

КОРАН – священная книга мусульман, представляющая собой собрание «божественных откровений», которые были «ниспосланы» пророку Мухаммеду. Коран делится на 114 глав,

именуемых сурами, которые расположены в порядке убывания длины, за исключением первой суры, фатихи. К. для всех мусульман является главным источником вероучения. Он содержит наставления, правила, запреты, повеления культового, этического, юридического, хозяйственного характера.

КУФР – неверие. Непризнание ислама или отход от ислама.

МАЗХАБ (араб.: путь следования) – религиозно-правовая школа в суннитском исламе. В настоящее время общепризнанными являются 4 М.: ханифитский, маликитский, шафиитский, ханбалистский. Названия получили по именам своих создателей.

МЕЧЕТЬ (араб.: место поклонения) – культовое здание в исламе, где совершаются богослужения и произносятся проповеди. Противоположная входу стена мечети, как правило, ориентирована в сторону Мекки. На внутренних стенах мечетей нет никаких украшений, кроме орнамента и выдержек из Корана.

МИРНОЕ НАСЕЛЕНИЕ – лица, находящиеся на территории, охваченной вооруженным конфликтом, не принадлежащие к вооруженным силам воюющих сторон и не принимающие непосредственного участия в военных действиях.

МОБИЛИЗАЦИЯ (лат.: подвижный) – комплекс мероприятий по переводу на военное положение вооруженных сил, экономики и государственных институтов страны (общая мобилизация) или какой-либо их части (частичная мобилизация) Стала применяться с созданием массовых армий, комплектуемых на основе всеобщей воинской повинности. Объявление мобилизации – компетенция органов государственной власти. Ее успешное проведение обеспечивается национальной консолидацией общества и его патриотизмом.

МОНОТЕИЗМ (греч.: единственный, верный) – религиозное представление и учение о едином Боге, единобожие, в противоположность политеизму – многобожию. Монотеистами считают себя иудаисты, христиане, мусульмане.

МУДЖАХИД (МОДЖАХЕД) (араб.: борец за веру, за святое дело, участник священной войны – джихада) – термин, использующийся для обозначения лиц, участвующих в социальных, национально-освободительных, а также религиозных движениях. Вооруженные формирования М., как правило, имеют иррегулярный характер, придерживаются тактики партизанских и диверсионно-террористических действий. Воины, ведущие джихад, согласно исламским канонам, в случае гибели становятся шахидами, то есть святыми, мучениками, павшими за веру, и удостоиваются вечного блаженства.

МУДЖТАХИД – наиболее авторитетный законовед (факих), имеющий право выносить самостоятельное суждение (иджтихад) по религиозным и правовым вопросам.

МУЛЛА – персидское название для знатоков религиозных наук и служителей мусульманского культа.

МУСЛИМ (араб.: предавший себя Аллаху) – мусульманин.

МУФТИЙ – должностное лицо в системе религиозного суда, выносит решения (фетвы) по разным религиозно-юридическим вопросам, используя прецеденты из практики кади.

МУХАММАД (Мухаммед, Мохаммед, Мохаммад, Магомед) – основатель ислама, посланник Аллаха, «печать пророков», то есть главный и последний пророк истинной веры.

МЮРИДИЗМ – термин для обозначения религиозно-мистического направления в исламе, получившего распространение на Северном Кавказе.

НАЕМНИК – согласно нормам современного международного гуманитарного права – любое лицо, которое специально завербовано на месте или за границей для того, чтобы сражаться в вооруженном конфликте, и фактически принимает участие в военных действиях, руководствуясь, главным образом, желанием получить личную выгоду. Обязательный признак Н. – он не является ни гражданином стороны, находящейся в конфликте, ни лицом, постоянно проживающим на территории,

контролируемой стороной, находящейся в конфликте; не входит в личный состав ее вооруженных сил и не послан государством, которое не является стороной, находящейся в конфликте, для выполнения официальных обязанностей в качестве лица, входящего в состав его вооруженных сил.

НАСИЛИЕ ВООРУЖЕННОЕ – форма социальной борьбы, крайний вид военного насилия, при котором разворачиваются боевые действия и открыто применяется оружие (ведется огонь, рассчитанный на поражение людей, захватывается территория противника, уничтожаются его военные объекты и т.д.).

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ – состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ – совокупность внутренних и внешних потребностей государства в обеспечении защищенности и устойчивого развития личности, общества и государства.

ОБЩЕГОСУДАРСТВЕННАЯ СИСТЕМА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ – совокупность субъектов противодействия терроризму и нормативно-правовых актов, регулирующих их деятельность по выявлению, предупреждению (профилактике), пресечению, раскрытию и расследованию террористической деятельности, минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма.

ОРИЕНТАЛИСТ – знаток культуры и языков восточных народов, востоковед. Ориенталистика – то же, что востоковедение.

ПАНИСЛАМИЗМ – религиозно-политическая идеология, в основе которой лежат представления о единстве, солидарности всех членов мусульманской общины независимо от их госу-

дарственной, расовой, национальной или социально-классовой принадлежности, обусловленные равенством всех мусульман перед Аллахом, и о необходимости объединения всех мусульман в рамках единого теократического государства.

ПАНТЮРКИЗМ – идеология и политика, основанные на признании всех народов тюркской языковой группы единой нацией и необходимости их политического сплочения под главенством Турции в единое государство.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИЗМУ – деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления по:

а) предупреждению терроризма, в том числе по выявлению и последующему устранению причин и условий, способствующих совершению террористических актов (профилактика терроризма);

б) выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию террористического акта (борьба с терроризмом);

в) минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма.

РАДИКАЛ (лат.: корень) – сторонник коренных, решительных мер.

РАДИКАЛИЗАЦИЯ ИСЛАМСКОГО ДВИЖЕНИЯ – это процесс становления и укрепления исламизированных политических групп, использующих исламские лозунги и элементы учения ислама как идеологическую платформу, что отличает их от других общественных формирований в ходе борьбы за власть со своими политическими оппонентами, для насильственного насаждения собственной веры и изменения, на этой основе, существующего общественно-политического строя в том, или ином регионе.

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ – совокупность дисциплин, изучающих религию, ее социальные, гносеологические, психологические корни.

РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ (под прикрытием ислама) – это такфиритская идеология (обвинение в неверии всех, кто эту идеологию не разделяет) и основанная на ней специфическая диверсионно-террористическая практика, ложно определяемая носителями идеологии такфира, как джихад (священная война за веру).

СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ – процесс освобождения всех сфер общественной и личной жизни из-под влияния религии и церкви.

СЕПАРАТИЗМ (лат.: отдельный) – стремление к обособлению, проявляющееся, как правило, у национальных меньшинств в многонациональных государствах и направленное на создание самостоятельных государств или национально-государственных автономий.

СУННА (араб.: путь, пример, образец) – поступки и высказывания пророка Мухаммеда, один из источников правил общественной жизни и толкования Корана, религиозного культа и права. С. зафиксирована в хадисах и повествует о современниках Мухаммеда и о его решениях по различным вопросам религии и устройства жизни общины.

СУННИЗМ – одно из направлений ислама. Его приверженцы называют себя людьми сунны. Подавляющее большинство мусульман мира являются суннитами. В области теологии С. не признает возможность посредничества между Аллахом и людьми после смерти Мухаммеда, отрицает идею об особой природе Али и особом праве его потомков на имамат, руководство общиной.

СУФИЗМ – мусульманский мистицизм.

ТАКФИР – обвинение в неверии (куфре).

ТЕРРОРИЗМ (лат. – страх, ужас) – политика и тактика террора, то есть совокупность жестких форм и средств политиче-

ского насилия, используемых для достижения античеловеческих целей.

ТЕРРОРИЗМ – это идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий.

ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – деятельность, включающая в себя:

а) организацию, планирование, подготовку, финансирование и реализацию террористического акта;

б) подстрекательство к террористическому акту;

в) организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной группы), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре;

г) вербовку, вооружение, обучение и использование террористов;

д) информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта;

е) пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности.

ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ АКТ – совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях.

УММА (араб.: народ, нация) – мусульманская община, общность всех мусульман.

ФАКИХ (араб.: понимать, знать) – знаток мусульманского права.

ФАНАТИЗМ – непоколебимая и отвергающая альтернативы приверженность определенным убеждениям, выражающаяся в деятельности и общении, сопряженная с готовностью к жертвам. Преданность идее сочетается с нетерпимостью к инакомыслящим, пренебрежением к этическим нормативам, препятствующим достижению общей цели.

ФЕТВА – официальное суждение по поводу какого-либо правового или культового вопроса, выносимое муфтием или другим религиозным авторитетом в ответ на запрос кади или любого частного лица.

ХАДЖЖ – паломничество в Мекку, одна из главных обязанностей каждого мусульманина.

ХАДИС – рассказ о поступках и высказываниях Мухаммеда и его сподвижников.

ХАЛИФАТ – 1. Институт власти, характерный для суннитского толка ислама. Означает сосредоточение светской и духовной власти над общиной в руках халифа. 2. Название государства, возглавляемого халифом.

ХАРИДЖИТЫ – (ал-хаваридж, «выступающие», «мятежники», «раскольники») – последователи самой ранней в истории ислама религиозно-политической группировки, образовавшейся в ходе борьбы за власть в Халифате между сторонниками Али и Муавии (хариджизм – направление в исламе, наряду с суннизмом и шиизмом).

ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ – это прозападный, чаще проамериканский переворот, производимый в той или иной стране в интересах Запада (США) с использованием инструментария информационных (сетевых) войн.

ШАРИАТ (араб.: правильный путь к цели) – комплекс юридических норм, принципов и правил поведения, религиозной жизни и поступков мусульманина, соблюдение которых означает

ведение праведной, угодной Аллаху жизни, приводящей мусульманина в рай.

ШАХИД – пожертвовавший собой за веру, погибший мученической смертью.

ШИРК – придание сотоварищей Аллаху, язычество.

ШЕЙХ (араб.: становится старым, стареть) – 1. В Новое и Новейшее время – титул главы племени в Аравии. 2. Почетное звание крупных религиозных авторитетов, знатоков религиозных дисциплин, глав суфийских братств, людей, известных своим благочестием.

ШИИТЫ (араб.: присоединяться к кому-либо) – приверженцы одного из направлений ислама. Для Ш. имам является духовным и светским главой по своей сути благодаря таинственной эманации «божественной благодати», переходящей от одного имама к другому.

ЭКСПАНСИЯ – расширение, распространение, стремление к захвату новых территорий.

ЭКСПАНСИЯ ВОЕННАЯ – захват вооруженным путем чужих территорий в целях политического и экономического закабаления других народов, укрепления своего военно-стратегического положения. Современное международное право квалифицирует экспансию военную как одну из форм агрессии.

ЭКСТРЕМИЗМ (лат.: крайний) – приверженность в политике крайним взглядам и мерам.

ЭМИР (АМИР) – 1) в некоторых мусульманских странах Востока и Африки: титул правителя, князя, а также лицо, носящее этот титул; 2) в странах мусульманского Востока: титул военачальника, правителя; лицо, носящее этот титул.

Библиографический список литературы

Нормативные источники

1. Конституция Российской Федерации: Официальный текст с историко-правовым комментарием. – М., 1999.
2. Конституции республик в составе Российской Федерации: (Сборник документов) / Под ред. Н.А.Михалевой. – М., 1995.
3. Военная доктрина Российской Федерации. – М., 2010.
4. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации // Российская газета. – 2000. – 28 сент.
5. Закон Российской Федерации от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности» // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1992. № 15. Ст. 769.
6. Концепция государственной национальной политики Российской Федерации // Вертикаль власти. Региональная и национальная политика, принципы местного самоуправления. Документы. Комментарии. Разъяснения. Выпуск № 15. – М., 1996.
7. Концепция государственной национальной политики Российской Федерации на Северном Кавказе. – М., 1998.
8. Концепция национальной безопасности Российской Федерации (в редакции Указа Президента РФ от 10 января 2000 г., № 24) // Российская газета. – 2000. – 18 янв.
9. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации // Российская газета. – 2009. – 20 окт.
10. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru>.
11. Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа на период до 2025 года // Российская газета. – 2010. – 30 сент.

12. Федеральный закон от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 31. – Ст. 3808.

13. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». – М., 2006.

14. Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «Об органах Федеральной службы безопасности в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 15. – Ст. 1269.

15. Федеральный закон от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 ФЗ «О средствах массовой информации» // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1992. – № 7.

16. Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. «Об оружии» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 51.

17. Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (с изм. и доп. от 26 марта 2000 г., 21 марта 2002 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 39. – Ст. 4465.

18. Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» (с изм. и доп. от 17 мая 1997 г., 19 июля 1998 г., 12 марта, 21 марта 2002 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 21. – Ст. 1930.

19. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Российская газета. – 2002. – 30 июля.

20. Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 33. – Ст. 3418.

21. Постановление Правительства РФ от 25 августа 2001 г. № 629 «О федеральной целевой программе «Формирование уста-

новок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001-2005 годы)» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 36. – Ст. 3577.

22. Закон Республики Дагестан «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан» // Собрание Законодательства Республики Дагестан. – Махачкала, 1999. – 30 сент.

23. Постановление Президиума Народного Собрания Карачаево-Черкесской Республики № 49 о ходе выполнения Республиканского закона «О противодействии политическому и религиозному экстремизму на территории Карачаево-Черкесской Республики». – Черкесск, 2000. – 5 сент.

Диссертации и авторефераты

24. *Адамова М.А.* Женский терроризм в современном политическом процессе: Автореф. дис. ...канд. полит. наук. – Ставрополь, 2008.

25. *Адиев А.З.* Земельный вопрос и этнополитические конфликты в Дагестане. – Ростов н/Дону, 2011.

26. *Акаев В.Х.* Суфизм в контексте арабо-мусульманской культуры: Автореф. дис. ...докт. философ. наук. – Ростов н/Д, 2004.

27. *Бережной С.Е.* Исламский фундаментализм на Северном Кавказе: Автореф. дис. ...канд. полит. наук. – Ростов н/Дону, 2004.

28. *Гурба В.Н.* Терроризм в контексте социальных процессов современности: Дис. ... канд. соц. наук. – Новочеркасск, 2002.

29. *Гусев Г.Г.* Межгосударственное взаимодействие в сфере борьбы с терроризмом на глобальном и региональном уровнях: Дис. ...канд. полит. наук. – Пятигорск, 2013.

30. *Добаев А.И.* Воздействие глобального терроризма на экономическую безопасность: Автореф. дис. ...канд. эконом. наук. – Ростов н/Дону, 2008.

31. *Добаев И.П.* Исламский радикализм: сущность, идеология, политическая практика: Дис. ...д-ра филос. наук. – Ростов н/Дону, 2003.

32. *Дяченко И.А.* Особенности проявлений политического экстремизма участниками молодежных объединений в современной России (детерминанты, воспроизводство, политическая идентичность): Автореф. дис. ...канд. полит. наук. – Ростов н/Дону, 2008.

33. *Егунов А.В.* Исламский радикализм на постсоветском пространстве: Автореф. дис. ...канд. полит. наук. – Краснодар, 2005.

34. *Косьякова М.Е.* Правовая превенция политического экстремизма: институционально-технологический аспект: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. – Ростов н/Дону, 2008.

35. *Кузина С.И.* Политическое насилие: природа, манифестирование и динамика в глобализирующемся мире: Дис. ...д-ра полит. наук. – Ростов н/Дону, 2010.

36. *Кулакова Б.Э.* Мусульманская духовная культура: символические коды повседневности: Автореф. дис. ...канд. филос. наук. – Ростов н/Дону, 2010.

37. *Курбанов Х.Т.* Религиозно-политический экстремизм на Северо-Восточном Кавказе: идеология и практика (на материалах Республики Дагестан): Автореф. дис. ...канд. полит. наук. – Махачкала, 2006.

38. *Маевская Л.Б.* Ваххабизм в современной России: исторические корни и тенденции развития: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – Киев, 2007.

39. *Магарамов Э.М.* Современная геополитическая ситуация на Северном Кавказе: проблемы национальной и региональной безопасности России: Автореф. дис. ...канд. полит. наук. – Ставрополь, 2007.

40. *Маханов Д.С.* Эволюция ханбалитского учения и современность: Автореф. дис. ...канд. философ. наук. – М., 2001.

41. *Назирова Д.* Проблемы терроризма, религиозного экстремизма и пути их преодоления: Дис. ...докт. филос. наук. – Душанбе, 2009.

42. *Наипов Б.Х.* Социальная безопасность на региональном и местном уровнях: состояние, тенденции развития и механизмы политического регулирования: Автореф. дис. ...канд. полит. наук. – Ростов н/Д, 2006.

43. *Патеев Р.Ф.* Политические аспекты мусульманского образования в России: история и современность: Автореф. дис. ...канд. полит. наук. – Ростов н/Дону, 2006.

44. *Репинская О.В.* Формирование политической стратегии антитеррористической деятельности государственных институтов России: Автореф. дис. ...канд. полит. наук. – Ростов н/Дону, 2009.

45. *Сухов А.В.* Радикализация исламских движений в Центральной Азии и на Северном Кавказе: сравнительно-политологический анализ (на материалах Киргизской Республики и Республики Дагестан): Автореф. дис. ...канд. полит. наук. – Ростов н/Дону, 2008.

46. *Улезко Э.В.* Противодействие экстремизму в этнорелигиозной сфере: проблемы и перспективы эволюции государственной политики (региональный аспект): Автореф. дис. ...канд. полит. наук. – Ростов н/Дону, 2009.

47. *Чудинов С.И.* Терроризм как социокультурный феномен: Автореф. дис. ...канд. филос. наук. – Новосибирск, 2005.

48. *Щебланова В.В.* Современный терроризм в глобализации социальных рисков: структуралистско-конструктивистский контекст: Автореф. дис. ...докт. соц. наук. – Саратов, 2010.

49. *Юсупова Г.И.* Влияние глобализации на этноконфессиональную ситуацию на Юге России: Автореф. дис. ...докт. филос. наук. – Махачкала, 2009.

Литература

50. *Абдулагатов З.М.* Исламское сознание в глобализационных процессах: проблемы адаптации. – Махачкала, 2010.
51. *Абдулагатов З.М.* Особенности социализации современной молодежи и социальные деформации в молодежной среде (на примере Республики Дагестан). – Махачкала, 2011.
52. *Абдурахман Бин Хаммад Аль-Умар.* Религия истины ислам. – М., 1997.
53. *Абу Аль-аля аль-Маудуди Сайид.* Ислам сегодня. – М., 1992.
54. *Абу Аль-аля аль-Маудуди Сайид.* Путь к благоденствию. – М., 1994.
55. *Авксентьев А.В.* Ислам на Северном Кавказе. – Ставрополь, 1973.
56. *Авксентьев и др.* Региональные конфликты и проблемы безопасности Северного Кавказа. – Ростов н/Дону, 2008.
57. *Авксентьев В.А. и др.* Юг России в зеркале конфликтологической экспертизы. – Ростов н/Дону, 2011.
58. *Акаев В.Х.* Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе. – Ростов н/Дону, 2004.
59. *Аксенов М.Д.* Религии мира. Энциклопедия в 2-х томах. – М., 1997.
60. *Алиев Р.* Государство и религия. – Баку, 2004.
61. *Алиев А.К.* Этнополитические исследования на Северном Кавказе: состояние, проблемы, перспективы. – Махачкала, 2005.
62. *Алиев А.К., Арухов З.С., Ханбабаев К.М.* Религиозно-политический экстремизм и этноконфессиональная толерантность на Северном Кавказе. – М., 2007.
63. *Алов А.А. и др.* Мировые религии. – М., 1998.
64. *Аль-Тантауи Али.* Общее представление об исламе / Пер. с араб. – Майкоп, 2002.
65. *Ан-Навави.* Сады благонравных. – Махачкала, 1993.

66. *Ан-Наим Абдуллахи Ахмед*. На пути к исламской реформации. – М., 1999.

67. *Антес П.* Религии современности. История и вера. – М., 2001.

68. *Арапов Д.Ю.* Имперская Россия и мусульманский мир. – М., 2006.

69. *Армстронг К.* Ислам: краткая история от начала до наших дней. – М., 2011.

70. *Арухов З.С.* Экстремизм в современном исламе. – Махачкала, 1999.

71. *Арухов З.С.* Апология джихада в ваххабитской пропаганде // Религия и государственно-конфессиональные отношения в Дагестане. – Махачкала, 2002.

72. *Архиепископ Владимир*. ...А друзей искать на Востоке (Православие и Ислам: противостояние или содружество?). – Ташкент, 2000.

73. *Башиамил М.А.* Как мы понимаем единобожие. – М., 2001.

74. Белая книга российских спецслужб. – М., 1996.

75. *Беккин Р.И.* Исламские финансы в современном мире. Экономические и правовые аспекты. – М., 2004.

76. *Бережной С.Е.* Исламские проекты в контексте социально-политического развития Юга России // Взаимодействие государства и религиозных объединений: состояние и перспективы. – Махачкала, 2004.

77. *Бережной С.Е.* Исламский фундаментализм на Юге России. – Ростов н/Д, 2004.

78. *Бобровников В.О.* Дагестан // Ислам на территории бывшей Российской империи. – М., 1998.

79. *Бобровников В.О., Ярлыкапов А.А.* «Ваххабиты» (Северного Кавказа) // Ислам на территории бывшей Российской империи. – М., 1999.

80. *Бобровников В.О.* Колхоз как хранитель исламского уклада // Ваш выбор. – М., 1996.

81. *Богомолов А.И.* Религии мира. – Ростов н/Д., 2005.
82. *Боташева А.К.* Терроризм как феномен современной политической реальности. – Ставрополь, 2009.
83. *Ван ден Берг.* Основные начала мусульманского права согласно учению имамов Абу Ханифы и Шафии. – М., 2005.
84. *Витюк В., Эфиров С.* «Левый» терроризм на Западе. История и современность. – М., Наука.
85. *Гайнутдин Равиль.* Муфтий. – М., 2004.
86. *Гайнутдин Равиль.* Российские исламские организации могут и должны вносить свой вклад в укрепление безопасности Отечества // Национальная и региональная безопасность на Юге России: новые вызовы. – Ростов/Д., 2003.
87. *Гаджикович Р.* Терроризм и пропаганда // Актуальные проблемы Европы. Проблема терроризма. – М., 1997.
88. *Гараджа В.И.* Социология религии. – М., 1995.
89. *Гордеев С.В.* История религий. – М., 2005.
90. Государство, религия, закон. Сборник документов и методологических материалов для работников администраций городов и районов Республики Дагестан. – Махачкала, 2004.
91. Государство и религия в Дагестане // Информационно-аналитический бюллетень Комитета Правительства РД по делам религии. – Махачкала, 2003.
92. *Горкин А.П.* Народы и религии мира. Энциклопедия. – М., 1998.
93. *Грачев А.С.* Тупики политического насилия. – М., 1982.
94. *Гюлен М.Ф.* Сомнения, порожденные веком / Пер. с турецкого. – Измир, 1999. – Том 1.
95. *Гюлен М.Ф.* Сомнения, порожденные веком / Пер. с турецкого. – М., 2001. – Том. 2.
96. *Добаев А.И.* Экономическая безопасность и терроризм в эпоху глобализации. – Ростов н/Дону, 2008.
97. *Добаев А.И.* Хавала: неофициальная система финансирования терроризма. – Ростов н/Дону, 2010.

98. *Добаев И.П.* Исламский радикализм в международной политике. – Ростов н/Д, 2000.

99. *Добаев И.П.* Политические институты исламского мира: идеология и практика. – Ростов н/Д, 2001.

100. *Добаев И.П.* Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. – Ростов н/Дону, 2003.

101. *Добаев И.П., Немчина В.И.* Новый терроризм в мире и на Юге России. – Ростов н/Д, 2005.

102. *Добаев И.П.* Радикальные идеологии в исламе: история и современность // Ислам в России: взгляд из регионов. – М., 2007.

103. *Добаев И.П.* Современный терроризм: региональное измерение. – Ростов н/Дону, 2009.

104. *Добаев И.П.* Терроризм и антитеррористическая деятельность на Юге России. – Ростов н/Дону, 2011.

105. *Добаев И.П., Добаев А.И.* Терроризм и антитеррористическая деятельность в Российской Федерации. – Ростов н/Дону, 2011.

106. *Добаев И.П.* Современный терроризм на Северном Кавказе: эволюция форм и методов специфической практики // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2012. – № 1. – С. 133-141.

107. *Добаев И.П.* Воздействие внешнего фактора на институционализацию террористических группировок на Северном Кавказе // Государственная служба. – 2012. – № 2 (76). – С. 81-87.

108. *Добаев И.П., Гаджибеков Р.Г.* Внешнее влияние на развитие терроризма на Северном Кавказе // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2012. – № 2. – С. 145-154.

109. *Добаев И.П.* Террористические исламские организации на Северном Кавказе: влияние экзогенного фактора // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – № 10. – С. 13-20.

110. *Добаев И.П., Умаров Д.В.* Векторы развития современной идеологической доктрины радикальных исламистов в мире и на Северном Кавказе // Государственное и муниципальное управление. – 2012. – № 3. – С. 111-120.

111. *Добаев И.П., Сериков А.В., Шевченко О.М.* Агрессивность как фактор обострения молодежного экстремизма на Юге России. Монография / Южнороссийское обозрение. Выпуск № 71. – Москва – Ростов н/Дону: «Социально-гуманитарные знания», 2012.

112. *Добаев И.П., Добаев А.И., Умаров Д.В.* Трансформация финансирования террористических структур на Северном Кавказе // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2012. – № 4. – С. 107-121.

113. *Добаев И.П., Добаев А.И., Умаров Д.В.* Особенности финансирования террористических структур на Северном Кавказе // Мировая экономика и международные отношения. – 2013. – № 4. – С. 79-86.

114. Зимние Олимпийские игры – 2014 в Сочи в фокусе информационных атак. Сборник научных статей / Южнороссийское обозрение. Выпуск № 69. – Ростов н/Дону, 2011.

115. *Емельянова Н.М.* Мусульмане Осетии: на перекрестке цивилизаций. – М., 2003.

116. *Журавский А.В.* Ислам. – М., 2004.

117. *Залимханов З.М., Ханбабаев К.М.* Политизация ислама на Северном Кавказе. – Махачкала, 2000.

118. *Игнатенко А.А.* Самоопределение исламского мира // Ислам и политика. – М., 2001.

119. *Игнатенко А.* Эндогенный радикализм в исламе // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – №2 (8).

120. *Игнатенко А.А.* Исламизм: глобальная угроза? – М., 2000.

121. *Игнатенко А.* Исламский радикализм как побочный эффект «холодной войны» // Центральная Азия и Кавказ. – 2001.

122. *Икбал М.* Реконструкция религиозной мысли в исламе. – М., 2002.
123. *Ильин В., Кармин А.С., Носович Н.В.* Религиоведение. – СПб., 2006.
124. *Исак Ф.* Быть мусульманином. – М., 2002.
125. Ислам и политика. Сборник научных статей. – М., 2001.
126. Ислам и политика на Северном Кавказе. – Ростов н/Дону, 2001.
127. Ислам на юге России. Сб. статей / Сост. и отв. ред. Сызранов А.В. – Астрахань, 2007.
128. Ислам против терроризма. Фетвы имамов по вопросам, касающимся тяжких бедствий. – М., 2003.
129. Исламский фактор на Юге России. Сборник научных статей / Южнороссийское обозрение. Выпуск № 72. – Ростов н/Дону, 2012.
130. *Керимов Г.М.* Шариат: закон жизни мусульман. – М., 1999.
131. *Керимов М.М.* Ислам в контексте традиционной культуры чеченцев. – Ростов н/Дону, 2007.
132. *Кисин С., Мурадов М.* Террористы разбрелись по Кавказу // Коммерсант. – 2006. – 26 авг.
133. *Киреев Н.Г.* Антитеррористическое законодательство и борьба с радикальным исламом в Турции // Мусульманские страны у границ СНГ. – М., 2001.
134. *Кисриев Э.Ф.* Ислам и власть в Дагестане. – М., 2004.
135. *Климов Г.* Божий народ. – Краснодар, 2002.
136. *Князев А.* Афганский конфликт и радикальный ислам в Центральной Азии. – Бишкек, 2001.
137. *Кожокин Е.М.* Исламский экстремизм и фундаментализм как угроза национальной безопасности России. – М., 1995.
138. *Колесников В.Л.* Актуальные проблемы противодействия религиозно-политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Махачкала, 2007.

139. Коран / Пер. Крачковского И.Ю. – М., 1990.
140. *Коровиков А.В.* Исламский экстремизм в арабских странах. – М., 1990.
141. *Крывелев И.А.* История религий. – М., 1988.
142. *Крымский А.Е.* История мусульманства. – М., 2003.
143. *Кудрявцев А.В., Ниязи А.Ш.* Политический ислам: начало 90-х. // Современный ислам: культура и политика. – М., 1994.
144. *Кулаков А.Е.* Религии мира. – М., 1997. *Курбанов Р.* Глобализация сознания мусульман Кавказа: призыв и джихад // Центральная Азия и Кавказ. – 2006. – № 6.
145. *Курбанов Р.* Факторы конфликтогенности ислама в Дагестане: неоднородность исламского пространства / Южнороссийское обозрение. Выпуск № 26. – Ростов н/Д, 2005.
146. *Курбанов Х.Т.* Религиозно-политический экстремизм на Северо-Восточном Кавказе. – Ростов н/Д, 2006.
147. *Ланда Р.Г.* Ислам в истории России. – М., 1995.
148. *Ляхов Е.Г.* Терроризм и межгосударственные отношения. – М., 1991.
149. *Ляхов Е.Г., Попов А.В.* Терроризм: национальный, региональный и международный контроль. – Ростов н/Д, 1999.
150. *Макаров Д.В.* Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. – М., 2000.
151. *Максуд Р.* Ислам. – М., 2005.
152. *Малашенко А.В.* Исламское возрождение в современной России. – М., 1998.
153. *Малашенко А.В.* Исламское возрождение в постсоветской России. – М., 1998.
154. *Малашенко А.В., Олкотт М.Б.* Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри. – М., 2001.
155. *Малашенко А.В.* Исламские ориентиры Северного Кавказа. – М., 2001.
156. *Мирский Г.И.* «Радикальный ислам» и западное общество // Политические исследования. – М., 2002. – №1.

157. *Молдалиев О.* Исламизм и международный терроризм: угроза исламу или угроза исламу? – Бишкек, 2004.

158. *Морозов И.Л.* Левый экстремизм в современном обществе: особенности стратегии и тактики. – М., 1998.

159. *Муминов А.* Традиционные и современные религиозно-теологические школы в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. – 1999. – № 4 (5).

160. *Мур К., Зиндани А.-М., Ахмед М.* Коран и современная наука. – М., 1997.

161. *Муслимов С.Ш.* Религиозно-политический экстремизм глазами дагестанцев. – Махачкала, 2011.

162. *Мухаммад Хасан.* Источник террора. Идеология ваххабизма-салафизма. – М., 2005.

163. *Мухаметшин Ф.М.* Взгляд на исламский фундаментализм. – М., 1998.

164. *Мюллер Ф.М.* Введение в науку о религии. – М., 2002.

165. *Назирова Д.* Политический ислам в Центральной Азии: истоки этапы становления // Центральная Азия и Кавказ. – 2003. – № 4 (28).

166. *Нарочницкая Н.А.* Русский мир. – М., 2007.

167. *Нарочницкая Н.А.* Великие войны XX столетия. – М., 2007.

168. *Олимов М., Олимова С.* Политический ислам в современном Таджикистане // Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри. – М., 2001.

169. От террора к планетарной этике: религии и мир // Международный форум. – М., 2005. – 7-8 июня.

170. *Павловский В.П.* Основы религиоведения. – М., 2006.

171. *Патеев Р.Ф.* Политические аспекты мусульманского образования в России: история и современность. – Ростов н/Дону, 2006.

172. *Поляков К.И.* Арабский Восток и Россия: проблема исламского фундаментализма. – М., 2001.

173. *Поляков К.И.* Влияние внешнего фактора на радикализацию ислама в России в 90-ые годы XX века (на примере арабских стран). – М., 2001.

174. *Порохова В.* Коран / Пер. смыслов и комментариев. – Teheran, 2001.

175. *Прозоров С.М.* Ислам как идеологическая система. – М., 2004.

176. Противодействие терроризму. Терминологический словарь / Под ред. Ю.С. Алексеева. – М., 2011.

177. *Рагимов А.А.* Ислам и Кавказская война XIX века. – Махачкала, 2004.

178. Религия и конфликт / Под ред. Малащенко А. и Филатова С. – М., 2007.

179. *Романченко Н.Е.* Институционализация современных радикальных неправительственных организаций на Северном Кавказе. – Москва – Ростов н/Дону, 2011.

180. *Рябцев О.В.* Крымско-татарское национальное движение: современное состояние и перспективы развития. – Ростов н/Д, 2007.

181. *Саид-Афанди.* Мажматуль-Фаваид («Сборник поучений»). – Махачкала, 1998.

182. *Сажин В.И.* К вопросу о цивилизациях, исламе и войнах // Ближний Восток и современность. – М., 1998.

183. *Салих ибн Фаузан аль-Фаузан.* Книга единобожия. – Баку, 1998.

184. Сетевые войны: угроза нового поколения. Сборник научных статей. – М., 2009.

185. *Сейджман М.* Сетевые структуры терроризма. – М., 2008.

186. *Силантьев Р.* Новейшая история ислама в России. – М., 2007.

187. Современный терроризм: взгляд из Центральной Азии. – Алматы, 2002.

188. *Соловьев Э.Г.* Трансформация террористических организаций в условиях глобализации. – М., 2006.
189. *Солтамурадов М.* Суфизм в культуре народов Северо-Восточного Кавказа. – Ростов н/Дону, 2008.
190. *Сулейман Ашкар.* Как принять ислам. – М., 2001.
191. *Султан ибн Фахд ар-Рашид.* Предсмертный миг. – М., 2001.
192. *Суханов В.Ю.* Этническое и национальное в кавказском конфликте: пришествие «Чужого» // Звезда. – СПб., 2001. – №24.
193. *Сухопаров А.* Советские мусульмане: между прошлым и будущим // Общественные науки сегодня. – М., 1991. – № 6.
194. *Суций С.Я.* Террористическое подполье на востоке Северного Кавказа (Чечня, Дагестан, Ингушетия). – Ростов н/Дону, 2010.
195. *Суций С.Я.* Северный Кавказ: реалии, проблемы, перспективы первой трети ХХI века. – М., 2013.
196. *Стецевич М.С.* Мифы о «тоталитарных сектах» и «ваххабитах» в современной России // Смыслы мифа: мифология в истории и культуре. – М., 2002.
197. *Тихонравов Ю.В.* Религии мира. – М., 1996.
198. *Тишков В.А.* Стратегия противодействия экстремизму // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. – М., 1999.
199. *Терехов А.* Тоталитарные секты. Как убивают душу // Екатеринбургский епархиальный вестник. – Екатеринбург, 1995. – № 1-2(6).
200. *Тодуа З.* Экспансия исламистов на Кавказе и в Центральной Азии. – М., 2006.
201. *Тукумов Е.* Проблема религиозного экстремизма в странах Ближнего и Среднего Востока // Analytic (Аналитическое обозрение). – Алматы, 2001. – №1.
202. *Трофимов Д.И.* Центральная Азия: проблемы этноконфессионального развития. – М., 1994.

203. *Трофимов Н.А.* История религий в России. – М., 2001.
204. *Умаров Д.В.* Терроризм на Северном Кавказе: влияние экзогенного фактора / Южнороссийское обозрение. Выпуск № 74. – Ростов н/Дону, 2013.
205. *Умнов А.Ю.* Исламский фундаментализм на Среднем Востоке // Вести Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. – М., 1994. – №3.
206. *Филипс Абу Амина Биляль.* Законы жизни мусульман. Эволюция фикха. – М., 2002.
207. *Хайдар Дулати.* Тарих-и Рашиди. (Рашидова история). – Алматы, 1999.
208. *Халмухамедов А.* Исламский фактор в Узбекистане // Свободная мысль. – Ташкент, 1998.
209. *Ханаху Р.А., Цветков О.М.* Состояние и перспективы ислама в Адыгее // Ислам у адыгов Северного Кавказа. – Майкоп, 2001.
210. *Ханбабаев К.М.* Исламоведение на Кавказе // Этнополитические исследования на Северном Кавказе: состояние, проблемы, перспективы. – Махачкала, 2005.
211. *Ханбабаев К.М.* Этапы распространения ваххабизма в Дагестане // Алимь и ученые против ваххабизма. – Махачкала, 2000.
212. *Ханбабаев М.К.* Исламский радикализм на Северном Кавказе // Свободная мысль. – М., 2007. – №3
213. *Ханбабаев К.М.* Ислам и проблемы обеспечения национальной безопасности в Южном федеральном округе / Южнороссийское обозрение. Выпуск № 30. – Ростов н/Д., 2005.
214. *Харун Яхья.* Ислам проклинает террор. – Астана, 2002.
215. *Хайретдинов Д.* Ислам в Осетии. Информационный материал Исламского Конгресса России. – М., 1997.
216. *Чудинов С.И.* Терроризм смертников. – М., 2010.
217. *Шихсаидов А.Р.* Ислам в Дагестане // Центральная Азия и Кавказ. – 1999. – № 4.

218. *Шевченко А.Г.* Ислам и христианство: исторический опыт и перспективы сотрудничества. – М., 2004.
219. *Шейх Вахид Абдус-Салам Бали.* Оберегание человека от джинов и шайтанов. – М., 2001.
220. *Элиаде М.* Словарь религий, обрядов и верований. – М., 1997.
221. Энциклопедия мистических терминов. – М., 2000.
222. *Эткин М.* Ваххабизм и фундаментализм; термины-«страшилки» // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – № 1 (7).
223. *Юнусов А.С.* Исламская палитра Азербайджана. – Баку, 2012.
224. *Юрченко В.П.* Саудовская Аравия: проблемы противодействия терроризму и исламскому экстремизму // Терроризм. – М., 2004.
225. *Яковлев А.И.* Социально-политические реформы на родине ислама и Дом Саудов // Ислам и исламизм / Под общ. Ред. Е.М. Кожокина, В.И. Максименко. – М., 1999.
226. *Ярлыкапов А.А.* Ногайцы // Ислам на территории бывшей Российской империи. – М., 1999.
227. *Ярлыкапов А.А.* Кредо ваххабита // Вестник Евразии. – М., 2000. – № 3.
228. *Ярлыкапов А.А.* Ваххабизм на Кавказе // Социально-политическая ситуация на Кавказе. – М., 2001.
229. *Crozier B.* Terrorism activity: international terrorism. – Washington, 1975.
230. *Dobaev I.* Russian roulette in North Caucasus // India and Global Affairs (New Delhi, India). – 2009. – April – June.
231. *Espósito J.* The Islamic Threat: Myth or reality? – NY. 1992.
232. *Fuller G.* A Phased Introduction of Islamists – Democracy in the Middle East: Defining the Challenge. – Washington, 1993.
233. *Kisriev E.* Islam's Political Role in Daghestan // Central Asia and the Caucasus. – Luleo, 2000.

234. *Lapeure Edison Gonsales*. Violencia y terrorismo. – Montevideo, 1995.

235. *Laqucur W*. The Age of Terrorism. – Boston: Little, Brown, 1967.

236. *Mallison W, Mallison S*. The concept of Public Purpose Terror in International Law // Journal of Palestine Studies. – 1975. Vol.4.

237. *Jenkins B*. The Who, What, What, Where, How and Why of Terrorism // Paper presented at the Detroit Police Department Conference on «Urban Terrorism: Planning or Chaos?». – 1984. – November.

238. Proceedings of Seminar U.N.O. «Cyberterrorism and Information Warfare Threats and Responses». Report PIPS/98/2, April 16, 1998, Potomac Institute for Policy Studies, Washington, DC, USA.

239. *Samir Amin*. Political Islam // Covert Action. – NY, 2001.

240. *Vartan Grigorian*. Islam a Mosaic, not a monolith. – W., 2003.

241. *Zaki Ahmad*. Developmental Changes in Islamic-Arab Movements. – NY., 1997.

Периодические издания и Интернет

242. «Ас-салам», Махачкала.

243. «Ассаламу Гялайкум», Махачкала.

244. «Дагестанская правда», Махачкала.

245. «Да'уа», Владикавказ.

246. «Знамя Ислама», Махачкала.

247. Известия.

248. «Исламский Вестник», Махачкала.

249. «Исламские новости», Махачкала.

250. «Научная мысль Кавказа», Ростов-на-Дону.

251. «Московский комсомолец», Москва.

252. «Мусульмане», Москва.

253. «НГ-Религии», Москва.

254. «Независимая газета», Москва

- 255. «Нурул Ислам», Махачкала.
- 256. Российская газета.
- 257. «Сердало», Назрань.
- 258. «Центральная Азия и Кавказ», Лулео (Швеция).
- 259. *Рощин М.* Ислам в Дагестане // <http://www.ethnonet.ru/ru/pub/rosh.html>
- 260. *Сухов И.* Дагестанский тупик // <http://www.apn.ru/publications/article1483.htm>.
- 261. *Тлисова Ф.* Кабардино-Балкария: взгляд изнутри // http://www.jamestown.org/events_details.php?event_id=33.
- 262. Официальный сайт Национального антитеррористического комитета РФ: <http://www.nak.fsb.ru>.

ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЦЕНТР СИСТЕМНЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ИППК ЮФУ и ИСПИ РАН

И.П. ДОБАЕВ

РАДИКАЛИЗАЦИЯ ИСЛАМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Монография

Сдано в набор 25.05.2014. Подписано в печать 15.06.2014.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. п. л. 20,75. Тираж 500 экз.

Издательство: Социально-гуманитарные знания.
344006, Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160, к. 208.
тел. 264-34-66